

ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА

№3
2017

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ ВОЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

123001, г. Москва,
ул. Большая Садовая, д. 14

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77-62644
от 10 августа 2015 г.

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

Выходит 4 раза в год
на русском языке

Распространяется
в Российской Федерации

Представляемые к изданию
статьи проходят обязательную
экспертизу в соответствии
с требованиями Инструкции
о порядке подготовки
в Вооруженных Силах
Российской Федерации
материалов к открытому
опубликованию

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

Марченков Валерий Иванович,
доктор педагогических наук, профессор,
начальник Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

Заместитель председателя:

Старцун Виктор Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права
Военного университета

Члены редакционного совета:

Безбабнов Олег Геннадьевич,
директор Правового департамента
(начальник юридической службы)
Министерства обороны Российской Федерации

Дерешко Богдан Юльевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника Всероссийского
научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации по научной работе

Елина Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук,
директор Департамента претензионной
и судебно-правовой работы
Министерства обороны Российской Федерации

Солонин Дмитрий Олегович,
протоиерей, помощник начальника
Военного университета по работе
с верующими военнослужащими

Сорочкин Александр Сергеевич,
кандидат юридических наук, заместитель
Председателя Следственного комитета
Российской Федерации – руководитель Главного
военного следственного управления

Фридинский Сергей Николаевич,
доктор юридических наук,
заместитель Генерального прокурора
Российской Федерации – главный военный
прокурор

Хомчик Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук, заместитель
Председателя Верховного Суда
Российской Федерации – председатель Судебной
коллегии по делам военнослужащих

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель:

Маликов Сергей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Заместитель председателя:

Старцун Виктор Николаевич,
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Ахметшин Хасан Мубаракович,
доктор юридических наук, профессор

Бараненков Вячеслав Вячеславович,
доктор юридических наук, профессор

Вехов Виталий Борисович,
доктор юридических наук, профессор

Винокуров Александр Юрьевич,
доктор юридических наук, доцент

Воронов Александр Федорович,
доктор юридических наук, профессор

Дамаскин Олег Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор

Загорский Геннадий Ильич,
доктор юридических наук, профессор

Землин Александр Игоревич,
доктор юридических наук, профессор

Кардаш Игорь Леонидович,
доктор военных наук, профессор

Корякин Виктор Михайлович,
доктор юридических наук, доцент

Кудашкин Александр Васильевич,
доктор юридических наук, профессор

Лиховидов Константин Станиславович,
доктор юридических наук, доцент

Мазаник Александр Иванович,
доктор военных наук, профессор

Никитин Алексей Николаевич,
доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор

Рыльская Марина Александровна,
доктор юридических наук, доцент

Толкаченко Анатолий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор

Топорков Анатолий Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор

Туганов Юрий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор

Холопова Елена Николаевна,
доктор юридических наук, профессор

Чернявский Александр Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по темам военного права, военных проблем международного права

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций
- Рукописи авторам не возвращаются
- Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией

Главный редактор:
Маликов С.В.

Заместитель главного редактора:
Старцун В.Н.

Научный редактор:
Дерешко Б.Ю.

Помощник главного редактора:
Балканов И.В.

Редактор:
Тюрина О.А.

Ответственный секретарь:
Сергиенко И.Н.

Перевод аннотаций
на английский язык:
Малютина А.Е.

Верстка:
Антонова О.В.

Адрес редакции:
111033, г. Москва,
ул. Волочаевская, д. 3/4
E-mail: vestnik-vp@mail.ru
www.vestnik-vp.ru

Подписано в печать
июнь 2017
Формат 70х108 1/16.
Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии
«ИСПО принт»
Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: 8 (499) 235-54-52
E-mail: zakaz@ispo-print.ru
www.ispo-print.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Хомчик В.В.

Деятельность военных судов в отражении отечественного законодательства:
генезис, становление и развитие, современное состояние7

ТРАДИЦИИ

Командир14

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ПРАВА

Загорский Г.И.

Военно-судебные органы временного правительства России
(февраль – октябрь 1917 года)23

ОБОРОНА И БЕЗОПАСНОСТЬ

Туганов Ю.Н.

Некоторые аспекты системы кадрового обеспечения государственной
безопасности Российской Федерации30

Феоктистова О.Ю., Филиппов М.И.

Правовой режим зон с особыми условиями использования земель
в целях обороны и безопасности33

ПРОБЛЕМЫ. МНЕНИЯ. РЕШЕНИЯ

Зорин О.Л.

Некоторые концептуальные вопросы усиления роли офицерской
общественности в интересах укрепления законности
в Вооруженных Силах Российской Федерации39

Соколова Е.В.

Некоторые вопросы распоряжения имуществом Вооруженных Сил
Российской Федерации и подведомственных Министерству обороны
Российской Федерации организаций46

ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Старцун В.Н., Балканов И.В.

Бессрочная война: неурегулированность окончания вооруженного конфликта
в международном праве54

Белый И.Ю.

Международное уголовное правосудие и проблемы правового суверенитета России	63
--	----

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Загорский Г.И.

Право на справедливый суд в XXI веке	69
--	----

Караяни А.Г.

О профессиональном психологическом отборе граждан при исполнении ими воинской обязанности	72
--	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЕННО-ПРАВОВОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Старцун В.Н., Балканов И.В.

Собрать и дисциплинировать армию: роль военно-юридической службы в реорганизации отношений с гражданским обществом в годы Первой Мировой войны	75
--	----

Угрозы создания роботов-убийц и необходимость превентивного запрета	77
---	----

Бессрочная война: проблемы правового регулирования	79
--	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ОБСУЖДЕНИЯ, ДИСКУССИИ

Межвузовская научно-практическая конференция

«Военно-судебная реформа 1867 года: уроки истории в контексте современных требований обеспечения законности в Вооруженных Силах Российской Федерации»	81
---	----

Круглый стол

«Актуальные проблемы правового регулирования финансово-экономической деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации»	87
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Каламкарян Р.А.

Рецензия на монографию Старцуна В.Н. «Частные военные компании: международный опыт правового регулирования и перспективы легализации в Российской Федерации»	91
--	----

Дамаскин О.В.

Рецензия на монографию Красинского В.В. «Защита государственного суверенитета»	94
---	----

ИНФОРМАЦИЯ

Правила оформления, представления и публикации статей	97
---	----

CONTENTS

EXECUTIVE OPINION

Khomchik V.V.

Military Courts' Activities Reflected in Domestic Legislation: Genesis, Development and the Present State	7
--	---

TRADITIONS

Commander	14
-----------------	----

THEORY AND HISTORY OF MILITARY LAW

Zagorskii G.I.

Military-Judicial Authorities of the Temporary Government of Russia (February-October 1917)	23
--	----

DEFENSE AND SECURITY

Tuganov Yu.N.

Certain Aspects of the Staff Assistance System of the State Security of the Russian Federation	30
---	----

Feoktistova O.Yu., Filippov M.I.

Legal Regime of Zones with Special Conditions of Land Use for the Purposes of Defense and Security	33
---	----

PROBLEMS AND OPINIONS

Zorin O.L.

Some Conceptual Issues of Consolidating the Role of the Officer Community for Strengthening Legality in the Armed Forces of the Russian Federation	39
---	----

Sokolova E.V.

Some Issues of Disposal of the Property of Russian Federation Armed Forces and the Organizations under the Authority of the Ministry of Defense of the Russian Federation	46
---	----

MILITARY ASPECTS OF INTERNATIONAL LAW

Startsun V.N., Balkanov I.V.

Indefinite War. Unregulated Field of International Law Pertaining to an Armed Conflict Termination Criteria	54
--	----

Belyi I.Yu.	
International Criminal Justice and Problems of Legal Sovereignty of Russia	63

EXPERT OPINION

Zagorskii G.I.	
The Right to a Fair Trial in the XXI Century	69
Karayani A.G.	
On Aptitude Screening of Citizens in the Performance of their Military Duties	72

INTERNATIONAL MILITARY LAW REVIEW

Startsun V.N., Balkanov I.V	
To Raise and Discipline the Army: the Role of the Military Legal Service in the Reorganization of Relations with the Civil Society during the First World War	75
The Dangers of Killer Robots and the Need for a Preventive Ban	77
Indefinite War: Unsettled International Law Disputes	79

ACADEMIC LIFE: DISCUSSIONS

Inter-University Research-to-Practice Conference	
Military-Judicial Reform of 1867: Lessons of History in the Context of Modern Requirements for Ensuring Legality in the Armed Forces of the Russian Federation	81
Panel Discussion	
Topical Issues of Legal Regulation of Financial and Economic Activities in the Armed Forces of the Russian Federation	87

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

Kalamkaryan R.A.	
Review of the Research by Startsun V.N. Private Military Companies: International Experience of Legal Regulation and Prospects for Legalization in the Russian Federation	91
Damaskin O.V.	
Review of the monograph by Krasinskii V.V. Protection of State Sovereignty	94

УДК 344.3

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННЫХ СУДОВ В ОТРАЖЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ГЕНЕЗИС, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В.В. ХОМЧИК,

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации,
заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации –
председатель Судебной коллегии по делам военнослужащих
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Аннотация. В настоящем исследовании приводится ретроспективный анализ формирования и развития российского законодательства, регламентирующего деятельность военных судов. Подчеркивается исключительная значимость военно-судебной реформы 1867 г., ставшей важной вехой в истории отечественного права. Выделяются объективные предпосылки для формирования судейского корпуса из числа кадровых военнослужащих, делается вывод о том, что осуществление правосудия в войсках требует глубокого знания специфики армейской службы, военного строительства и законодательства.

Ключевые слова: Вооруженные Силы Российской Федерации; органы военной юстиции; отечественное законодательство; военные суды; военно-судебная реформа 1867 г.

На всех исторических этапах своего существования органы военной юстиции играли первостепенную роль в поддержании правопорядка в вооруженных силах Российского государства, оказывая непосредственное влияние на боевую подготовку и результаты боевой деятельности [11]. В настоящее время законодательством Российской Федерации на органы военной юстиции возложены функции по осуществлению правосудия в отношении военнослужащих и военных организаций, по надзору за соблюдением законности в воинских формированиях, по организации правовой работы и руководству ею на уровне центральных органов военного управления.

Деятельность органов военной прокуратуры и военных судов в полной мере отвечает интересам национальной безопасности российской государственности и направлена на поддержание состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации [3].

С учетом вышесказанного видится значимым ретроспективное осмысление военно-судебной реформы 1867 г. как важного этапа становления и развития законодательства о деятельности военных судов. Накопленный исторический опыт в указанной сфере является уникальным, и в то же время он сохраняет свою актуальность в процессе дальнейшего совершенствования фундаментальных основ военного права.

Прежде чем перейти к анализу состояния российских органов военной юстиции в синхроническом ракурсе, проведем краткий экскурс в прошлое, посвященный судьбоносным периодам истории отечественной системы законодательства о деятельности военных судов.

Своим возникновением военные суды обязаны регулярной армии, надлежащее функционирование которой представлялось немыслимым без установленного порядка несения воинской службы. До XVII в. отправление судопроизводства в Московской Руси соответствовало правилу: «кто управляет – тот и судит». Именно князьям, воеводам, а также тысяцким, стоящим во главе народных ополчений в военное время, принадлежало право суда. Воеводский суд и суд полковых судей с достаточным основанием могут быть причислены к первым российским военным судам [13].

Радикальным изменениям военно-судебная система подверглась в ходе Петровских реформ. В этот период в России появились новые органы военного правосудия – кригсрехты и законодательные акты, в которых детально регламентировалось военное судопроизводство. При этом принципиальным является то, что Петр I, понимая важность аппарата военных судов как одного из наиболее действенных механизмов поддержания дисциплины и правопорядка в войсках в военное время, нашел целесообразным выделить их среди прочих инстанций судебной власти.

Петровское наследие по преобразованию военно-судебных органов получило значительное развитие во время правления Александра II. 15 мая 1867 г. был высочайше утвержден Военно-судебный устав. Принятию этого документа предшествовала большая подготовительная работа. На основании доклада военного министра Д.А. Милютин 2 ноября 1862 г.

императором была создана комиссия из представителей военного и морского ведомств под председательством генерал-адъютанта Н.А. Крыжановского.

В основу установления системы военных судов Российской империи комиссия положила следующие руководящие принципы:

1. Соответствие военных судов структурному устройству общих судов государства.

2. Отвечающая материальным возможностям военного ведомства экономичность военно-судебных органов.

3. Удобство применения военных судов в условиях военного времени.

Результатом военно-судебной реформы 1867 г. явилось установление новой системы военных органов правосудия.

Согласно указанному Военно-судебному уставу в мирное время в военном ведомстве России учреждались:

1. Полковые суды.
2. Военно-окружные суды.
3. Временные военные суды.
4. Главный военный суд.
5. Особый военный суд.

В условиях военного времени создавались следующие виды военных судов:

1. Полковые и этапные суды.
2. Полевой военный суд.
3. Полевой суд.
4. Главный военный суд.
5. Корпусные суды и суды тыла армии.
6. Военно-окружные суды пограничных округов.
7. Суд армии.
8. Кассационное присутствие.
9. Военно-полевые суды [9].

Положения Военно-судебного устава 1867 г. впервые нашли практическое применение во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В связи с началом военных действий отдельные местности Кавказского наместничества, Бессарабская губерния, приморские уезды Херсонской и Таврической губерний и Крымский полуостров были переведены на военное положение. На время войны в Действующей армии Российской империи были учреждены один постоянный и шесть временных полевых военных судов. Однако военные суды Действующей армии функционировали не в таком составе, какой предусматривался Военно-судебным уставом 1867 г. Уже в самом начале войны Главнокомандующий Действующей

армией распорядился сократить число членов временных полевых военных судов с шести до трех офицеров [8; 10]. Наряду с этим, в Кавказской армии оказалась невостребованной практика учреждения полевых военных судов. Как и в мирное время, юрисдикция подсудности уголовных дел в отношении военнопленных войск армии осуществлялась Кавказским военно-окружным судом, с той лишь разницей, что при рассмотрении дел о войсках и местностях, объявленных на военном положении, военный суд исходил из процессуального законодательства, установленного Военно-судебным уставом 1867 г.

Заслуживает также упоминания еще один документ, регламентировавший вопросы военного судопроизводства, – Военно-морской судебный устав 1874 г., который уделял большое внимание преступлениям военнопленных на флоте и уголовно-процессуальным вопросам рассмотрения таких преступлений военными судами.

К отдельной категории следует отнести нормативные правовые акты, изданные с 1914 по 1918 гг., в период революции 1917 г. и Гражданской войны. Полагаем, что наиболее значимыми из них являются: Высочайшее повеление от 10 августа 1914 г. «О предоставлении главным начальникам военных округов права учреждать в военное время суды, равные по власти полковым, при всех вообще строевых и нестроевых частях и об условиях назначения офицеров в означенные суды в качестве членов», Высочайшее повеление от 8 мая 1915 г. «Об изменении и дополнении правил о военно-полевом суде», Высочайшее повеление от 16 сентября 1915 г. «Об изменении некоторых постановлений IV раздела Устава военно-судебного», Постановление Временного правительства от 17 апреля 1917 г. «Об устройстве полковых судов в мирное и военное время», Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. № 1 «О суде».

После Октябрьской революции в стране согласно вышеуказанному Декрету были упразднены все общие судебные органы, включая военные и морские суды всех наименований, вместо них организовывались местные суды и революционные трибуналы, в том числе отвечающие за рассмотрение дел в отношении военнопленных [4].

Одной из актуальных проблем функционирования судебного аппарата на революционном витке исторического развития России была неспособность общегосударственных судебных органов эффективно осуществлять правосудие в войсках, обеспечивать оперативное разрешение дел, особенно в условиях боевых действий. Не владея спецификой военной службы, судьи общих судов были оторваны от армии [12]. Поэтому с учетом сложности политической обстановки, обусловившей потребность в принятии особых мер по поддержанию боеспособности, укреплению дисциплины и правопорядка в войсках, по инициативе Реввоенсоветов в середине 1918 г. были сформированы военно-судебные органы: чрезвычайные тройки, полевые суды, военно-полевые сессии. Впоследствии данные органы стали именоваться военными трибуналами.

Развернувшиеся Гражданская война и иностранная военная интервенция поставили советское руководство перед острой необходимостью форсированного создания массовой регулярной армии. К осени 1918 г. для противодействия преступности в войсках были созданы специализированные органы советской юстиции – революционные военные трибуналы. Сначала данные органы создавались в армиях и на фронтах, после чего формировались их отделы при дивизиях и бригадах. Представляется важным отметить, что особенностью отправления правосудия революционными военными трибуналами являлось их ничем не ограниченное право на определение меры репрессии.

К сожалению, в 1930-е гг. опыт осуществления судопроизводства военными трибуналами времен Гражданской войны не получил должной правовой оценки, вследствие этого к моменту начала Великой Отечественной войны в СССР не удалось создать надлежащую нормативную базу для деятельности военных трибуналов в военное время и в боевой обстановке. Система военных трибуналов предвоенных лет соответствовала требованиям Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре 1926 г. и организационно была привязана к войсковым формированиям и военным округам [5].

Постановлением СНК СССР от 15 июня 1939 г. было утверждено Положение о Народном комиссариате юстиции СССР,

согласно которому круг возлагаемых на Народный комиссариат юстиции СССР (далее – НКЮ СССР) задач включал организацию специальных судов, осуществление контроля за состоянием судебных органов и составление руководящих указаний по организации и улучшению работы, организацию подготовки и переподготовки кадров для системы юстиции в целом. Во исполнение этих задач при НКЮ СССР было учреждено Управление специальных судов СССР, в состав которого вошел Отдел военных трибуналов.

К числу наиболее значимых законодательных актов в сфере уголовного процесса в период Великой Отечественной войны относятся Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» и утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий. Первый из названных актов определял порядок регулирования общественных отношений на период военного времени [6], второй передавал военным советам фронтов, армий, военных округов функции органов государственной власти в области обороны в местностях, объявленных на военном положении, а также устанавливал перечень дел, подсудных военным трибуналам [7].

Большое значение имел также приказ НКЮ СССР от 29 июня 1941 г. № 106 «О перестройке работы судебных органов и органов юстиции на военный лад», в котором были изложены основные задачи судебных органов в период Великой Отечественной войны.

В начальный период войны разграничение компетенции между гражданскими и военными судами было весьма существенным. Так, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «О трудовых преступлениях на военных предприятиях», к компетенции общегражданских органов юстиции относились дознание, следствие и прокурорская проверка. Военные же трибуналы отвечали за судебное следствие. Стало отчетливо прослеживаться и повсеместное ужесточение наказаний за преступления, рассматриваемые военными трибуналами. За такие злостные нарушения, как самовольное отступление с боевых позиций, разглашение

государственной тайны, уклонение от призыва по мобилизации, уклонение от воинского учета, вводилась ответственность вплоть до расстрела. Вышеназванные правонарушения расценивались как измена Родине и подлежали суду военного трибунала.

После окончания Великой Отечественной войны указами Президиума Верховного Совета СССР от 21 сентября 1945 г. и от 4 июля 1946 г. указы Президиума Верховного Совета СССР об объявлении в ряде местностей СССР военного положения были признаны утратившими силу [15]. Компетенция военных трибуналов, как и до войны, стала определяться нормами Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1940 г. «Об изменении подсудности военных трибуналов» [15].

В послевоенное время Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни» высшая мера наказания, установленная за преступления против действующего в СССР законодательства, была отменена. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 г. смертная казнь применялась лишь в отношении изменников родины, шпионов, подрывников-диверсантов [15].

В период ликвидации культа личности И.В. Сталина в законодательство о военных трибуналах и порядке их деятельности были внесены принципиальные изменения. Указом от 1 сентября 1953 г. Президиум Верховного Совета СССР упразднил Особое совещание при МВД СССР. Дела, прежде рассматриваемые этим органом во внесудебном порядке, были переданы в подсудность военных трибуналов. Данным Указом были полностью восстановлены упраздненные в 1934 г. правовые гарантии и принцип подлинного правосудия [14].

С принятием в 1957 г. Положения о Верховном Суде СССР, а в 1958 г. нового Положения о военных трибуналах устройство, компетенция и порядок деятельности военных трибуналов претерпели существенные изменения.

По Положению о военных трибуналах 1958 г. структура и штаты указанных судебных органов определялись Министерством юстиции СССР, в составе которого действовало Управление военных трибуналов, совместно с Министерством обороны СССР. Личный состав военных

трибуналов и Военной коллегии входил в штатную численность Вооруженных Сил СССР, а их члены состояли на действительной военной службе. Финансовое

и материально-техническое обеспечение военных судов и Военной коллегии осуществлялось Министерством обороны СССР.

Судьи военных трибуналов избирались Президиумом Верховного Совета СССР сроком на пять лет из числа состоящих на действительной военной службе советских граждан, имеющих воинское звание офицера, высшее юридическое образование и достигших ко дню выборов возраста 25 лет.

С принятием 30 июня 1987 г. Верховным Советом СССР Закона СССР «О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан» впервые в СССР было реализовано конституционное право граждан на обжалование неправомερных действий должностных лиц, однако право военнослужащих на обжалование в суд действий и решений, нарушающих их права, не было предусмотрено.

Законом от 21 апреля 1992 г. военные трибуналы были переименованы в военные суды. Законом от 3 июля 1992 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР и Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР”» указанные законы Российской Федерации были дополнены нормами, регулирующими деятельность военных судов, военные суды были законодательно включены в состав судов Российской Федерации, а Военная коллегия – в состав Верховного Суда Российской Федерации.

18 ноября 1992 г. на заседании Пленума Верховного Суда Российской Федерации был рассмотрен вопрос «О судебной защите прав военнослужащих от неправомερных действий органов военного управления и воинских должностных лиц». В интересах обеспечения защиты прав и свобод военнослужащих и на основании ст. 63 Конституции Российской Федерации Пленумом Верховного Суда были сформулированы соответствующие разъяснения судам о возможности обжалования военнослужащими противоправных действий органов военного управления и воинских должностных лиц.

На основании п. 1 ст. 21 Закона Российской Федерации «О статусе

военнослужащих», вступившего в силу с 1 февраля 1993 г., было закреплено право военнослужащих «на защиту своих прав и законных интересов путем обращения в суд в порядке, установленном законодательством Российской Федерации». Данная норма получила дальнейшее развитие в Законе Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан».

Принятый в 1999 г. Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации» ознаменовал завершение на законодательном уровне реорганизации военной судебной системы Российской Федерации. Указанный Закон сделал возможным создание самостоятельных и независимых от органов исполнительной власти (в том числе и от органов военного управления) судов, стоящих на страже законности, справедливости и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и федеральных органах исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба. В продолжение реформирования судебного аппарата был принят Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации».

Необходимость внесения коррективов в законодательство, регулирующее деятельность военных судов, была продиктована сокращением численного состава Вооруженных Сил Российской Федерации, заменой значительного количества воинских должностей на должности государственной гражданской службы, а также изменениями военно-административного деления Российской Федерации. Результатом вышеперечисленных объективных факторов стало сокращение штата военных судов.

Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации» претерпел значительные изменения, связанные с изменением статуса судей и работников аппарата военных судов и Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. Внесенные в вышеназванный Закон поправки коснулись также подсудности дел военным судам, порядка создания и работы президиумов военных судов, рассмотрения дел апелляционными инстанциями военных судов и Военной коллегии.

В соответствии с Федеральным законом от 23 июня 2014 г. № 154-ФЗ были учреждены Крымский и Севастопольский гарнизонные военные суды, подведомственные Северо-Кавказскому окружному военному суду, с местом дислокации в г. Симферополе и г. Севастополе соответственно. Юрисдикция этих судов распространяется на военные гарнизоны, войска, воинские формирования и предусматривающие военную службу органы, дислоцированные соответственно в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе.

С 1 января 2015 г. на основании положений Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ведение Московского и Северо-Кавказского окружных военных судов по подсудности были переданы на рассмотрение уголовные дела, связанные с террористической деятельностью.

С 20 июля 2016 г. уголовные дела по преступлениям террористической направленности рассматривает Приволжский окружной военный суд, а с 7 июня 2017 г. также и Дальневосточный окружной военный суд.

В настоящее время органы военной юстиции представлены военными судами, органами военной прокуратуры, подразделениями юридической службы министерств и ведомств, предусматривающих военную службу в соответствии с российским законодательством. В систему военных судов, характеризующихся значительной спецификой и относимых судебной системой Российской Федерации к категории специализированных, входят окружные (флотские) и гарнизонные военные суды. Военные суды создаются по территориальному принципу по месту дислокации воинских частей и учреждений Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов. Деятельность военных судов регламентируется Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами «О судебной системе Российской Федерации» и «О военных судах Российской Федерации» [1; 2].

Военно-судебная система включает 12 окружных (флотских) и 107 гарнизонных военных судов. Пять гарнизонных военных судов дислоцированы за

пределами Российской Федерации: два – в Республике Казахстан, по одному в Республике Армении, Республике Таджикистан и Приднестровье.

Проведенный в настоящем исследовании ретроспективный анализ позволяет заключить, что осуществление правосудия в войсках обнаруживает диалектическую взаимосвязь с глубоким знанием специфики военной службы, военного законодательства, воинских уставов, наставлений и приказов, конкретных условий жизнедеятельности войск. Категорическим императивом судебного производства, осуществляемого военными судьями, является готовность выполнять профессиональные обязанности в условиях боевой обстановки. Особенности организации и комплектования военно-судебных органов удовлетворяют критериям эффективного судопроизводства в таких специфических условиях, при которых деятельность других судов общей юрисдикции представлялась бы крайне затруднительной. Невзирая на то что с 2009 г. судьи военных судов перестали быть военнослужащими, ст. 27 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» содержит норму, согласно которой преимущественное право назначения на должность судьи военного суда предоставляется военнослужащим, имеющим воинское звание офицера, а также гражданам, имеющим воинское звание офицера, пребывающим в запасе или находящимся в отставке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О судебной системе Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. конституц. закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 5 февр. 2014 г.). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/.
2. О военных судах Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. конституц. закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) (с изм. и доп., вступил в силу с 1 янв. 2017 г.). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23479/.
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683. // Рос. газ. – 2015. – 31 дек.
4. О Суде [Электронный ресурс]: декрет СНК РСФСР от 24 нояб.

1917 г. № 1. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4029#0>.

5. Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре: утв. Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 20 авг. 1926 г. // Собр. законов СССР. – 1926. – № 57. – Ст. 413.

6. О военном положении: указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1941. – № 29.

7. Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий: утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1941. – № 29.

8. Баишев М.И. Военно-судебная реформа в царской армии (60–70-е гг. XIX в.) – М., 1955. – С. 75.

9. Кутафин О.Е. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2003. – Т. 3. – С. 715–730.

10. Максимов Н. Статистический очерк военно-судной части во время войны 1877–1878 гг.: в 2 ч. – СПб., 1879–1880. – Ч. 1. – С. 1–2.

11. Невский С.А. Правовое регулирование производства предварительного следствия по Военно-судебному уставу 1867 г. // Практика международных судебных органов в системе современной доктрины военного права: сб. материалов конф. / под рук. И.В. Мишуткина. – М.: Воен. ун-т, 2017. – С. 18.

12. Петровичев А.Я. Военные суды Российской Федерации: история и современность // Информ. бюл. воен. судов – 2008. – № 4. – С. 6.

13. Петухов Н.А. Социальные и правовые проблемы становления, развития и функционирования системы военных судов в России: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – С. 127.

14. Петухов Н. Становление военно-судебных органов России / Н. Петухов, В. Пипко, А. Толкаченко // Рос. юстиция. – 2003. – № 1. – С. 14.

15. Сборник документов по истории советской военной юстиции // сост. Л.Н. Гусев. – М.: Воен.-юрид. акад., 1954. – С. 436, 439.

заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по делам военнослужащих.

121260, Москва, ул. Поварская, д. 15
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Executive Opinion

MILITARY COURTS' ACTIVITIES REFLECTED IN DOMESTIC LEGISLATION: GENESIS, DEVELOPMENT AND THE PRESENT STATE

Vladimir V. KHOMCHIK

Abstract. This study provides a retrospective analysis of shaping and development of Russia's legislation pertaining to military courts' activities. It emphasizes the exceptional importance of the 1867 military-judicial reform, which became an important milestone in the history of Russian law. This research singles out objective preconditions for the judiciary corps to have been shaped of regular military servicemen at various historical stages of the formation of military justice bodies. It concludes the implementation of justice in the military requires good knowledge of military life, professional activities and conditions of troops, as well as military legislation, regulations, instructions and orders.

Keywords: Armed Forces of the Russian Federation; bodies of military justice; domestic legislation; military courts; the 1867 military-judicial reform

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khomchik Vladimir Vladimirovich, Cand. Sc. (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Russian Federation Supreme Court – Chairman of the Judicial Division for Military Personnel.

15 Povarskaya Str., Moscow, 121260, Russian Federation

E-mail: vestnik-vp@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Хомчик Владимир Владимирович, кандидат юридических наук,

КОМАНДИР

Аннотация. Данный очерк посвящен начальнику Военного университета Минобороны России, доктору педагогических наук, профессору, председателю редакционного Совета «Военного академического журнала» и «Вестника военного права» Валерию Ивановичу Марченкову и приурочен к его 70-летию юбилею.

Ключевые слова: военно-юридическое образование; боевой опыт; традиции; преемственность; Военный университет

ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Валерий Иванович Марченков родился 5 июля 1947 года в деревне Осиновка Монастырщинского района Смоленской области в тяжелые послевоенные годы. Однако родителям маленького Валеры к трудностям было не привыкать. Его маме Анастасии Демьяновне едва исполнилось четыре года, когда они с сестренкой лишились родителей и девочек разделили между родными тетями. Выросшая, пусть

не в родительской, но все-таки любви и заботе Анастасия Демьяновна всегда мечтала о большой, дружной семье. Такая семья была у Ивана Николаевича Марченкова, ее будущего мужа. Он рос в шумной компании четырех братьев и сестер. «В тесноте, да не в обиде» – это словно про них сказано. А теснота в те годы действительно была страшная, потому повзрослевший Иван Марченков мечтал о большом уютном доме. Для этого он устроился работать в лесничество, где со временем можно было выписать материал для строительства собственного жилья. Но все это было впереди... А поначалу молодой глава семейства въехал с женой, годовалым сыном Валерой и престарелой матерью в маленькую комнату служебной коммуналки, принадлежавшей лесному хозяйству. В этой же «комнатухе», как называли ее Марченковы, родились сестренка Валерия Ивановича Людмила и брат Саша. Сегодня они с улыбкой и удивлением вспоминают, как не только помещались всем семейством в этом скромном жилье, но и принимали

огромное количество родственников, регулярно приезжавших в гости на лето.

И хоть разница в возрасте между детьми была небольшой, Валера всегда признавался Старшим братом. Он рос спортивным и ответственным. Научил младших играть в футбол, волейбол, кататься на коньках, которые в то время выглядели как лезвия, привязанные к валенкам. А в требованиях к порядку и дисциплине он порой превосходил даже самих родителей. Так, например, уговорить папу или маму задержаться на прогулке с друзьями позднее 23.00 было проще, чем брата Валеру. Он был непреклонен и решителен, всегда искренне переживал за родителей, сестру и брата. Однажды Людмила, тогда пятиклассница, повредила на уроке физкультуры ногу. Вывихнутое место распухло и безумно болело, когда Валере, к тому моменту ученику 7 класса, сообщили, что сестра не может идти домой. Родители работали, а потому, сам еще ребенок, он, сбегав домой за велосипедом, усадил на него сестренку и отправился в путь. А путь был неблизкий, несколько километров по проселочной дороге, через горки и ухабы. И сегодня Людмила Ивановна с нежностью и благодарностью вспоминает детские, худенькие руки брата, напряженно толкающие велосипед с ней в гору.

С не меньшей благодарностью и теплотой вспоминает подарок старшего брата Александр. Ему было 12 лет, когда только закончивший школу Валера устроился работать на стройку. Получив свою первую в жизни зарплату, он потратил ее на покупки для близких. Юному Саше достались лыжи. Да не просто лыжи, а лучшие, о которых на тот момент можно было только мечтать. Легкие, гибкие, таких не было ни у кого в округе. Тогда Саша Марченков еще не представлял, что скоро самым главным подарком для него будет просто общение с братом. Детство Валерия Марченкова закончилось. В 1966 году он поступил в Московское высшее общевойсковое командное училище. А увольнительные домой стали редким подарком и настоящим праздником.

КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ, КАК ИСКРЕННЕ СЛУЖИЛИ

С выбором профессии юный Валерий Марченков определился еще в школе. О том, что этот выбор был верным,

показал весь его дальнейший профессиональный путь. В 1970 году он окончил Московское высшее общевойсковое командное училище с красным дипломом. Занятия, наряды, изнуряющая строевая подготовка, долгие караулы в тридцатиградусный мороз, учения в полях – все это с честью вынес курсант Валерий Марченков. И потому получил назначение в одну из лучших гвардейских мотострелковых дивизий Московского военного округа и всего Советского Союза. В гвардейской Таманской мотострелковой дивизии Валерий Иванович прослужил до 1978 года, пройдя путь от командира взвода до начальника штаба – заместителя командира мотострелкового батальона. Рота старшего лейтенанта Валерия Марченкова неоднократно признавалась лучшей в дивизии и получала почетное право участвовать в Парадах Победы на Красной площади. Со службой в дивизии также связаны два самых светлых и радостных события в жизни молодого офицера – в 1972 году в семье Марченковых родился сын Дмитрий, а в 1978 году – дочь Наталия. В тот же год Валерий Иванович становится слушателем Военной академии им. М. В. Фрунзе. В 1981 году он с успехом заканчивает Академию и направляется для дальнейшего прохождения службы в Группу Советских войск в Германии.

В ГЛАЗА ВРАГУ

Несмотря на то, что Валерий Иванович родился после Великой Отечественной войны, он вырос в те времена, когда память о ней была очень свежа. Он знал о том горе, что причинила эта кровавая бойня не из фильмов, а от очевидцев, отцов и дедов, старших товарищей по службе. Валерий Иванович Марченков стал одним из немногих, кому пришлось посмотреть в лицо одному из главных палачей своего народа.

Семь осужденных Нюрнбергским трибуналом нацистских преступников были перевезены для отбывания наказания в наиболее изолированную тюрьму Берлина – Шпандау. Для охраны тюрьмы был установлен менявшийся каждый месяц четырехсторонний караул. Поочередно заступали советские, американские, французские и английские военнослужащие. Обязанность охранять фашистских главарей была возложена на 133-й отдельный мотострелковый батальон.

Со временем огромная тюрьма продолжала служить пристанищем лишь для Рудольфа Гесса. Заместитель фюрера по национал-социалистической партии должен был остаться там пожизненно. В середине 80-х Валерий Марченков был откомандирован в Германию для охраны преступника. Один раз в месяц, в 20-х числах, проходила инспекционная проверка нахождения Гесса в камере.

В состав комиссии входили четыре начальника тюрьмы и представители командования стран-победительниц. Во время такой проверки в камере довелось побывать и комбригу Валерию Марченкову. В то время Гесс был уже пожилым человеком. От заместителя фюрера остались только пронизательные глаза. Рудольф Гесс выглядел жалким стариком.

ЭПОХА ПЕРЕМЕН

Вернувшись в Россию в 1986 году, командир 6 отдельной гвардейской мотострелковой бригады полковник Валерий Иванович Марченков становится слушателем Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР им. К. Е. Ворошилова, после окончания которой проходит службу на должностях командира дивизии, первого заместителя командующего армией, командира армейского корпуса. К моменту, когда СССР оказался на пороге катастрофы, Валерий Иванович уже был опытным командиром, готовым защитить свою Родину от любого врага. Среди многих других советских солдат и офицеров он остался верен присяге, с честью прошел испытания начала девяностых, сохранил свойственные твердость духа и веру в Родину, ее армию и флот.

Затем случилось страшное. Ослабленная и измученная «реформами» уже не Советская, а Российская армия, была

брошена в «горнило» первой чеченской войны. Оттуда Валерий Иванович вернулся в военный госпиталь с воспалением легких.

Потом был 30 гвардейский армейский корпус Ленинградского военного округа, а после него – Главное управление боевой подготовки Вооруженных Сил Российской Федерации.

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

В 1998 году Валерий Иванович назначен первым заместителем начальника Главного управления боевой подготовки Вооруженных Сил Российской Федерации. Эти годы становятся переломными в судьбе не только Командира, но и всей страны. Пройдя по самому краю пропасти «девяностых», мы устояли – никогда еще после развала Советского Союза Россия не была так решительна в желании восстать из пепла и вернуть себе былую мощь и уважение! Стране нужны были сильные, волевые люди! Началась эпоха возрождения армии и флота, а вместе с ними и военного образования!

В июне 2001 года начальником Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, главной кузницы военных юридических и гуманитарных кадров Вооруженных Сил, был назначен Валерий Иванович Марченков.

НА НОВОМ ПОПРИЩЕ

Военный Краснознаменный институт Министерства обороны СССР долгие годы считался самым престижным высшим военно-учебным заведением, пользовавшимся заслуженным авторитетом в Вооруженных Силах Советского Союза. Достижения профессорско-преподавательского состава военно-юридического направления института в разработке сложных научных проблем в области военного права были широко известны за рубежом.

Однако в связи с происходившим после распада СССР масштабным сокращением Вооруженных Сил снизилась потребность в военных юристах и переводчиках, что отразилось на судьбе прославленного вуза: в 1992 году состоялся его последний выпуск.

Но вскоре забрезжила надежда на возрождение такой необходимой профессии, как военный юрист. 20 июля 1994 года путем объединения Гуманитарной академии Вооруженных Сил

Российской Федерации (бывшая Военно-политическая академия им. В.И. Ленина) и Военной академии экономики, финансов и права, созданной в 1992 году на базе Военного Краснознаменного института Министерства обороны, был образован Военный университет, в составе которого одно из важных мест занимает юридическое направление.

Спустя семь лет произошло еще одно судьбоносное событие, с которого многие негласно ведут отсчет возрождения высшего военно-юридического образования в России.

В 2001 году начальником Военного университета был назначен генерал-лейтенант Валерий Иванович Марченков, занимавший должность первого заместителя начальника Главного управления боевой подготовки Вооруженных Сил Российской Федерации.

Особая черта генерала В.И. Марченкова как руководителя – редкое сочетание боевого опыта, активной научной деятельности в сфере педагогики и уникальных качеств рачительного хозяйственника. Все эти таланты оказались решающими в прохождении той полосы препятствий, которая ждала его на поприще начальника Военного университета. Переживаемые страной и ее Вооруженными Силами трудности только

укрепляли непреклонную решимость Валерия Ивановича вопреки всем невзгодам остаться верным избранной профессии – **РОДИНУ ЗАЩИЩАТЬ**. Он продолжал служить Отечеству с твердой убежденностью в том, что восстановление авторитета армии не за горами и для этого надо трудиться не жалея себя.

Непростые испытания ждали Валерия Ивановича на новом поприще – период реформ 2000-х годов оказался одним из сложнейших этапов в истории отечественного военно-юридического образования.

В те годы было принято решение сделать целый ряд военных должностей гражданскими. Это, к большому сожалению, затронуло и преподавателей военно-юридического направления, многие из которых ушли в запас и были вынуждены работать в Военном университете за очень скромное жалование гражданского персонала.

Однако вовремя и искренне сказанное начальником университета «спасибо» и личные высокие моральные качества, верность присяге, любовь к Родине сохранили в молодых ученых и патриархах науки желание и стремление работать под руководством Валерия Ивановича на благо будущих поколений.

Валерию Ивановичу удалось в очень непростых обстоятельствах сохранить коллектив Университета и высшее военно-юридическое образование.

А все это произошло во многом благодаря тому, что начальник Военного университета как никто другой понимает глубокий смысл слов Президента Российской Федерации – Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации Владимира Владимировича Путина о том, что «в военном образовании особенно важны традиции».

Верность традициям, преемственность знаний и опыта, забота и личное участие в судьбе всех и каждого позволили возродить научную школу военного права.

Среди преподавателей в строю и сегодня немало ветеранов, имеющих опыт боевых действий, полученный в ходе Великой Отечественной войны, служебных командировок в Афганистан, Приднестровье, Южную Осетию. Их бесценный боевой опыт успешно передается молодому поколению, на плечи которого в будущем ляжет защита Отечества.

Валерий Иванович и его команда единомышленников понимают: пока жива память о тех, кто погиб, защищая нашу Родину, между поколениями будет идти диалог!

Именно поэтому Валерий Иванович Марченков стал личным инициатором памятных встреч, на которых тепло чествовали участников Великой Отечественной войны, других войн и вооруженных конфликтов.

Умение Валерия Ивановича помнить все лучшее старое и при этом помогать всему лучшему новому сыграло большую роль и в судьбе школы, готовящей специалистов для органов военной юстиции, которую он не только сохранил, но и укрепил.

Сегодня прокурорско-следственный факультет Военного университета выполняет важнейшую задачу подготовки офицеров по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности». Он по праву признан одним из лучших в стране. Его учебные кабинеты не имеют аналогов не только в системе военных учебных заведений Министерства обороны, но и в системе Министерства образования и науки Российской Федерации.

Сам же Военный университет имеет ранг ведущего научного центра Вооруженных Сил Российской Федерации, который можно смело назвать настоящей ШКОЛОЙ. Школой не только академических и практических знаний, но и школой жизни. И в этом огромная заслуга Валерия Ивановича Марченкова.

Жизнь раскидала выпускников университета по всему миру. Но где бы они ни находились, чем бы ни занимались, каждый из них остался верен курсантскому

братству, дух которого витает в стенах университета и сегодня. Сила этого братства, оберегаемая преподавателями, офицерами-наставниками и ветеранами, с любовью и заботой передается новым поколениям.

Важное значение для поддержания этого духа имеет традиция проведения выпуска офицеров на Поклонной горе. Ежегодно волнующая церемония неизменно начинается с торжественного построения и сопровождается напутственными пожеланиями успешной службы на благо Отечества. Благодаря этой традиции день вручения дипломов становится по-настоящему знаменательным событием в судьбе каждого питомца Военного университета. Важность момента подчеркивается и внимательным отношением

к нему руководителей органов военной юстиции, которые неизменно участвуют в церемонии.

Огромным стимулом для отличной учебы является прием выпускников в Кремле. Именно к ним, лучшим из лучших, напрямую обращается Президент Российской Федерации – Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. Всем выпускникам памятны его слова: «Уверен, что вы будете достойными наследниками ратной славы своих предшественников, как и они, верно служить России и своему народу».

Велика роль Валерия Ивановича Марченкова и в сохранении традиции участия курсантов Военного университета в Параде Победы.

Многие отмечают умение Валерия Ивановича не только сохранять и оберегать лучшее, но и привносить, развивать новое. Так, в 2016 году на Параде Победы впервые участвовал женский расчет из военнослужащих Военного университета.

Благодаря Валерию Ивановичу Военный университет и его военно-юридическое направление, без преувеличения, стали кузницей военной элиты, которая в любой стране всегда являлась и является передовой частью общества. Отечественная практика и опыт ведущих военных держав показывают, что военный юрист – важная профессия.

Вклад офицеров органов военной юстиции в укрепление законности и правопорядка в армии и на флоте трудно переоценить.

Высокую оценку деятельности Военного университета и его руководителя дал Министр обороны Российской Федерации генерал армии Сергей Кужугетович Шойгу, посетивший вуз в День знаний – 1 сентября 2016 года. Он подчеркнул, что в университете созданы все условия для получения достойного образования.

В университете научную и педагогическую деятельность ведут около 700 ученых, из которых 123 доктора и 516 кандидатов наук, 144 человек имеют ученое звание профессора и 325 – доцента.

Более 60 представителей университета являются академиками и членами-корреспондентами различных академий.

В 2016 году в образовательную деятельность Военного университета успешно

внедрены элементы проекта «Электронный вуз», которые повысили эффективность учебного процесса и позволили максимально задействовать передовой педагогический и методический опыт. Для работы с электронными учебниками развернуты 3 абонентских пункта, оцифрованы 1 274 издания из числа основной и дополнительной литературы.

Конференц-зал в военном городке «Лефортово» на 144 посадочных места подключен к автоматизированной системе «Интеграция-СВО».

Полностью сделан ремонт всех помещений университета. Построены два новых комфортабельных общежития для офицеров. Активно функционирует современный бассейн и спортивный зал для физподготовки курсантов.

Traditions

COMMANDER

Abstract. This essay is dedicated to the Commander of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Dr. Sc. (Pedagogics), Professor, Chairman of the Editorial board of the Military Academic Journal and Military Law Journal Valerii Ivanovich Marchenkov and timed to the 70th anniversary of the Commander.

Keywords: military-legal education; combat experience; traditions; continuity; Military University

УДК 344.3

ВОЕННО-СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ (ФЕВРАЛЬ – ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА)

Г.И. ЗАГОРСКИЙ,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской академии естественных наук, профессор кафедры уголовного процесса Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: 9976842@mail.ru

Аннотация. В данной статье, приуроченной к 100-летию Февральской революции, автор анализирует осуществленные Временным правительством преобразования в военно-судебной сфере, принятые шаги по совершенствованию деятельности военных судов, разработке нового законодательства, освещает участие в правотворчестве представителей армейских коллективов. Значительное внимание автором уделяется нормативной основе изменений в области военного судоустройства и судопроизводства в период с февраля по октябрь 1917 г.

Ключевые слова: Февральская революция; Временное правительство; военно-судебные учреждения; реформа военной юстиции; временные суды; полковые суды; дисциплинарные суды; военные присяжные заседатели

Следует отметить, что вопросам деятельности Временного правительства России, пришедшего к власти в результате революционных событий 23–27 февраля 1917 г., до сих пор уделялось недостаточное внимание. Между тем из некоторых преобразований, осуществленных в непродолжительный период между Февральской

и Октябрьской революциями, можно извлечь позитивные, конструктивные уроки. В частности, это касается реформирования военно-судебных органов России.

Временное правительство провозгласило полную политическую амнистию, гарантии основных прав и свобод граждан, равноправие солдат с гражданами, упразднило жандармерию и полицию и приступило к созданию новых органов государственного аппарата. В этих целях было образовано Юридическое совещание, на которое возлагались функции по преобразованию системы всех правоохранительных органов [6].

Первой мерой Временного правительства по изменению царской судебной системы явилось постановление Министерства юстиции от 7 марта 1917 г. «Об образовании Временных судов в Петрограде» (распространенное вскоре на другие регионы). Согласно этому нормативному акту в состав мирового суда включался «представитель армии и представитель рабочих»¹.

Постановлением Временного правительства России от 20 марта 1917 г. определялись условия занятия должностей по судебному ведомству. Согласно этому документу для назначения на судебные должности необходимо было прослужить

¹ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. Отд. 6. Ст. 3. Пг., 1917.

в судебном ведомстве или состоять в звании присяжного поверенного довольно продолжительное время, а прежним чиновникам, занимавшим указанные должности при царском режиме, было предложено уйти по велению совести и по собственной инициативе или по болезни в отставку.

Наряду с проведенными мерами, Временное правительство побеспокоилось о приведении в первоначальный вид Судебных уставов 1864 г. Постановлением Временного правительства от 25 марта 1917 г. при Министерстве юстиции была образована Комиссия для восстановления основных положений Судебных уставов².

Председателем Комиссии был назначен министр юстиции, на которого возлагалась обязанность по формированию ее персонального состава. Показательно, что в состав Комиссии предполагалось ввести двух лиц, избранных от Петроградского и Московского советов рабочих и солдатских депутатов. Перед комиссией ставилась общая задача «очищения Судебных уставов от позднейших новелл, которые так испортили первоначальный текст этих актов»³.

Недовольство деятельностью военных судов, подогреваемое вышедшими на свободу амнистированными, в условиях безвластия привело к тому, что во многих местах даже были разгромлены помещения военно-окружных, корпусных и иных военных судов⁴. В этих условиях были объективно необходимы преобразования во всей судебной системе, и прежде всего в военно-судебной. Потребность этих мер отчетливо понимали и руководители органов военной юстиции, о чем свидетельствуют их сообщения с мест. Так, военный прокурор 5-й армии докладывал главному военному прокурору 9 марта 1917 г.: «Совещание вверенного мне военно-прокурорского надзора единогласно постановило просить возбудить в законодательном порядке вопрос: об

учреждении в военных судах института присяжных заседателей в составе 3 офицеров и 3 солдат, с применением правил уголовного судопроизводства; если же эта мера по военным обстоятельствам окажется невыполненной, немедленно ввести в состав военного суда двух временных членов из числа солдат»⁵.

Аналогичные предложения поступили от председателей Казанского военно-окружного суда⁶, Кавказского военно-окружного суда⁷ и председателей иных военно-судебных учреждений⁸.

Помимо предложений об изменении состава военных судов, поднимались и другие вопросы. Их анализ свидетельствует о том, что практически предлагалась целая программа реформ: отмена смертной казни по всем воинским преступлениям; смягчение излишне суровых наказаний по воинским преступлениям; расширение санкций по воинским преступлениям с тем, чтобы суд имел более широкие возможности в выборе наказаний; отмена военно-полевых судов как совершенно не соответствующих задачам правосудия; установление уголовной ответственности за оскорбление на словах начальниками подчиненных; отмена всех особых порядков в производстве дел; введение условного осуждения⁹.

Выдвигались предложения организационного порядка: Главное военно-судное управление и Главный военно-морской суд выделить из военного и морского министерства в Военно-судебный департамент Сената, с подчинением последнему всех военно-судебных учреждений; сделать военно-судебное ведомство совершенно самостоятельным¹⁰. Предлагалось предоставить военно-окружным судам право выбирать наказание путем введения более широкой амплитуды максимума и минимума наказаний за конкретное деяние.

Достаточно негативно практическими работниками органов военной юстиции

² Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. Отд. 2. Ст. 43. Пг., 1917.

³ Там же. Ст. 46.

⁴ РГВИА. Ф. 9. Оп. 19/88. Ед. хр. 19. Л. 8–10; см. также: Фарвель А.С. Борьба народных масс против контрреволюционной юстиции Временного правительства. Минск, 1969. С. 9.

⁵ РГВИА. Ф. 9. Оп. 19/88. Ед. хр. 10. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 38, 39.

⁷ Там же. Л. 7, 9.

⁸ Там же. Л. 13, 22, 34 об.

⁹ Там же. Л. 1, 34 об.

¹⁰ Там же. Л. 33, 73 об.

оценивалось право высшего военного начальства смягчать приговоры военных судов, представляемые на усмотрение началь командующих¹¹.

Обращают на себя внимание позиции представителей военно-юридической науки указанного периода. Так, профессором Александровской военно-юридической академии генералом С.А. Друцким в марте 1917 г. были разработаны «Основные положения реформы военной юстиции»¹². В этом проекте закона обосновывалась идея о необходимости сохранения особой военной юстиции в условиях нового государственного строя. В частности, С.А. Друцкой писал, что «во все времена, у всех культурных народов при различных формах государственно-го устройства и способах комплектования армии военная юстиция существовала и существует как самостоятельный институт.

Одновременная и параллельная деятельность общих и военных судов обуславливается: 1. Неизбежностью бытия военного права, военных законов, нормирующих жизнь и службу армии, и отношением ее к органам общей государственной власти. 2. Особенностью бытия армии, как большого организованного единения граждан, спаянных воинской дисциплиной, техническими навыками и неустрашимой длительной совместной жизнью в ограниченном пространстве...

Для того чтобы уразуметь внутреннее и внешнее (техническое) значение и содержание норм военного права и военного бытия, необходима не только особая техническая и психологическая подготовка, но и личное участие в жизни и в службе в армии. Гражданин не может достигнуть теоретической работы этого уразумения, так как по книге нельзя ни обучить, ни понять армию»¹³. В связи с этим делался неизбежный вывод, что судить в армии могут только военные. Основное начало заключалось в следующем: военная юстиция должна быть лишь только органом, поддерживающим и сохраняющим правопорядок в армии, но она, как и общая юстиция, «не может и не должна быть орудием политической борьбы, средством

умаления или ограничения общегражданских прав». Достижению последней цели и служит установление основных начал военной подсудности – по лицам и преступлениям.

Вместе с тем, отстаивалось единство всей судебной системы и особо подчеркивалось, что «отступления в судостроительстве и судопроизводстве военных судов от начал, принятых в судах общих, могут быть допускаемы лишь в пределах, определяемых особенностями устройства армии, требованиями службы и воинской дисциплины»¹⁴. Следовательно, автор названного документа, высказываясь за сохранение особой военной юстиции, лишь повторял то, что говорилось им самим и другими профессорами Александровской военно-юридической академии, а именно: военная служба, быт армии и ее внутренние взаимоотношения настолько своеобразны, что не представляется возможным предоставлять разрешение различных специфических воинских правонарушений обычному гражданскому суду, где судьи совершенно чужды армии, не знают ее жизни, не понимают ее особенностей. Поэтому военные суды должны существовать как особая организация, имеющая и особое назначение.

14 марта 1917 г. Главное военно-судное управление направило всем начальникам судебных частей фронтов циркулярное письмо № 420, в котором сообщалось о спешной переработке всех военно-уголовных законов и в первую очередь – о новом военном судостроительстве¹⁵.

Одной из проблем для деятельности новой государственной власти в описываемый период являлось отсутствие законодательства, соответствующего буржуазному обществу, а также твердой исполнительной власти: многие вновь принятые законы, нормативные акты длительное время не применялись либо вообще игнорировались на местах [3].

В период революционных преобразований, несмотря на «инертность представителей различных юридических обществ» [4], правительство стремилось активнее привлекать юристов для разработки нового законодательства,

¹¹ РГВИА. Ф. 9. Оп. 19/88. Ед. хр. 10. Л. 72.

¹² РГВИА. Ф. 9. Оп. 19/88. Ед. хр. 10. Л. 15–19.

¹³ Там же. Л. 117–118.

¹⁴ РГВИА. Ф. 9. Оп. 19/88. Ед. хр. 10. Л. 120.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Ед. хр. 813. Л. 269.

выработки мер по поддержанию в войсках законности, воспитанию уважения к правосудию. Именно в этих целях была образована специальная комиссия в составе министра юстиции П.Н. Малянтовича, а также В.Ф. Дерюжинского, В.М. Гессена, Н.И. Лазаревского и представителей общественных организаций по созданию «Свода законов Российской Республики». В августе 1917 г. был образован и приступил к работе «Всероссийский Союз юристов, призванных на военную службу». Его цель была изложена в принятом Уставе – «внести в воинскую жизнь элементы правосознания и утвердить правопорядок» [5].

В сложившихся условиях стихийно создавались судебные органы по инициативе различных организаций. Так, в Петрограде и некоторых его уездах (Луге, Ямбурге, Нарве и др.) были образованы временные суды, которые состояли в равном числе из мировых судей, представителей армии и представителей от рабочих. Согласно Инструкции Временного правительства от 22 марта 1917 г. временным судам были «подсудны преступные деяния, направленные против личной и имущественной безопасности граждан и против общественного порядка и спокойствия, в том числе и посяательства против нового порядка, если они совершены не ранее 27 февраля сего года частными лицами, в том числе воинскими чинами вне службы» [2].

Временный суд был вправе назначить виновному одно из следующих наказаний: выговор, замечание, внушение, денежное взыскание не свыше 10000 руб., арест не свыше 3 месяцев, тюремное заключение не свыше 1 года и 6 месяцев. Если суд находит, что деяние виновного по своей важности заслуживает более строгого наказания, то дело направляется в соответственно более высокую судебную инстанцию.

Активное участие в правотворчестве пытались принимать и непосредственно представители армейских коллективов. Так, на общем собрании Петроградского Совета офицерских депутатов 17 марта 1917 г. рассматривалось 8 вопросов, второй из них был посвящен Комиссии при Военно-судном управлении. Докладчиком по этому вопросу выступил прапорщик В.В. Беренштам, который ознакомил присутствующих с проектами Комиссии об учреждении полковых судов, состоящих из 3 выборных солдат и 3 выборных офицеров.

Приказом по Военному министерству от 16 апреля 1917 г. № 213 было введено в действие «Положение о дисциплинарных судах», разработанное особой комиссией с участием представителей действующей армии и флота, а также делегатов от Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского совещания советов рабочих и солдатских депутатов. По этому документу вся власть в наложении дисциплинарных взысканий на солдат принадлежала не командованию, а дисциплинарным судам. Ротные дисциплинарные суды учреждались в ротах и соответствующих подразделениях и командах независимо от их численного состава и соответственно именовались: ротный, эскадронный, сотенный, батальонный и т. д. дисциплинарный суд.

На ротный дисциплинарный суд возлагалось рассмотрение всех дел о нарушениях солдатами порядка и дисциплины, а также разбор ссор и недоразумений, которые случались между солдатами. Дисциплинарный суд состоял из председателя-офицера и двух членов из солдат, ротный командир также мог входить в состав суда. Эти лица избирались общим собранием роты на 6 месяцев из числа офицеров и солдат роты. Сверх этих трех человек также избирались на случай убыли на тот же срок один запасной член из офицеров и два запасных члена из солдат. В строевых частях действующей армии избирались 12 запасных членов из солдат.

Ротный дисциплинарный суд имел право налагать следующие взыскания: воспрещать отлучки из казармы или со двора на срок до 1 месяца или назначать вне очереди на службу или на служащие по роте работы – до 8 нарядов, а также подвергать простому аресту с исполнением или без исполнения служебных обязанностей – до 5 суток, строгому аресту – до 5 суток и усиленному аресту – до 2 суток. Унтер-офицеры на работу не назначались.

Дела о дисциплинарных проступках могли вносить в ротный суд все начальники начиная с командира отделения, а также ротные и полковые комитеты. Разбор дела должен был производиться, по возможности, немедленно после его внесения, устно, при открытых дверях. Если суд усматривал, что публичное рассмотрение дела оскорбляло чувство нравственности или религию, то он мог принять решение о слушании дела в закрытом судебном

заседании. Решение дисциплинарного суда считалось окончательным, и жалобы на него по существу не допускались. Жалобы на неправомерные действия ротных судей могли подаваться в полковой суд в 10-дневный срок, причем подача жалобы не останавливала приведение решения в исполнение. Дела, при рассмотрении которых ротный дисциплинарный суд признавал пределы своей власти недостаточными, должны были передаваться в полковой суд [1].

Для совершенствования деятельности военных судов имело значение утвержденное Временным правительством России постановление «О новом устройстве военно-окружных и корпусных судов и производстве в них дел», которое было объявлено приказом по Военному ведомству от 6 июня 1917 г. № 336. Этим постановлением отменялось назначение временных членов в состав военно-окружных, корпусных и равных с ними по власти судов. В военно-окружные и корпусные суды при рассмотрении ими уголовных дел вводились присяжные заседатели из числа офицеров и солдат в равном количестве. В полку избирались 8 человек от офицеров и 8 человек от солдат.

В судебном заседании военно-окружного и корпусного суда должны были присутствовать: председатель суда или один из военных судей в качестве председателяствующего, военный прокурор или его помощник, а также секретарь или его помощник и военные присяжные заседатели (не менее 8 человек, а в районе боевых действий 6 человек, а также двое запасных, причем число заседателей от солдат и офицеров должно было быть равным).

Из изложенного можно сделать вывод, что Временное правительство России вначале пыталось объединить в целях укрепления воинской дисциплины принципы единоначалия и принципы демократии, но в условиях экономического и политического кризиса в стране эти попытки не увенчались успехом.

В своем стремлении подавить демократическое и революционное движение в русской армии Временное правительство и Ставка опирались на органы военной юстиции. Устройство и деятельность многочисленных органов

военной юстиции (Главного военно-судного управления, подчиненного военному министру; Главного военного суда, бывшего кассационной инстанцией для военных судов; военно-окружных и корпусных судов; военно-морских судов; полковых судов; дисциплинарных судов; судов по делам о задержанных дезертирах) показывают направленность этих военно-судебных органов.

Особые надежды Временное правительство возлагало на военно-полевые суды, восстановленные по требованию корниловцев и при поддержке ЦИКа 12 июля 1917 г. под маркой «военно-революционных» судебных органов. Проект постановления Временного правительства, разработанный Главным военно-судным управлением, первоначально именовался «О судах полей сражений», однако в последующем тексте проекта слова «суды полей сражений» были заменены словами «военно-революционные суды». Обращая внимание на то, что военно-полевые суды первоначально, по мысли законодателя, являлись чисто политическим средством борьбы, чем объяснялась непопулярность этого названия, заведующий военно-судной частью штаба Юго-Западного фронта генерал С.А. Батог в телеграмме от 28 марта 1917 г. предлагал именовать их «войсковыми судами»¹⁶.

По замыслу инициаторов реформ, военно-революционные суды учреждались «для немедленного суждения» за некоторые «тягчайшие преступления», указанные в ст. 23 Свода военных постановлений 1869 года, влекущие за собой смертную казнь.

Учреждение таких чрезвычайных судов вызвало негативное отношение к ним подавляющего большинства солдат. Одновременно следует отметить, что солдаты не питали доверия и к «демократизированному» военному суду, т. е. к институту военных присяжных заседателей, введенному 28 мая 1917 г. в корпусные и военно-окружные суды. Солдаты часто отказывались участвовать в выборах присяжных заседателей, а избранные присяжные из солдат не являлись на сессии суда.

Процессуальные особенности рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей в военном суде сводились к следующим моментам. Военные

¹⁶ РГВИА. Ф. 9. Оп. 19/88. Ед. хр. 23. Л. 4 об., 5.

присяжные заседатели по рассмотрении дела выносили немотивированный вердикт, содержащий в себе ответы на вопросы, поставленные на их разрешение в случае признания подсудимого виновным. Кроме того, в общем суде присяжных было 12, а в военном – шесть–восемь (офицеров и солдат, избираемых по жребию в равном числе). Были созданы временные военно-морские суды в Петроградском, Свеаборгском, Ревельском, Севастопольском и Владивостокском портах для разбора дел о воинских преступлениях и преступлениях служебных, совершенных чинами флота и морского ведомства.

При этом если в пределах Европейской России, Прибалтики и Дальнего Востока военно-морским судам общеуголовные дела не были подсудны, то в Финляндии, где русских судебных установлений не было, в их компетенцию входило рассмотрение вообще всех уголовных дел (о кражах, грабежах, убийствах и др.). При рассмотрении каждого дела в состав присутствия, кроме председательствующего (одного из постоянных судей военно-морского суда) и двух выборных судей (из матросов или солдат), входили шесть присяжных заседателей.

Правительство учитывало революционные настроения в армии и чтобы не вызвать недовольства, установило паритет: половина присяжных избиралась из числа офицеров, другая – из числа солдат и матросов. На три месяца советами депутатов соответствующих портов составлялись списки заседателей из 24 человек, из которых путем жеребьевки для конкретного дела выбирались двое судей, двое запасных и шесть присяжных заседателей.

Более четко было разработано постановление о введении присяжных заседателей в состав военно-окружных и временных военных судов. Военно-морские суды создавались как временные, военно-окружные с присяжными – как постоянные, рассчитанные не только на военное, но и на мирное время. Подсудность сухопутных военных судов была такой же, как и морских, но в районе театра военных действий она расширялась – в их компетенцию переходило решение всех преступных деяний, совершенных как солдатами и офицерами, так и гражданским населением [7].

Для избрания военных заседателей составлялись два отдельных списка

– офицерский и солдатский. В первый вносились генералы, штаб-офицеры и чиновники, находившиеся на службе в воинских частях. Исключение составляли старшие и высшие строевые командиры, так как было нецелесообразно отвлекать их от исполнения прямых обязанностей. Во второй список вносились все солдаты, состоящие в списках выборщиков в полковые суды.

В общие списки не могли попасть лица, опороченные судом, следствием или ограниченные в правах и преимуществах по службе; неграмотные, оказавшиеся несостоятельными должниками (так как кредитор мог оказать на них давление), а также находившиеся на службе менее года в мирное время и менее трех месяцев в военное. В мирное время общие списки составлялись на шесть месяцев, в военное – на особые сроки, в зависимости от сложившейся обстановки. После различных проверок общие списки утверждались военным судом в распорядительном заседании. Тогда же назначались сроки сессии, которая могла длиться не более двух недель. Незадолго до сессии публично проводилась жеребьевка – из общих списков избирались 10 солдат и 10 офицеров (в районе военных действий – по восемь). За участие в суде присяжные получали денежное довольствие, при этом солдаты приравнивались к младшим офицерам.

Таким образом, Временным правительством России ввиду кратковременного пребывания его у власти судебная реформа не была завершена. Вместе с тем, принятые в этот период меры по преобразованию судебной системы (включая подсистему военных судов) свидетельствовали о попытке максимально приспособить судебные органы к стремительно менявшейся социально-политической обстановке. Определенное влияние на ход преобразований судебных учреждений имело правотворчество различных общественных организаций и революционных масс, что вынуждены были учитывать разработчики проводимых реформ.

Нормативную основу изменений в области военного судоустройства и судопроизводства в период с февраля по октябрь 1917 г. составляли постановления Временного правительства России, которые в соответствии с традицией объявлялись приказами по военному ведомству. Следует признать оправданным создание Комиссии по восстановлению основных положений Судебных уставов 1864 г.

и согласование их с происшедшей переменой в государственном устройстве, а также Комиссии по созданию «Свода законов Российской Республики». Нельзя не отметить и выработанные уже в марте 1917 г. «Основные положения формы военной юстиции».

Положительным моментом при проведении судебных преобразований в феврале – октябре 1917 г., в том числе и военно-судебных, явилось то, что к разработке новых законодательных актов привлекались представители общественных организаций, учебных заведений, практические работники органов военной юстиции. Хотя мнения данных представителей в угоду политическим интересам не всегда учитывались, но все-таки их взгляды и суждения оказывали определенное влияние на принятие законодательных решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армия и Флот Свободной России: ежедн. воен.-полит. и лит. газ. – 1917. – 4 авг.
2. Кожевников М.В. История суда и уголовного процесса. – М., 2002. – С. 92.
3. Науменко А.В. Правовые основы организации и деятельности военно-судебных органов Временного правительства России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
4. Русская воля: ежедн. полит., обществ. и лит. газ. – 1917. – 10 окт.
5. Сила земли: ежедн. газ. – 1917. – 6 авг.
6. Скрипилев Е.А. Карательная политика Временного правительства и аппарат ее проведения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1970.
7. Титов Н.П. Развитие и становление военных судов присяжных в России / Н.П. Титов, А.Ю. Винокуров // Ведомости Гл. воен. прокуратуры. – 2007. – № 1. – С. 38–41.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Загорский Геннадий Ильич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской академии естественных наук, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-процессуального права, криминалистики и судебной экспертизы

им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры уголовного процесса Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: 9976842@mail.ru

Theory and History of Military Law

MILITARY-JUDICIAL AUTHORITIES OF THE TEMPORARY GOVERNMENT OF RUSSIA (FEBRUARY - OCTOBER 1917)

Gennadii I. ZAGORSKII

Abstract. In this article, dedicated to the 100th anniversary of the February Revolution, the author analyzes the transformations in the military-judicial area carried out by the Provisional Government, the steps taken to improve the activities of military courts, the development of new legislation, and enlightens participation in the lawmaking of representatives of the army. The author pays much attention to the normative basis of changes in the area of military judicial system and legal proceedings in the period from February to October 1917.

Keywords: February revolution; the Provisional government; military-judicial institutions; reform of military justice; provisional courts; regimental courts; disciplinary courts; military jurors

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zagorskii Gennadii Il'ich, Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the RSFSR, Honored Scientist of the Russian Federation, Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Scientific Advisory Board to the Supreme Court of the Russian Federation, Professor of Department after N. Radutnaya (Criminal Procedural Law, Criminalistics and Forensics) of the Russian Academy of Justice, Professor of Department of Criminal Proceeding of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: 9976842@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю.Н. ТУГАНОВ,

доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

E-mail: yurij-tuganov@yandex.ru

Аннотация. В статье осуществляется анализ нового явления в деятельности органов государственной власти – кадровой безопасности, раскрываются особенности обеспечения кадровой безопасности в органах государственной безопасности.

Ключевые слова: кадровое обеспечение органов государственной власти; кадровый состав; кадровое обеспечение органа государственной безопасности

В результате социально-политических и экономических катаклизмов, произошедших за последнее время в России, кадровая политика в стране осуществлялась главным образом методом проб и ошибок, что приводило к утрате профессионализма, оттоку лучших кадров, определенной деморализации служащих, снижению доверия к ним. Это создало определенные проблемы в системе кадровой безопасности органов власти, снизило уровень эффективности кадровой политики в сфере государственной безопасности. Подобное ее состояние отрицательно влияло на систему государственной власти, особенно негативно сказывалось на кадровом составе служб, обеспечивающих безопасность российского общества [6].

Необходимо учитывать, что в процессе реализации органами государственной власти Российской Федерации государственной кадровой политики происходит формирование новых стратегических направлений и принципов ее обеспечения.

К числу важнейших функций кадровой политики органа государственной власти относится обеспечение его кадровой безопасности как условия для развития и поддержания необходимого уровня защищенности государственного аппарата, а также государственной безопасности Российской Федерации. Принимая во внимание важность данного вопроса, а также активные научные исследования в сфере кадрового обеспечения государственной безопасности в последнее время, исследователи в научных публикациях все чаще применяют термин «кадровая безопасность».

Как же определяется понятие кадровой безопасности учеными-правоведами?

Например, определение кадровой безопасности государственной службы, предложенное Т.П. Корж, как процесса предотвращения негативных воздействий на безопасность государства за счет рисков и угроз, связанных с персоналом, его интеллектуальным потенциалом и трудовыми отношениями в целом [2], представляется нам вполне обоснованным.

По мнению И. Погодиной, кадровая безопасность является составной частью системы общей безопасности организации наряду с другими составляющими: финансовой, силовой, информационной, технико-технологической, правовой, экологической и др. Определить кадровую безопасность можно как состояние защищенности организации от угроз, обусловленных человеческим фактором (к ним можно отнести шпионаж, воровство, халатность, ошибки и пр.) [4].

Как справедливо отмечает Н.В. Кузнецова, проблема обеспечения кадровой безопасности является достаточно актуальной, что объясняется нестабильностью национальной и региональной экономики, падением этических норм взаимоотношений участников трудовых отношений, нарастанием кадровых и социальных рисков [3].

Выделяя основные направления деятельности органов власти, К.А. Погребенский [5] отмечает, что требуют переоценки подходы к кадровому обеспечению правоохранительной службы как составной части государственной службы. Положения действующих нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы отбора кандидатов и поступления на правоохранительную службу, не создают прочного законодательного барьера для обеспечения кадровой безопасности и нуждаются в доработке.

В соответствии с проведенным анализом мнений ученых о понятии кадровой безопасности, можно сделать вывод о том, что, данному понятию присущи следующие признаки:

- кадровая безопасность как правовое явление должна быть урегулирована нормами права;
- кадровая безопасность как социальное явление должна быть приемлема для всех военнослужащих и гражданского персонала органов безопасности;
- соответствие угроз кадровой безопасности направлениям деятельности органов безопасности в сфере противодействия кадровой безопасности;
- введение ответственности сотрудников за нарушение требований к кадровой безопасности.

Таким образом, кадровую безопасность можно определить как состояние защищенности кадрового обеспечения органа безопасности от внутренних и внешних угроз.

Под внешними угрозами понимается воздействие спецслужб иностранных государств, представителей преступных группировок, сотрудников иных органов власти в целях склонения сотрудника органа безопасности к нарушению действующего законодательства или предъявляемых к нему требований.

К внутренним угрозам кадровой безопасности можно отнести закрытый характер деятельности сотрудников; наличие коррупционных рисков; несвоевременные действия руководства подразделения поощрению сотрудника и выдвижению на вышестоящие должности и т. п.

Определяя главную цель обеспечения кадровой безопасности в деятельности

органа государственной власти на примере органов федеральной службы безопасности (далее – органы безопасности), необходимо учитывать уровень достижения стабильности кадрового состава, функционирования кадрового аппарата, а также создание основы развития и перспектив роста для кадрового потенциала.

Автор настоящей статьи неоднократно подчеркивал, что кадровая безопасность является составной частью кадрового обеспечения органов безопасности и более широко – государственной безопасности, в свою очередь, кадровая безопасность как социально-правовое явление имеет собственную структуру [7].

К системе кадровой безопасности предлагаем относить:

1. Кадровый состав органа безопасности как совокупность военнослужащих и гражданского персонала, определенного ст. 16 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» [1].

2. Угрозы кадровой безопасности, определенные ст.ст. 16, 16.1, 16.2, 16.3 вышеуказанного Федерального закона и иными нормативными правовыми актами, в том числе:

- попытки отдельных граждан и сотрудников скрыть от проверки соответствие их требованиям (в том числе квалификационным) для прохождения службы в органах безопасности;
- возникновение и отсутствие признаков урегулирования конфликта интересов на военной службе и признаков коррупционного правонарушения;
- разглашение или использование в целях, не связанных с военной службой, сведений, отнесенных к сведениям государственной тайны, или служебной информации, ставших известными сотруднику в связи с исполнением должностных обязанностей;
- нарушение требований, предъявляемых для обеспечения собственной безопасности органов безопасности;
- закрытый характер деятельности органов безопасности, в том числе деятельности их кадровых подразделений, что связано со сведениями, составляющими государственную тайну;
- переманивание ведущих сотрудников на работу в крупные коммерческие структуры или выплата им гонораров за лоббирование интересов таких структур в ущерб государственным и общественным интересам и т. п.

3. Основные направления развития деятельности органов безопасности в сфере обеспечения кадровой безопасности:

– создание единого механизма отбора и поступления на военную службу в органы безопасности;

– совершенствование законодательной базы кадрового обеспечения на основе стоящих перед органами безопасности задач по обеспечению безопасности государства;

– определение концепции кадровой безопасности с учетом направлений деятельности органов безопасности (разведывательная; контрразведывательная; пограничная; борьба с преступностью и противодействие терроризму; информационная безопасность);

– совершенствование требований к сотрудникам, проходящим военную службу в органах безопасности;

– совершенствование содержания контракта о прохождении военной службы в органах безопасности;

– совершенствование системы подготовки сотрудников на основе принципов непрерывности, качества и многофункциональности;

– применение современных мобильных кадровых технологий противодействия угрозам кадровой безопасности;

– определение форм и методов работы подразделений кадров в сфере кадровой безопасности в зависимости от предназначения органа безопасности;

– установление критериев оценки эффективности деятельности сотрудников в сфере кадровой безопасности для определения размера им дополнительных денежных выплат;

– др.

Таким образом, рассмотрев вопросы понятия и системы кадровой безопасности на примере деятельности органов безопасности, можно сделать вывод о том, что под кадровой безопасностью целесообразно понимать состояние защищенности кадрового обеспечения органа безопасности от внутренних и внешних угроз. К системе кадровой безопасности предлагается отнести: кадровый состав органов безопасности; наличие угроз кадровой безопасности; направления деятельности органов безопасности по противодействию кадровой безопасности. Данные аспекты в значительной степени влияют и на обеспечение государственной безопасности Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О федеральной службе безопасности: федер. закон от 3 апр. 1995 г. № 40-ФЗ (в ред. от 15 дек. 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995.

– № 15. – Ст. 1269.

2. Корж Т.П. Технологии обеспечения безопасности формирования кадрового резерва государственной и муниципальной службы // Вестн. ВЭГУ. – 2014. – № 7. – С. 38–41.

3. Кузнецова Н.В. Обеспечение кадровой безопасности как функция управления персоналом // Известия ИГЭА. – 2012. – № 4.

4. Погодина И. Обеспечение кадровой безопасности в государственных органах и организациях // Кадровик. Трудовое право для кадровика. – 2011. – № 1. – С. 24–27.

5. Погребешский К.А. Правовое обеспечение государственной правоохранительной службы и пути его совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: РАГС, 2012. – С. 4.

6. Сельцовский П.А. Кадровая политика в системе государственного управления как фактор укрепления национальной безопасности России: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – М.: МГЭА, 2009. – С. 8.

7. Туганов Ю.Н., Журавлев С.И. Реализация функций и принципов кадрового обеспечения государственной службы в деятельности федеральных органов исполнительной власти // Воен.-юрид. журн. – 2013. – № 11. – С. 2–8.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Туганов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4
E-mail: yurij-tuganov@yandex.ru

Defense and Security

CERTAIN ASPECTS OF THE STAFF ASSISTANCE SYSTEM OF THE STATE SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yurii N. TUGANOV

Abstract. The article analyzes the new phenomenon of staff security as the activity of government bodies, reveals the specifics of staff security in the state security bodies.

Keywords: governmental entity staff assistance; regular personnel; national security bodies staff assistance

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tuganov Yurii Nikolaevich, Dr. Sc. (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation
3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation
E-mail: yurij-tuganov@yandex.ru

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЗОН С ОСОБЫМИ УСЛОВИЯМИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ В ЦЕЛЯХ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ

О.Ю. ФЕОКТИСТОВА,

кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права, гражданского и арбитражного процесса Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

E-mail: feoktistovaou@mail.ru

М.И. ФИЛИППОВ,

преподаватель кафедры трудового права, гражданского и арбитражного процесса Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

E-mail: radar2004@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования запретных и иных зон с особыми условиями использования земель для обеспечения защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации, безопасного функционирования организаций и объектов в закрытом административно-территориальном образовании, обеспечения обороны страны и защиты населения при функционировании военных и оборонных объектов.

Ключевые слова: правовой режим земель обороны и безопасности; запретные зоны; зоны с особыми условиями использования земель; военные и оборонные объекты; оборона и безопасность государства

Согласно ст. 7 и п. 2 ст. 87 Земельного кодекса Российской Федерации (ЗК РФ) земли обороны и безопасности относятся к субкатегории земель промышленности и иного специального назначения. Одной из особенностей правового режима данной категории земель является наличие на основании п. 3 ст. 87 ЗК РФ охранных,

санитарно-защитных и иных зон с особыми условиями использования земель.

Понятие зон с особыми условиями использования земель в нормативных документах отсутствует, а существует лишь их перечисление в п. 4 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации, а именно это охранные, санитарно-защитные зоны, зоны охранных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, водоохранные зоны, зоны затопления, подтопления, зоны санитарной охраны источников питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, зоны охраняемых объектов, иные зоны, устанавливаемые в соответствии с законодательством Российской Федерации.

По целям создания указанные зоны условно можно классифицировать на образованные:

- для защиты окружающей среды и безопасности населения;
- для защиты отдельных объектов (культурных, природных, научных) от негативного воздействия хозяйственной, промышленной, бытовой деятельности;
- в целях обороны и безопасности государства.

В правовой науке есть попытка сформулировать общее определение зоны с особыми условиями использования. Например, О.А. Золотовой охранная зона определена как зона с особыми условиями территорий, представляющая собой полосу земли вокруг объекта охранной зоны, создаваемая с целью охраны окружающей среды, жизни и здоровья граждан и/или объекта охранной зоны от негативного воздействия, в границах которой устанавливаются нормативно закрепленные ограничения в осуществлении хозяйственной и иной деятельности, в том числе в использовании земельных участков и их частей, а также обязанности по поддержанию земельных участков и их частей в границах охранной зоны в состоянии, соответствующем цели ее установления [8].

Каждая зона с особыми условиями использования имеет свои предназначение, цели, задачи и особенности правового режима.

К зонам с особыми условиями использования земель в целях обороны и безопасности государства относятся, во-первых, земельные участки, необходимые для обеспечения защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации (далее – Государственная граница). Согласно ст. 1 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» и ст. 93 Земельного кодекса Российской Федерации в интересах надлежащего содержания Государственной границы отводится земельная полоса вдоль Государственной границы, где устанавливается пограничный режим.

Правила пограничного режима включают ограничения:

- въезда (прохода), временного пребывания, передвижения лиц и транспортных средств;
- хозяйственной, промысловой и иной деятельности;
- проведения массовых общественно-политических, культурных и других мероприятий в пределах 5-километровой полосы местности вдоль Государственной границы.

Во-вторых, к зонам с особыми

условиями использования земель в целях обороны и безопасности относятся территории вокруг ядерных объектов. Согласно Правилам физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 июля 2007 г. № 456, к указанным территориям относятся:

- охраняемая зона – защищенная, внутренняя или особо важная зона;
- защищенная зона – территория ядерного объекта, доступ в которую ограничивается и контролируется, окруженная физическими барьерами, постоянно находящимися под охраной и наблюдением;
- внутренняя зона – зона, расположенная в защищенной зоне, доступ в которую ограничивается и контролируется, окруженная физическими барьерами, постоянно находящимися под охраной и наблюдением;
- особо важная зона – зона, расположенная во внутренней зоне, доступ в которую ограничивается и контролируется, окруженная физическими барьерами, постоянно находящимися под охраной и наблюдением;
- зона ограниченного доступа – зона, не содержащая ядерных материалов I–III категорий и уязвимых мест ядерных установок, доступ в которую ограничивается и контролируется.

В-третьих, к зонам с особыми условиями использования земель относятся территории с особым режимом безопасного функционирования организаций и объектов в закрытом административно-территориальном образовании (ЗАТО). Статья 1 Закона Российской Федерации от 14 июля 1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» предусматривает, что ЗАТО признается имеющее органы местного самоуправления административно-территориальное образование, созданное в целях обеспечения безопасного функционирования находящихся на его территории организаций, осуществляющих разработку, изготовление, хранение и утилизацию оружия массового поражения, переработку радиоактивных и других

представляющих повышенную опасность техногенного характера материалов, военных и иных объектов, для которых в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства устанавливается особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны, включающий специальные условия проживания граждан.

К особому режиму безопасного функционирования организаций и объектов в ЗАТО ст. 3 вышеуказанного Закона относится:

- установление контролируемых и запретных зон;
- ограничение на въезд и постоянное проживание граждан на его территории;
- ограничение на полеты летательных аппаратов над его территорией;
- ограничения на право ведения хозяйственной и предпринимательской деятельности.

На основании п. 7 ст. 93 ЗК РФ к зонам с особыми условиями использования земель относятся также запретные зоны вокруг военных объектов. Порядок установления таких зон определяется Правительством Российской Федерации.

Во исполнение данной нормы Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2000 г. № 135 было утверждено Положение об установлении запретных зон и запретных районов при арсеналах, базах и складах Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (в настоящее время документ утратил силу). Указанное Положение определяло назначение и порядок установления запретных зон и запретных районов при арсеналах, базах и складах центрального и окружного подчинения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, а также основные требования и меры безопасности, которые должны в них соблюдаться.

Аналогичные требования, связанные с использованием таких территорий, предусмотрены действующим Положением об установлении запретных и иных зон с особыми условиями использования земель для обеспечения функционирования

военных объектов Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, выполняющих задачи в области обороны страны, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 мая 2014 г. № 405 (далее также – действующее Положение).

Согласно п. 2 указанного Положения запретная зона – это территория вокруг военного объекта шириной до трех километров, в границах которой запрещается или ограничивается хозяйственная и иная деятельность, запрещается строительство объектов капитального строительства производственного, социально-бытового и иного назначения, а также проведение ландшафтно-реабилитационных, рекреационных и иных работ, создающих угрозу безопасности военного объекта; не допускается устройство стрельбищ и тиров, стрельба из всех видов оружия, а также использование взрывных устройств и пиротехнических средств.

В границах запретной зоны могут (при необходимости) устанавливаться зоны охраняемых объектов и охранные зоны военных объектов.

Целями установления запретных зон являются:

- обеспечение обороны страны, защиты населения и бесперебойного функционирования военных объектов;
- безопасность эксплуатации военных объектов и хранения вооружения, военной техники, ракет и боеприпасов, а также иного имущества военного назначения;
- недопущение разрушающего и иного воздействия на военные объекты, в том числе вследствие возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера или совершения террористического акта (далее – чрезвычайная ситуация);
- защита населения при функционировании военных объектов и возникновении чрезвычайных ситуаций на них.

По смыслу действующего Положения основанием установления запретных зон является не предполагаемая цель их использования (например, земли обороны

и безопасности), а фактическое наличие на данном участке соответствующих военных объектов. Пункт 2 данного Положения определяет военные объекты как существующие или планируемые к строительству полигоны, аэродромы, узлы связи, базы, склады, арсеналы и иные используемые для нужд обороны страны и безопасности государства объекты, а также объекты недвижимого имущества.

Особенностью правового режима зон с особыми условиями использования, согласно п. 4 ст. 87 ЗК РФ, является то, что земельные участки в составе таких зон у собственников, землепользователей не изымаются, но в их границах может быть введен особый режим их использования, ограничивающий или запрещающий те виды деятельности, которые не совместимы с целями установления зон.

Одним из ограничений правового режима указанных зон является их ограничение в гражданском обороте. Согласно пп. 4, 5 ст. 27 ЗК РФ земельные участки, занятые объектами Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, ФСБ, военными судами, сооружениями для защиты и охраны государственной границы, организациями и учреждениями, для функционирования которых созданы ЗАТО, полностью изъяты из оборота и не могут предоставляться в частную собственность, все остальные земельные участки обороны и безопасности и ЗАТО ограничены в обороте и могут предоставляться в частную собственность только в случаях, установленных федеральными законами. В настоящее время таких исключений не предусмотрено.

В связи с названным обстоятельством судебная практика идет по пути непредоставления земельных участков в границах запретных зон в частную собственность. Например, в апелляционном определении Владимирского областного суда от 24 июля 2014 г. № 33-2508/2014 был сделан вывод о том, что договоры купли-продажи земельных участков являются недействительными (ничтожными) сделками, поскольку на момент заключения сделок спорные земельные участки являлись ограниченными в обороте, так

как входили в состав запретного района территории воинской части Министерства обороны Российской Федерации [8].

Что касается иных сделок, предусмотренных гражданским законодательством, то земельные участки, ограниченные в обороте, могут являться предметом аукциона, например, на право заключения договора аренды земельного участка.

Судебная практика в решении указанных вопросов противоречива. Так, в решении Пермского районного суда от 7 июня 2016 г. по делу № 2а-2359/2016 об оспаривании решения, действий (бездействия) муниципальных служащих суд пришел к выводу о незаконности отказа администрации в предоставлении земельного участка в аренду для индивидуального жилищного строительства в запретной зоне [10].

В другом случае (см. постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 11 ноября 2014 г. № А51-15903/2014) суд постановил, что поскольку земельный участок расположен в границах запретной зоны, его выбор и последующее строительство на нем объекта складского назначения запрещено [9].

Таким образом, в случае решения вопроса о предоставлении земельных участков в пределах запретной зоны в аренду необходимо учитывать цели предоставления земельного участка, так как согласно п. 12 действующего Положения на территории запретной зоны запрещается строительство объектов капитального строительства производственного, социально-бытового и иного назначения, а также проведение ландшафтно-реабилитационных, рекреационных и иных работ, создающих угрозу безопасности военного объекта и сохранности находящегося на нем имущества.

Принципиальной особенностью действующего Положения является полное запрещение им хозяйственной деятельности и капитального строительства в запретной зоне военного объекта, тогда как из п. 8 Положения, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2000 г. № 135, следовало,

что в случае особой необходимости строительство объектов производственного, социально-бытового и иного назначения на территории запретного района могло разрешаться в каждом конкретном случае органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, на территории которых находятся военные склады, по согласованию с органами военного управления, в ведении которых они находятся.

Согласно п. 15 действующего Положения нормы, предусматривающие ограничения прав физических и юридических лиц на использование земельных участков и иных объектов недвижимого имущества вследствие установления запретной зоны, применяются только со дня внесения сведений о границах зоны в государственный кадастр недвижимости, что принципиально отличает данный документ от Положения, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2000 г. № 135, в котором требования об обязательном кадастровом учете запретных зон и районов установлены не были, что по факту представляло большие трудности в защите прав и интересов собственников, землепользователей, землевладельцев.

Таким образом, проанализировав действующее земельное законодательство, судебную практику по вопросам правового режима зон с особыми условиями использования земель в целях обороны и безопасности государства, можно сделать следующие выводы: правовой режим указанных земель произведен от правового режима земель, предоставленных для нужд обороны и безопасности; права и обязанности землепользователей на этих землях исчерпывающим образом не урегулированы, что создает предпосылки для возникновения земельных споров и противоречивости судебной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 29 дек. 2004 г. № 190-ФЗ. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12138258/>.

2. Земельный кодекс Российской

Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12124624/>.

3. О закрытом административно-территориальном образовании [Электронный ресурс]: закон Рос. Федерации от 14 июля 1992 г. № 3297-1. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10108046/>.

4. О Государственной границе Российской Федерации [Электронный ресурс]: закон Рос. Федерации от 1 апр. 1993 г. № 4730-1. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10103372/>.

5. Правила физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов [Электронный ресурс]: утв. Постановлением Правительства Рос. Федерации от 19 июля 2007 г. № 456. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12154860/>.

6. Положение об установлении запретных и иных зон с особыми условиями использования земель для обеспечения функционирования военных объектов Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, выполняющих задачи в области обороны страны [Электронный ресурс]: утв. Постановлением Правительства Рос. Федерации от 5 мая 2014 г. № 405. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70649860/>.

7. Положение об установлении запретных зон и запретных районов при арсеналах, базах и складах Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов [Электронный ресурс]: утв. Постановлением Правительства Рос. Федерации от 17 февр. 2000 г. № 135 (утр. силу). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12118608/>.

8. Апелляционное определение Владимирского областного суда от 24 июля 2014 г. № 33-2508/2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/sBY1PX0zfbYv/>.

9. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 11 нояб. 2014 г. № А51-15905/2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/705dd7d6-66c6-4ced-ac16-372fd081421e/A51-15905-2014_20141111_Postanovlenie%20apeljacionnoj%20instancii.pdf.

10. Решение Пермского районного суда от 7 июня 2016 г. по делу № 2а-2359/2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rospravosudie.com/court-permskij-rajonnyj-sud-permskij-kraj-s/act-525572708/>.

11. Золотова О.А. Правовой режим земель охранных зон: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013.

12. Козлов Д.В. Оборотоспособность земельных участков в зависимости от их целевого назначения // Вопросы рос. и междунар. права. – 2016. – № 4.

13. Корнилова У.В. Понятие ограничения оборотоспособности земельных участков // Труды ин-та государства и права РАН. – 2015. – № 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Феоктистова Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права, гражданского и арбитражного процесса Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: feoktistovaou@mail.ru

Филиппов Михаил Иванович, преподаватель кафедры трудового права, гражданского и арбитражного процесса Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: radar2004@mail.ru

administrative-territorial entity, national defense and protection of the population in the functioning of military and defense objects.

Keywords: the legal regime of defense and security lands; restricted areas, zones with special conditions of land use; military and defense objects; defense and security of the state

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Feoktistova Ol'ga Yur'evna, Cand. Sc. (Law), Associate Professor of Department of Labor Law, Civil and Arbitration Process of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: feoktistovaou@mail.ru

Filippov Mikhail Ivanovich, Lecturer of Department of Labor Law, Civil and Arbitration Process of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: radar2004@mail.ru

Defense and Security

LEGAL REGIME OF ZONES WITH SPECIAL CONDITIONS OF LAND USE FOR THE PURPOSES OF DEFENCE AND STATE SECURITY

Ol'ga Yu. Feoktistova,
Mikhail I. Filippov

Abstract. The article considers issues of legal regulation of restricted and other zones with special conditions of land use to ensure the protection of the State border of the Russian Federation, the safe operation of institutions and facilities in the closed

УДК 342.8:355

НЕКОТОРЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УСИЛЕНИЯ РОЛИ ОФИЦЕРСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ИНТЕРЕСАХ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.Л. ЗОРИН,

кандидат юридических наук, доцент, подполковник
E-mail: olozor06@rambler.ru

Аннотация. Автором осуществлен исторический анализ деятельности офицерских судов чести как продуктивного инструмента регулирования военно-служебных, общественных и межличностных отношений, освещены вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации военнослужащих, повышения дисциплинированности офицеров на современном этапе развития Вооруженных Сил Российской Федерации, определена практическая значимость расширения полномочий такого общественного института, как офицерское собрание, в интересах укрепления правопорядка и законности в армии и на флоте.

Ключевые слова: офицер; товарищеский суд чести; военный суд; офицерское собрание; контракт

Некоторое время назад представителями судейского сообщества была озвучена идея о необходимости вернуть в Вооруженные Силы Российской Федерации товарищеские суды чести офицеров, деятельность которых была прекращена в конце ноября 2001 г. Поводом послужила неутешительная статистика офицерской преступности, приведенная в феврале 2012 г. Председателем Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедевым,

а затем, в феврале 2013 г., председателем Московского окружного военного суда Ю.А. Калининченком. По мнению авторов прозвучавшей идеи, возрождение названного армейского общественного института имело бы важное профилактическое значение, помогло бы разгрузить военные суды. Однако заявленная инициатива не получила дальнейшего развития.

Между тем опыт функционирования специальных выборных судебных органов для охраны корпоративной чести офицерства убедительно свидетельствует об их высоком воспитательном потенциале, весомой роли в деле поддержания законности и правопорядка в войсках и на флотах.

В соответствии с Положением о товарищеских судах чести офицеров в Вооруженных Силах СССР, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1980 г. (вводивший в действие названное Положение приказ Министра обороны СССР от 25 октября 1980 г. № 275 признан недействующим в Вооруженных Силах Российской Федерации приказом Министра обороны Российской Федерации от 29 ноября 2001 г. № 472), данные выборные органы офицерской общественности были призваны охранять честь и достоинство офицерского звания, оказывать активную

помощь командирам (начальникам) в воспитании офицерского состава в духе строгого и точного соблюдения законов, военной присяги, воинских уставов и приказов, содействовать сплочению офицерских коллективов, созданию в них обстановки нетерпимости к нарушениям воинской дисциплины, норм морали и нравственности.

Товарищеские суды чести офицеров обладали довольно значительными полномочиями. Они могли рассматривать дела:

- о проступках, недостойных звания офицера, роняющих воинскую честь и несовместимых с принципами морали и нравственности;
- о нарушении офицерами воинской дисциплины и общественного порядка;
- о совершенных офицерами правонарушениях, которые по закону могут быть переданы на рассмотрение товарищеского суда;
- о недобросовестном отношении офицеров к служебным обязанностям;
- о нарушениях офицерами законодательства об охране природы, если эти деяния не влекут за собой уголовной ответственности;
- о недостойном поведении офицеров в семье и невыполнении обязанностей по воспитанию детей;

– об имущественных претензиях офицеров друг к другу при согласии их на рассмотрение дела в товарищеском суде.

На основании решения товарищеского суда к офицеру применялась одна из следующих мер общественного воздействия:

- объявление товарищеского предупреждения;
- объявление общественного порицания;
- объявление общественного выговора;
- возбуждение ходатайства о снижении в должности;
- возбуждение ходатайства о снижении в воинском звании на одну ступень;
- возбуждение ходатайства об отчислении учащегося офицера из высшего учебного заведения.

Наконец, при совершении офицером проступка или правонарушения, несовместимого с пребыванием его в Вооруженных Силах СССР, суд чести вправе

был возбудить ходатайство об увольнении этого офицера с действительной военной службы.

Из военной истории России видно, что офицерские суды чести широко применялись в войсках и на флотах со времени их создания в 1863 г. и до момента прекращения их деятельности в постсоветский период. При этом необходимо отметить тенденцию к расширению подсудности дел, рассматриваемых такими судами: если в XIX в. суд чести офицеров мог рассматривать проступки, совершенные офицерами не при исполнении обязанностей военной службы, то в XX в. товарищеские суды чести рассматривали также проступки, совершенные во время и в связи с исполнением обязанностей военной службы.

Важно заметить, что к офицерам, совершившим проступки против чести и достоинства других военнослужащих, помимо общественного воздействия, могла быть применена и такая строгая мера, как возбуждение ходатайства об увольнении с военной службы.

Затрагивая данную тему, уместно обратиться к интересному историческому факту. В русской императорской армии на протяжении сравнительно длительного времени суды офицерской чести были наделены правом выносить приговор о разрешении личных конфликтов между офицерами путем поединка (дуэли). Поединки между офицерами официально были узаконены приказом по военному ведомству от 20 мая 1894 г. № 118, вводившим «Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде». За 10 лет, прошедших со времени легализации поединков, состоялось 186 офицерских дуэлей, из них: 130 – без крови; 9 – с царапинами или контузией; 28 – с легкими ранениями; 8 – с тяжелыми ранениями; 11 – со смертельным исходом [5, с. 188–190]. Институт русской дуэли прекратил свое существование после Октябрьской революции.

Особенно высоким авторитетом среди военнослужащих офицерские товарищеские суды пользовались в период, когда их решения не подлежали обжалованию и исполнялись незамедлительно. Эта практика существовала до конца 1973 г.

Анализ нормативных актов, касающихся деятельности судов чести в армии

и на флоте, позволяет утверждать, что данный специальный выборный судебный орган был эффективным инструментом регулирования военно-служебных, общественных и межличностных отношений, включая вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации военнослужащих, которые в настоящее время рассматриваются в военных судах крайне редко. Правоохранительные органы, как правило, предоставляют право рассмотрения жалоб и исковых заявлений по защите чести и достоинства офицеров старшим начальникам.

Как свидетельствуют результаты социогуманитарной экспертизы, судебные институты избрали преимущественно пассивную роль в урегулировании вопросов защиты чести и достоинства, деловой репутации военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, работников органов государственного и муниципального управления.

Так, иски указанной категории граждан имеют меньше шансов быть удовлетворенными – 33,33 % случаев против 37,42 % по общей практике (т. е. вероятность удовлетворения ниже на 11 %) [3].

Около 50 % опрошенных автором настоящей статьи офицеров Военно-воздушной академии им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина указали на необходимость возрождения офицерских судов чести, так как работа офицерских собраний воинских частей по охране корпоративной чести и достоинства офицерского звания признается в войсках малоэффективной.

В связи с вышеизложенным, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на следующее.

Большинство офицеров добросовестно исполняют служебные обязанности, работают самоотверженно, с полной отдачей.

Вместе с тем, в офицерской среде, к сожалению, еще встречаются лица, допускающие хищения военного имущества и денежных средств, уклонения от прохождения военной службы, превышения должностных полномочий, в том числе коррупционные правонарушения, и др.

Совершаются офицерами также бытовые преступления: на почве семейных ссор, в ходе уличных конфликтов и т. д.

Бытуют среди офицерского состава и такие аморальные формы поведения,

несовместимые с понятиями чести и достоинства, как доносительство, подхалимаж, склоки, преднамеренная дискриминация, угодничество, грубость в отношениях с подчиненными.

Примечательно, что одним из первых документов, изданных Министром обороны Российской Федерации генералом армии С.К. Шойгу, был приказ от 11 декабря 2012 г. № 3666 «О мерах по предупреждению и пресечению в Вооруженных Силах Российской Федерации правонарушений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения», в котором отражена озабоченность руководства военного ведомства значительным числом проступков, совершенных военнослужащими, в том числе офицерами, в состоянии алкогольного опьянения, что наносит большой урон престижу военной службы.

Отступления рядом командиров и начальников от требований законов и общевоинских уставов, отсутствие у них личной примерности способствуют снижению уровня дисциплинированности других категорий военнослужащих, прежде всего лиц, проходящих военную службу по контракту на должностях солдат, матросов, сержантов и старшин.

В настоящее время негативная тенденция сохраняется. Так, по данным Главного военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, среди зарегистрированных преступлений за 2016 г. возросло число краж, грабежей, разбоев, злоупотреблений должностными полномочиями, получения и дачи взятки, нарушений половой неприкосновенности и половой свободы личности [1].

Отмечается рост преступлений, в том числе среди офицерского состава, против жизни и здоровья, собственности, общественной безопасности, а также совершенных в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения.

Приведенные факты свидетельствуют о серьезных недостатках в работе органов военного управления при осуществлении подготовки, подбора и расстановки офицерских кадров. Наряду с этим, следует отметить упущения в организации и проведении финансового и хозяйственного контроля, низкий уровень ответственности должностных лиц

внутрипроверочных комиссий, ненадлежащее исполнение отдельными командирами и начальниками требований общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации в части, касающейся контроля за деятельностью подчиненных, недостаточную эффективность проводимой органами военного управления разъяснительно-профилактической работы, направленной на предотвращение преступлений, в том числе коррупционной направленности, особенно среди командного состава и руководящих работников.

Все вышесказанное подводит к выводу об актуализации потребности использования и расширения потенциала офицерских собраний, которые могли бы играть значительную роль в формировании и охране чести, достоинства и деловой репутации офицеров, их воспитании.

Как показывает исторический опыт, офицерские собрания в русской армии оказывали значительное влияние на служебную деятельность и поведение офицерского состава. Они заботились о формировании у офицеров ревностного отношения к исполнению воинского долга, поддержании между ними товарищеских отношений, развитию общего и военного кругозора, облегчению их материального положения. В центре внимания офицерских собраний были проблемы службы, быта, материальные ситуации и, что особенно важно в рассматриваемом нами аспекте, – вопросы чести и достоинства офицеров [5, с. 200].

И в настоящее время офицерским собраниям в армии и на флоте отводится важная роль.

Согласно Положению об офицерских собраниях в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденному приказом Министра обороны Российской Федерации от 23 декабря 2004 г. № 435, офицерские собрания предназначены для сплочения коллектива офицеров воинских частей, воспитания офицеров в духе преданности Отечеству, верности воинскому долгу и боевым традициям, укрепления войскового товарищества, выработки предложений и рекомендаций командованию по вопросам прохождения военной службы, решения социальных и иных проблем, возникающих у офицеров и членов их семей. В практической

деятельности офицерские собрания самостоятельно определяют методы и формы работы, не противоречащие законодательству Российской Федерации. Офицерские собрания при необходимости могут утверждать дополнительные правила, не противоречащие целям и принципам указанного Положения, определяющие специфику их деятельности.

С нашей точки зрения, к офицерам, имеющим серьезные недостатки в исполнении служебных обязанностей и личном поведении, на основании положительного решения офицерского собрания имело бы смысл, помимо предусмотренных Положением об офицерских собраниях в Вооруженных Силах Российской Федерации мер общественного воздействия (предупреждение, объявление офицерского осуждения, вынесение решения о принесении публичного извинения), применять и такие меры, как:

- неназначение на ту или иную высшую воинскую должность (кроме высших офицеров);
- непредставление к награждению государственными наградами, присвоению очередного воинского звания (кроме высших офицеров);
- ненаправление на учебу;
- незаключение контракта о дальнейшем прохождении военной службы.

При существенном нарушении офицером условий контракта целесообразно было бы на основании положительного решения офицерского собрания использовать возбуждение ходатайства об увольнении офицера из рядов Вооруженных Сил Российской Федерации (при отсутствии оснований его досрочного увольнения с военной службы в соответствии с подп. «д» (в связи с лишением его воинского звания), «д.1», «д.2» (в связи с утратой доверия к военнослужащему со стороны должностного лица, имеющего право принимать решение о его увольнении, в случаях, установленных законодательством), «е» (в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении военнослужащему наказания в виде лишения свободы), «е.1» (в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении военнослужащему, проходящему военную службу по контракту, наказания в виде лишения свободы условно за преступление, совершенное

умышленно), «з» (в связи с вступлением в законную силу приговора суда о лишении военнослужащего права занимать воинские должности в течение определенного срока) п. 1 ст. 51 и подп. «г» (в связи с отказом в допуске к государственной тайне или лишением указанного допуска), «д» (в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении военнослужащему наказания в виде лишения свободы условно за преступление, совершенное по неосторожности), «е.1» (в связи с нарушением запретов, ограничений и обязанностей, связанных с прохождением военной службы), «к» (в связи с непрохождением в установленном порядке обязательных химико-токсикологических исследований наличия в организме человека наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов), «л» (в связи с совершением административного правонарушения, связанного с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ) п. 2 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»). В настоящее время военнослужащий по подп. «в» п. 2 ст. 51 (за невыполнение условий контракта) названного Закона может быть уволен только по субъективной воле командования (усмотрению).

В связи с изложенным в правоприменительной и судебной практике достаточно сложным является вопрос определения соответствия проступку примененного дисциплинарного взыскания, что необходимо учитывать и советам офицерских собраний при выработке предложений и рекомендаций командованию по вопросам прохождения военной службы провинившимися офицерами.

Многие командиры трактуют понятие «невыполнение условий контракта» слишком широко, нарушая права подчиненных им военнослужащих. Так, нередко отдельные должностные лица, наделенные властными полномочиями, из-за сложившихся неприязненных отношений с подчиненными мстят последним, злоупотребляя при этом своим служебным положением. Они принимают незаконные решения, ущемляя права тех или иных военнослужащих, или представляют

не соответствующие действительности материалы для последующего привлечения «виновных» военнослужащих к различным видам ответственности.

Автор настоящей статьи согласен с мнением А.В. Титова о том, что «с общетеоретической точки зрения правомерное злоупотребление юридическими обязанностями можно охарактеризовать следующими признаками: 1) поведение субъекта соответствует норме права, включая случаи, когда оно абстрактно разрешено либо прямо не запрещено; 2) поведение субъекта не соответствует общепринятым в обществе в конкретном-исторический период представлениям о добре и зле, вступает в противоречие с нормами нравственности, противоречит идеалам справедливости. За неисполнение или несоблюдение таких действий на субъекта военно-служебных отношений, обладающего статусом военнослужащего, не налагаются меры юридической ответственности, поскольку он поступает правомерно; 3) результат поведения выражается в причинении социального вреда, который не указывается в законе (регламентирующем конкретное поведение) в качестве нежелательного последствия. Поэтому причинение такого вреда не является запрещенным с юридической точки зрения; 4) наличие причинно-следственной связи между поведением и наступлением социально вредных последствий» [4, с. 92].

Судебная практика увольнения по указанному выше основанию также неоднозначна из-за отсутствия единообразного понимания в военном законодательстве содержания понятия «невыполнение условий контракта», на что обращает внимание заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по делам военнослужащих В.В. Хомчик. По его справедливому замечанию, увольнение военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, по подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта) возможно исключительно по инициативе командования [6]. Следует отметить, что ни указанная выше норма названного Закона, ни подп. «в» п. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождения

военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, ни ст. 99 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, не раскрывают содержание невыполнения условий контракта, при которых возможно досрочное увольнение с военной службы по данному основанию. Из этого можно сделать вывод, что выбор причин для применения указанного основания увольнения с военной службы законодателем отнесен к решению командования.

Выяснение данных причин является определяющим обстоятельством, подлежащим обязательному установлению судом при разрешении соответствующей категории дел.

Включение в формулировку указанного основания увольнения термина «невыполнение» свидетельствует о том, что это основание увольнения может быть применено лишь в случае, если военнослужащим допущено существенное нарушение (невыполнение) условий контракта. При этом допущенные военнослужащим несущественные нарушения условий контракта нельзя признать достаточным основанием для увольнения военнослужащего в соответствии с подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Представляет определенный интерес спорный вопрос законности увольнения со службы при наличии нескольких дисциплинарных взысканий. По одному делу суды первой и апелляционной инстанций ошибочно посчитали, что применение дисциплинарного взыскания в виде увольнения при наличии еще двух неснятых взысканий незаконно. А именно суды первой и апелляционной инстанций согласились с доводами М. о незаконности приказа об увольнении в связи с невыполнением условий контракта. М. в течение года, предшествовавшего проведению в отношении его аттестации и увольнению, трижды привлекался к дисциплинарной ответственности. Суд первой инстанции указал, что привлечение М. к дисциплинарной ответственности за нарушение общих обязанностей военнослужащего в течение короткого промежутка времени после предупреждения о неполном

служебном соответствии является недостаточным для его увольнения. Однако Верховный Суд Российской Федерации с этим не согласился и указал, что недобросовестное отношение М. к своим обязанностям, в том числе подтвержденное наличием у него неснятых дисциплинарных взысканий, могло служить основанием для постановки вопроса о его соответствии требованиям в части деловых и личных качеств. Значит, имелись основания привлечения М. к дисциплинарной ответственности. Порядок привлечения М. к дисциплинарной ответственности соблюден. Поэтому акты нижестоящих судов отменены и по делу принято новое решение, которым М. в удовлетворении заявления отказано (определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2015 г. № 204-КГ15-7).

По мнению военных ученых-юристов, достаточным и существенным основанием для применения к военнослужащему дисциплинарного взыскания в виде досрочного увольнения с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта являлось бы совершение им двух и более грубых дисциплинарных проступков либо наличие дисциплинарного взыскания «предупреждение о неполном служебном соответствии», если в течение года он не исправил свое поведение [2, с. 101].

Таким образом, участие офицерских собраний в обсуждении проступков, нарушающих честь офицера, выработка ими правильных предложений и рекомендаций командованию по вопросам прохождения военной службы лицами, допустившими такие проступки, будет способствовать соблюдению принципов законности, справедливости и равенства в отношении провинившихся офицеров и соответственно стимулированию надлежащего их поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В Москве подведены итоги работы военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации в 2016 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sledcom.ru/news/item/1105608>.

2. Закиров Р.А. Невыполнение военнослужащим условий контракта как основание досрочного увольнения с

военной службы: проблемы правоприменительной практики / Р.А. Закиров, В.М. Корякин, С.В. Шанхаев // Право в Вооруженных Силах – Воен.-прав. обозрение. – 2012. – № 10.

3. Кибакин М.В. Функционирование института судоприменения в современном российском социуме: социогуманитарная экспертиза с позиций междисциплинарной гуманистической теории сложности С.А. Кравченко // Право и управление. 21 век: электрон. изд. – 2015. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.mgimo.ru>.

4. Титов А.В. Некоторые вопросы злоупотребления военными служащими Вооруженных Сил Российской Федерации возложенными на них юридическими обязанностями // Рос. воен.-прав. сб. – 2010. – № 14.

5. Традиции офицеров русской армии / под ред. И.И. Басика [и др.]. – Жуковский; М.: Кучково поле, 2004. – 320 с.

6. Хомчик В.В. Увольнение военных служащих в связи с невыполнением ими условий контракта: анализ правового регулирования и судебная практика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voennoopravo.ru/files/Homshik.doc>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зорин Олег Леонидович, кандидат юридических наук, доцент, подполковник, Военный учебно-научный центр Военно-Воздушных Сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

394064, г. Воронеж, ул. Старых Большеви́ков, д. 54а

E-mail: olozor06@rambler.ru

regulation of military-employee, public and interpersonal relations. The article discusses issues of honor protection, human worth and goodwill of the military personnel, of officers discipline improvement on the present stage of development of the Armed Forces of the Russian Federation. It highlighted the practical importance of expansion of powers of such public institute as an officer meeting for strengthening law & order and legality in the army and navy.

Keywords: officer; comradesly court of honor; military court; officers meeting; contract

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zorin Oleg Leonidovich, Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Lieutenant-Colonel, Military Educational Scientific Center of the Air Force “Air Force Academy Named After Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin”

54a Starykh Bol'shevikov Str., Voronezh, 394064, Russian Federation

E-mail: olozor06@rambler.ru

Problems and Opinions

SOME CONCEPTUAL ISSUES OF CONSOLIDATING THE ROLE OF THE OFFICER COMMUNITY FOR STRENGTHENING LEGALITY IN THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Oleg L. ZORIN

Abstract. The author conducted historical analysis of officer courts of honor activities as productive instrument of

УДК 341

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАСПОРЯЖЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ МИНИСТЕРСТВУ ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОРГАНИЗАЦИЙ

Е.В. СОКОЛОВА,

старший преподаватель кафедры гражданского права Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: Sokolova2010E@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с распоряжением имуществом Вооруженных Сил Российской Федерации и подведомственных Министерству обороны Российской Федерации организаций. Особое внимание автор уделяет вопросам целесообразности приватизации указанных предприятий. В частности, анализируются последствия такой приватизации, которые, по мнению автора, не всегда являются положительными.

Ключевые слова: федеральная собственность; утилизация военного имущества; земли обороны; приватизация; акционерное общество; государственные унитарные предприятия; хозяйственное ведение; оперативное управление; акционирование

Министерство обороны Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в области обороны, иные установленные федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации функции в этой области, а также уполномоченным федеральным органом исполнительной власти

в сфере управления и распоряжения имуществом Вооруженных Сил Российской Федерации и подведомственных Министерству обороны Российской Федерации организаций [4].

В соответствии с п. 12 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» имущество Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов является федеральной собственностью и находится у них на праве хозяйственного ведения или оперативного управления [1].

Согласно ст. 296 ГК РФ оперативное управление имуществом осуществляется посредством реализации правомочий владения и пользования в пределах, установленных законом, в соответствии с целями деятельности организации и назначением имущества, а также посредством распоряжения с согласия собственника этого имущества, если иное не установлено законом.

Как справедливо отметила Л.Н. Сморчкова, «пользование имуществом, переданным военной организации в оперативное управление, прежде всего, есть ее обязанность перед собственником имущества. Посредством извлечения полезных свойств из закрепленного имущества военная организация осуществляет те функции, ради которых она и была создана государством. Именно в целях осуществления деятельности по реализации государственных

функций и закрепляется за военной организацией имущество на определенном вещном праве, не утрачивая при этом своего собственника – Российскую Федерацию. Таким образом, правомочие использования имущества в наибольшей степени должно осуществляться в соответствии с целями создания организации (указанными в учредительных документах) и назначением имущества (с учетом тех свойств, которым придается гражданско-правовое значение)... В отношении осуществления военной организацией правомочия пользования имуществом военного назначения (оружие, боеприпасы, вооружение, военная техника и другое имущество, ограниченное в обороте) существует очень жесткое нормативно-правовое регулирование по причине сохранения общественного порядка и безопасности граждан» [15].

По мнению Ю.К. Толстого, реализация правомочия распоряжения – это юридически обеспеченная возможность определять судьбу вещи путем совершения юридических актов в отношении этой вещи. И оно не сводится только к смене владельца имущества, а может отражаться в любых актах, изменяющих правовой режим имущества, в том числе в актах внутрихозяйственного распоряжения им [18].

В научной литературе отмечается, что особенностью осуществления правомочий собственника федерального имущества является особый, присущий только полномочным органам государственной власти способ управления и распоряжения собственностью путем издания нормативных правовых актов, устанавливающих правовой режим того или иного вида федерального имущества. При этом в регламентации отношений внутри сферы публичной собственности преобладают акты публично-правового характера, которые определяют компетенцию органов публично-правовых образований по использованию и распоряжению (управлению) объектами публичной собственности, а само управление имуществом является лишь одной из форм осуществления права собственности, но не особым правомочием собственника [12; 17].

По мнению Н.В. Елиной, несмотря на то, что нормы, регулирующие реализацию или иное распоряжение военным имуществом, имеют частноправовую природу, в целом в правовом режиме военного имущества преобладают публично-правовые начала [14].

Следует согласиться с Л.Н. Сморгочевой, считающей, что одной из важнейших правовых проблем является проблема, связанная с реализацией органами военного управления своих административно-властных полномочий и выполнением военной организацией своих гражданско-правовых обязательств в отношении закрепленного за ней собственником имущества. По мнению данного автора, возможность военного ведомства изымать и перераспределять имущество тесно связана со сложившейся еще в советское время централизованной системой тылового обеспечения военных организаций, когда они не признавались субъектами гражданского права и соответственно имущественные отношения с их участием не являлись предметом гражданско-правового регулирования. В настоящее время, в условиях объективного существования военных учреждений как юридических лиц и участников гражданского оборота, правовое регулирование в данной сфере должно не просто исходить из принципа равенства сторон в отношениях, но и учитывать интересы безопасности государства и как суверенного публичного образования, и как собственника имущества. Перемещение имущества между военными организациями в пределах одного военного ведомства есть акт распоряжения им, имеющий результатом смену владельца. Соответственно для правомерной реализации правомочия владения как бывшего, так и будущего держателя имущества в каждом военном ведомстве должны быть нормативно установлены особенности внутриведомственного порядка его учета, постановки на баланс, списания, выделения средств для обеспечения хранения и т. п. [16].

Распоряжение имуществом, закрепленным за военными организациями, входящими в состав Вооруженных Сил Российской Федерации, а также подведомственными Министерству обороны Российской Федерации организациями может осуществляться различными способами, предусмотренными законом или иными нормативными правовыми актами, в том числе путем:

- заключения договоров, направленных на передачу физическим или юридическим лицам высвобождаемого или неиспользуемого имущества в собственность или во временное владение

и пользование (по договорам купли-продажи, аренды и др.);

- безвозмездного отчуждения имущества в пользу третьих лиц (например, безвозмездной передачи земельных участков из состава земель обороны в собственность субъектов Российской Федерации или муниципальных образований), в том числе в результате приватизации;

- уничтожения имущества в связи с его использованием по прямому назначению (в частности, в результате использования боеприпасов в ходе проведения учений), утилизацией или иным уничтожением;

- и т. п.

Однако нередко распоряжение имуществом Вооруженных Сил Российской Федерации и подведомственных Министерству обороны Российской Федерации организаций осуществляется с нарушениями действующего законодательства, недобросовестно или неэффективно, что влечет за собой причинение собственнику – Российской Федерации – существенных убытков (как реальных убытков, так и упущенной выгоды).

Например, как указывалось выше, одним из способов распоряжения военным имуществом является его утилизация или иное уничтожение. При этом уничтожение излишнего, неиспользуемого или используемого не по назначению имущества возможно также с разрешения собственника имущества – Российской Федерации. Однако при таком способе распоряжения имуществом крайне затруднен процесс установления, было ли имущество действительно уничтожено, либо актом об уничтожении прикрыт иной способ распоряжения им.

Так, в мае 1990 г. в одной из воинских частей с разрешения вышестоящего командования были вывезены со склада и «уничтожены» путем затопления в пожарном водоеме, расположенном в запретной зоне за территорией части и поста по охране склада, в восьми метрах от его внешнего ограждения, семь авиационных пушек. Таким образом, воинская часть добровольно отказалась от принадлежащего ей имущества, выбросив пушки в водоем, расположенный за пределами части и поста, чем создала угрозу общественной безопасности, поскольку завладеть пушками могли как посторонние лица, так и военнослужащие этой части. То обстоятельство, что

водоем располагался в запретной зоне поста, еще не свидетельствовало о том, что воинская часть продолжала владеть оружием, так как состав караула не знал о наличии в водоеме пушек, затопленных более трех лет назад, не принимал их под охрану и соответственно не нес ответственность за их сохранность, в связи с чем стало возможным присвоение указанных пушек военнослужащими данной воинской части с целью последующей перепродажи физическому лицу [10].

По нашему мнению, для исключения подобных ситуаций целесообразно законодательно установить обязанность военных организаций не только оформлять акт об уничтожении имущества, но и фиксировать процесс утилизации или иного его уничтожения с помощью фото- и видеосъемки, с последующим направлением копий таких съемок в федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные на распоряжение федеральным имуществом, а также в Счетную палату Российской Федерации.

В практике военных организаций нередко также случаи незаконного распоряжения земельными участками из состава земель обороны. Так, 15 июля 2011 г. военной прокуратурой Тихоокеанского флота было вынесено представление об устранении нарушений законов, связанных с незаконной передачей земель Министерства обороны Российской Федерации коммерческим структурам для организации мест массового отдыха граждан в прибрежных районах г. Владивостока и о. Русский в январе-феврале 2011 г. В это же время были выявлены факты незаконных действий воинских должностных лиц и администрации Приморского края при согласовании и выделении пяти гражданским лицам и двум коммерческим структурам участков под строительство индивидуальных жилых домов и объектов социально-бытового назначения на территориях запретных районов ряда воинских частей в г. Владивосток и г. Артем (где запрещено строительство объектов, создающих угрозу безопасности объектам военного назначения и сохранности находящегося там имущества).

В 2010 г. органами военной прокуратуры была раскрыта и пресечена совместная преступная деятельность работников БТИ г. Владивостока и должностных лиц подразделения морской инженерной

службы Тихоокеанского флота, которые на протяжении нескольких лет путем фальсификации документов оформляли в собственность подставных лиц государственные объекты недвижимости на участке о. Русский, где было запланировано строительство океанариума. Неправомерными действиями государству был причинен ущерб на сумму более 10 млн рублей и созданы условия для воспрепятствования строительству объектов для проведения в 2012 г. саммита АТЭС.

При этом в результате проверок было установлено, что строительство многих объектов саммита АТЭС предусмотрено на земельных участках, ранее находившихся в пользовании учреждений Министерства обороны Российской Федерации, на которых расположены лесные массивы (состоящие на балансе военного лесничества Министерства обороны Российской Федерации).

В соответствии с п. 12 Постановления Правительства Российской Федерации от 2 февраля 1998 г. № 135 «О закреплении лесов, расположенных на землях обороны, за федеральным органом исполнительной власти по вопросам обороны» в случае прекращения права пользования участками земель обороны прекращается и право пользования расположенными на них лесами и эти леса подлежат возврату в лесной фонд [6].

В процессе и после снятия с баланса Министерства обороны Российской Федерации земельных участков, переданных под строительство объектов саммита АТЭС, командование Тихоокеанским флотом было готово передать находящиеся на них леса в лесной фонд в соответствии с указанной нормой и неоднократно обращалось в Управление лесным хозяйством Приморского края с предложением о принятии лесных массивов. Однако Управление лесным хозяйством Приморского края отказалось принимать их на свой баланс, мотивируя это тем, что в случае такой передачи будут созданы дополнительные правовые препятствия для возведения объектов саммита АТЭС, связанные с ужесточением требований к рубке лесных насаждений.

Неурегулированность вопросов передачи лесов и, как следствие этого, неоформление рубок лесных насаждений в зоне строительства объектов саммита АТЭС повлекли за собой то, что подрядные организации не оплачивали лесную

подать за вырубленные лесные насаждения, которая по расчетам специалистов минимально составляла более 2 млн рублей. Для устранения сложившейся проблемной ситуации с передачей лесов обороны, находящихся на снятых с баланса Министерства обороны Российской Федерации земельных участках, и взыскания лесной подати за вырубленные лесные насаждения было необходимо принять организационно-распорядительные решения, в том числе и на уровне Министерства обороны Российской Федерации.

К числу способов распоряжения имуществом, закрепленным за организациями, подведомственными Министерству обороны Российской Федерации, относится, в частности, акционирование федерального имущества в ходе его приватизации.

В соответствии со ст.ст. 13 и 37 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» одним из способов приватизации государственного и муниципального имущества является преобразование унитарного предприятия в акционерное общество, которое становится правопреемником этого унитарного предприятия в соответствии с передаточным актом [3].

Принято считать, что мотив для участия государства в акционерном капитале хозяйственных обществ – это не извлечение прибыли посредством инвестирования свободных средств, а реализация части государственных функций и задач иными, рыночными, а не административными (регулятивными) методами (инструментами) [19].

Например, в преамбуле Указа Президента Российской Федерации от 21 марта 2007 г. № 394 «Об открытом акционерном обществе «Объединенная судостроительная корпорация»» указывается, что создание указанного общества вызвано целями «сохранения и развития научно-производственного потенциала оборонно-промышленного комплекса, обеспечения безопасности и обороноспособности государства, концентрации интеллектуальных, производственных и финансовых ресурсов при реализации проектов строительства кораблей и подводных лодок Военно-Морского Флота, а также развития гражданского судостроения, освоения континентального шельфа и мирового рынка перевозок» [5].

В соответствии с подп. «г» и «ж» п. 1 названного Указа были преобразованы в открытые акционерные общества ряд федеральных государственных предприятий Министерства обороны Российской Федерации, а именно: «10 ордена Трудового Красного Знамени судоремонтный завод» (г. Полярный Мурманской области), «82 судоремонтный завод» (пос. Росляково Мурманской области), «Кронштадтский морской завод» (г. Санкт-Петербург), «30 судоремонтный завод» (пос. Дунай Приморского края), «92 ордена Трудового Красного Знамени судоремонтный завод» (г. Владивосток), «178 ордена Трудового Красного Знамени судоремонтный завод» (г. Владивосток), «179 судоремонтный завод» (г. Хабаровск), «Северо-Восточный ордена Трудового Красного Знамени региональный центр по ремонту и утилизации вооружения и военной техники» (г. Вилюйский Камчатской области).

В теории и на практике неизбежно встают вопросы: насколько же эффективно такое акционирование? Как соотносятся заявленная цель и достигнутые результаты?

Представляется, что последствия акционирования федеральных государственных предприятий, в том числе подведомственных Министерству обороны Российской Федерации, в большинстве своем являются отрицательными. В наибольшей степени это касается имущественных последствий, когда акционирование унитарных предприятий осуществлялось в коррупционных интересах.

Следует отметить, что акционерное общество, созданное в результате преобразования унитарного предприятия, становится правопреемником этого унитарного предприятия в соответствии с передаточным актом. Согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», акционерное общество, созданное в результате преобразования государственного (муниципального) предприятия в порядке, предусмотренном законодательством о приватизации, с момента его государственной регистрации в Едином государственном реестре

юридических лиц (ЕГРЮЛ) становится собственником имущества, включенного в план приватизации или передаточный акт. Согласно п. 8 ст. 51 ГК РФ юридическое лицо считается созданным, а данные о юридическом лице считаются включенными в ЕГРЮЛ со дня внесения соответствующей записи в этот реестр.

Согласно п. 5 ст. 58 ГК РФ при преобразовании юридического лица одного вида в юридическое лицо другого вида (изменении организационно-правовой формы) к вновь возникшему юридическому лицу переходят права и обязанности реорганизационного юридического лица в соответствии с передаточным актом. Соответственно с момента государственной регистрации вновь возникшего юридического лица у него в силу закона возникает право собственности на имущество, указанное в передаточном акте, в том числе недвижимое имущество, несмотря на то, что согласно ст. 8¹ ГК РФ право на такое имущество подлежит государственной регистрации. С этого же момента у заинтересованных лиц появляется возможность реализации наиболее ликвидных активов предприятия, а также возможность занижения их реальной стоимости.

Например, в 2009 г. в результате приватизации ФГУП «53 ЦПИ МО РФ» было преобразовано в ОАО «53 ЦПИ», а уже в марте 2010 г. вновь созданным ОАО был заключен договор купли-продажи принадлежащего ему земельного участка площадью более 7 тысяч квадратных метров, находящегося на Комсомольском проспекте в г. Москве. Цена земельного участка была определена на основании отчета об оценке, подготовленного независимым оценщиком ООО «Эксперт».

В соответствии со ст. 12 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» итоговая величина рыночной или иной стоимости объекта недвижимости, указанная в отчете, составленном по основаниям и в порядке, которые предусмотрены названным Федеральным законом, признается достоверной и рекомендуемой для целей совершения сделки с объектом оценки, если в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, или в судебном порядке не установлено иное [2].

Однако, по мнению Межрегионального центра судебной медицины

и криминалистики, при проведении оценки независимым оценщиком ООО «Эксперт» была нарушена правильность применения методик оценки, что явилось причиной занижения рыночной стоимости земельного участка по отношению к кадастровой стоимости этого участка. Примененный метод не является рыночным, а поэтому не может полноценно применяться для заключения договора купли-продажи. По мнению экспертов центра, по состоянию на март 2010 г. рыночная стоимость земельного участка была в 7 раз выше, чем цена, указанная в отчете независимого оценщика.

Продажа недвижимого или иного имущества по цене ниже рыночной в целом не противоречит закону, так как согласно п. 1 ст. 451 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, а согласно п. 1 ст. 424 данного Кодекса исполнение договора оплачивается по цене, установленной соглашением сторон, если иное не предусмотрено законом. Но в то же время следует учитывать положения ГК РФ о необходимости действовать добросовестно и разумно и о недопустимости причинения убытков другим субъектам права.

В рассматриваемом же случае продажа земельного участка по существенно заниженной по сравнению с рыночной цене явно могла повлечь за собой значительные прямые убытки для самого общества, и косвенные для акционеров, в том числе Российской Федерации (в виде получения дивидендов в меньшем размере, чем они могли бы получить, или неполучения дивидендов вовсе).

Необходимо отметить, что в том же 2010 г. в отношении ОАО «53 ЦПИ» судебным приставом-исполнителем Хамовнического районного отдела УФССП по городу Москве было возбуждено исполнительное производство №77/17/8309/2/2010, в ходе которого на открытых торгах в форме аукциона было реализовано принадлежащее обществу недвижимое имущество, а именно административное здание общей площадью 1 021,5 квадратного метра, расположенное по адресу: Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 30/32, корп. 1; административное здание общей площадью 1 033,8 квадратного метра, расположенное по адресу: Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 34, стр. 1 [11].

Таким образом, приведенная ситуация свидетельствует о том, что

акционирование федеральной собственности имеет больше отрицательных моментов, нежели положительных. По нашему мнению, более целесообразной была бы передача федерального имущества в доверительное управление коммерческим структурам (профессиональным управляющим).

Как правовой институт доверительное управление имуществом существует в современном российском законодательстве с принятием в 1994 г. первой части ГК РФ, в ч. 4 ст. 209 которой указывалось, что собственник имущества может передать его в доверительное управление другому лицу (доверительному управляющему). После вступления в силу второй части ГК РФ доверительное управление стало признаваться отдельным видом обязательства.

Как было отмечено З.Э. Беневоленской, «доверительное управление возникло как институт частного права в ходе преодоления всеобъемлющей государственной собственности на средства производства и было задумано как противопоставление и как путь преобразования государственной собственности, наряду с приватизацией. Отчасти это предназначение доверительного управления реализовало себя в ходе управления и доверительного управления пакетами акций госкомпаний. Вместе с тем, непосредственное доверительное управление как организациями, так и недвижимостью не нашло воплощения: первое в теории, второе на практике. На сегодняшний день можно сказать, что цель, ради которой доверительное управление было внедрено в российское законодательство, себя не реализовала» [13].

В ноябре 1998 г. Председателем Правительства Российской Федерации Е.М. Примаковым предлагалась передача стратегически значимого имущества в доверительное управление специально подготовленным менеджерам, а также заявлялось, что «соответствующие органы исполнительной власти должны принимать решение о банкротстве, санации или передаче контрольного пакета акций организаций в государственную собственность с последующей передачей в доверительное управление...» [9].

Таким образом, Правительством Российской Федерации было указано на необходимость передачи в доверительное

управление не только акций стратегически значимых акционерных обществ, но и иного имущества, при этом был сделан акцент на то, что передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности к доверительному управляющему, а сам доверительный управляющий – это лицо, которое способно обеспечить эффективное управление государственным имуществом.

В дальнейшем Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 сентября 1999 г. № 1024 была одобрена Концепция управления государственным имуществом, в которой были расставлены акценты в плане соотношения хозяйственного ведения и оперативного управления [7]. Так, в частности, в Концепции указывалось на то, что «юридическая конструкция права хозяйственного ведения предоставляет субъекту такого права широкий круг полномочий по владению, пользованию, распоряжению имуществом собственника. Реально эти полномочия осуществляются единолично руководителем унитарного предприятия, взаимоотношения которого с собственником регулируются законодательством о труде, руководители унитарных предприятий бесконтрольно управляют финансовыми потоками этих предприятий, в том числе самостоятельно принимают решения о направлениях использования прибыли. Трудовое законодательство, эффективно защищая права руководителей, создает значительные трудности для применения к ним мер ответственности за результаты деятельности предприятия».

К сожалению, идея передачи государственного имущества в доверительное управление не была поддержана, и в 2001 г. Российская Федерация пошла по пути приватизации в том числе стратегических предприятий, при этом было признано необходимым «продолжение работы по сокращению количества унитарных предприятий путем реорганизации и приватизации» [8].

По нашему мнению, приведенные примеры свидетельствуют о необходимости совершенствования действующего законодательства Российской Федерации в сфере правового регулирования вопросов распоряжения федеральным имуществом, закрепленным за Вооруженными Силами Российской

Федерации и подведомственными Министерству обороны Российской Федерации организациями.

При этом представляется, что в военном-правовой науке одним из ведущих направлений должно стать теоретическое обоснование и разработка соответствующих предложений по изменению и дополнению законодательства в указанной сфере общественных отношений, что в целом будет способствовать не только обеспечению сохранности и эффективному использованию федеральной собственности, но и обеспечению обороны и безопасности государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об обороне: федер. закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 23. – Ст. 2750.
2. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3813.
3. О приватизации государственного и муниципального имущества: федер. закон от 21 дек. 2001 г. № 178-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 4. – Ст. 251.
4. Вопросы Министерства обороны Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 16 авг. 2004 г. № 1082 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – № 34. – Ст. 3538.
5. Об открытом акционерном обществе «Объединенная судостроительная корпорация»: указ Президента Рос. Федерации от 21 марта 2007 г. № 394 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 13. – Ст. 1532.
6. О закреплении лесов, расположенных на землях обороны, за федеральным органом исполнительной власти по вопросам обороны: постановление Правительства Рос. Федерации от 2 февр. 1998 г. № 135 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 6. – Ст. 758.
7. О Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации: постановление Правительства Рос. Федерации от 9 сент. 1999 г. № 1024 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 39. – Ст. 4626.
8. О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу

(2002–2004 годы): распоряжение Правительства Рос. Федерации от 10 июля 2001 г. № 910-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 31. – Ст. 3295.

9. О мерах Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации по стабилизации социально-экономического положения в стране: заявление Правительства Рос. Федерации и Центрального банка Рос. Федерации // Рос. газ. – 1998. – 17 нояб.

10. Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 30 янв. 1996 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lawmix.ru/jude/21385.

11. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21 дек. 2011 г. № ВАС-15991/11 по делу № А40-114477/10-148-670 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/55539850/>. Документ официально опубликован не был.

12. Андреев В.К. Правовые проблемы распоряжения и управления федеральной собственностью // Государство и право. – 1999. – № 4. – С. 43–52.

13. Беневоленская З.Э. Доверительное управление имуществом. История и современность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=366>.

14. Елина Н.В. Соотношение частно-правовых и публично-правовых начал в правовом режиме военного имущества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.voennoepravo.ru/node/5083.

15. Сморгачева Л.Н. Вопросы осуществления хозяйственной деятельности военных организаций в отношении федерального имущества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.justicemaker.ru/view-article.php?id=4&art=3021.

16. Сморгачева Л.Н. Правовые формы участия военных учреждений в вещных отношениях // Военное право: электрон. науч. изд. [Электронный ресурс]. – 2015. – Вып. 4. – Режим доступа: <http://www.voennoepravo.ru/node/5950>.

17. Суханов Е.А. Проблемы правового регулирования отношений публичной собственности и новый Гражданский кодекс // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: сб. памяти С.А. Хохлова. – М.: Изд-во Междунар. центра финансово-эконом. развития, 1998. – С. 215–216.

18. Толстой Ю.К. Понятие права

собственности // Проблемы гражданского и административного права. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – С. 136–213.

19. Шевченко А.С. Государство как акционер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alrf-prim.ru/debate/detail.php?ID=1255>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Елена Вячеславовна, старший преподаватель кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: Sokolova2010E@yandex.ru

Problems and Opinions

SOME ISSUES OF DISPOSAL OF THE PROPERTY OF RUSSIAN FEDERATION ARMED FORCES AND THE ORGANIZATIONS UNDER THE AUTHORITY OF MINISTRY OF DEFENSE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Elena V. SOKOLOVA

Abstract. The article deals with certain issues related to the disposal of property of the Armed Forces of the Russian Federation and organizations subordinate to the Ministry of Defense of the Russian Federation. The author pays special attention to issues of expediency of privatization of the specified enterprises. The consequences of such privatization are analyzed, which, in the author's opinion, are not always positive.

Keywords: federal property; utilization of military property; military land; privatization; joint-stock company; state unitary enterprises; economic management; operational management; corporatization

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sokolova Elena Vyacheslavovna, Senior Lecturer of Department of Civil Law of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4 Volochevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: Sokolova2010E@yandex.ru

БЕССРОЧНАЯ ВОЙНА: НЕУРЕГУЛИРОВАННОСТЬ ОКОНЧАНИЯ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В.Н. СТАРЦУН,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права

Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

E-mail: kaf-gr@mail.ru

И.В. БАЛКАНОВ,

адъюнкт кафедры английского языка (основного) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

E-mail: i-balkanov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации международных и немеждународных вооруженных конфликтов в контексте норм международного гуманитарного права. Аргументируется значимость выработки универсальных и непротиворечивых критериев, позволяющих установить факт окончания вооруженного конфликта. Авторами делается вывод о том, что существующие на данный момент международно-правовые стандарты в сфере урегулирования военных конфликтов выявляют ряд противоречий, обусловленных такими конфликтогенными факторами, как отрицание существования вооруженного конфликта, отсутствие четких критериев классификации и определения противоборствующих сторон конфликта, несоблюдение конфликтующими сторонами принципа подлинной приверженности договорным обязательствам, затяжной характер протекания вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: международное гуманитарное право; Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним; международные и немеждународные вооруженные конфликты; критерии констатации факта окончания вооруженного конфликта

Среди потрясающих современный мир многочисленных негативных социальных феноменов, противоречащих принципам гуманизма и прогрессивным идеалам человечества, значимое место отведено проблеме квалификации вооруженного конфликта в контексте международного права. В свете тезиса о том, что поддержание надлежащего уровня обороноспособности является неотъемлемым обязательством всякого территориально целостного и суверенного государственного образования, проблема осмысления нерегулируемых законодательными предписаниями сфер, выходящих за рамки международного гуманитарного права (далее – МГП), обретает особую важность.

Актуальность всестороннего изучения упомянутого вопроса обусловлена рядом причин. Во-первых, трудности с констатацией факта окончания международного или немеждународного вооруженного конфликта у компетентных органов возникают на регулярной основе. Во-вторых, существующая на данный момент времени международная нормативно-правовая база не дает нам полного и всестороннего понимания критериев, соответствие которым позволило бы говорить о безоговорочном и объективном окончании вооруженного конфликта. И наконец, в-третьих, актуальность

рассматриваемой проблемы подкрепляется повышенным вниманием со стороны западных исследователей к данному вопросу (см., например, работы D.A. Lewis, G. Blum, K. Modirzadeh, 2017; G. Blum, D. Luban, 2014 и др. работы). Полагаем, что правовой аспект констатации факта окончания вооруженных конфликтов с достаточным основанием может быть отнесен к категории вызовов системе международного права.

Современный этап развития международных отношений в сфере обороны и безопасности характеризуется существенным снижением эффективности общепринятых норм международного права в целом и международного гуманитарного права в частности. Резко упала и действенность институциональных механизмов согласования базовых интересов самосохранения человечества, отдельных государств и народов – ООН, региональных союзов, межгосударственных образований. В настоящее время фактически осуществлен возврат к таким правовым теориям, как «право сильного» и «право войны», которые признаются в качестве механизма регулирования межгосударственных отношений [8].

По мнению А.И. Землина, исторический опыт человечества со всей очевидностью свидетельствует о том, что любые государства, невзирая на их политическую или экономическую значимость, вынуждены пребывать в перманентном состоянии готовности к отражению агрессии, повинаясь принципу *si vis pacem, para bellum*. Понимание публичной властью данного исторически продиктованного императива сформировалось вследствие своего рода естественного отбора – государственные образования, сколь бы миролюбивыми они ни были, обрекали себя на скорую и неотвратимую гибель нежеланием содержать свои вооруженные силы либо отсутствием умения ими управлять [7].

Общеизвестно, что МГП представляет собой свод правил, обеспечивающих в период вооруженного конфликта защиту тех, кто не принимает или прекратил принимать непосредственное участие в боевых действиях. МГП ограничивает выбор средств и методов ведения войны

и применяется к ситуациям как международного, так и немеждународного вооруженного конфликта. Основными инструментами МГП являются Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним.

Женевские конвенции заложили фундаментальные основы международного гуманитарного права – отрасли международного права, регламентирующей ведение вооруженных конфликтов и ставящей своей целью ограничить их последствия. Данные Конвенции, в частности, защищают людей, которые не принимают участия в военных действиях (гражданских лиц, врачей и медсестер, гуманитарных работников), или тех, кто перестал принимать участие в военных действиях, например раненых, больных, потерпевших кораблекрушение, а также военнопленных.

Статья 3, общая для всех четырех Женевских конвенций, стала настоящим прорывом, поскольку она впервые предусматривала нормы, относящиеся к ситуациям немеждународных вооруженных конфликтов. Общая ст. 3 устанавливает основополагающие нормы Женевских конвенций, делает их применимыми к конфликтам немеждународного характера. С учетом того что большинство вооруженных конфликтов современности носят немеждународный характер, применение общей ст. 3 приобретает особую важность. В настоящее время общее число участников Женевских конвенций составляет 194 государства [3].

В течение двух десятилетий после принятия Женевских конвенций в мире наблюдалось увеличение числа немеждународных вооруженных конфликтов и национально-освободительных войн. Однако названные Конвенции не охватывают ряд важных аспектов, к числу которых относятся ведение военных действий и защита мирных граждан от последствий боевых действий. Для того чтобы восполнить эти пробелы, в 1977 г. были приняты два Дополнительные протокола к Женевским конвенциям. Они дополняют, но не подменяют собой Женевские конвенции 1949 г. Дополнительные протоколы усиливают защиту жертв международных (Протокол I) и немеждународных (Протокол II) вооруженных конфликтов

и налагают ограничения на средства и методы ведения войны. Протокол II стал первым в истории международным документом, посвященным исключительно ситуациям немеждународных вооруженных конфликтов.

Протокол I применяется к ситуациям международных вооруженных конфликтов и налагает ограничения на методы ведения военных действий. Он являет собой напоминание о том, что право сторон, участвующих в вооруженном конфликте, на выбор средств и методов ведения военных действий не является неограниченным и что использование оружия, снарядов, веществ и методов военных действий, способных причинить излишние повреждения или излишние страдания, запрещено (ст. 35) [4].

Общая для всех Женевских конвенций ст. 3 не устанавливает критериев классификации ситуации внутреннего конфликта, к которому она применяется. В отличие от нее Протокол II подробно описывает те ситуации, к которым он применяется, и исключает конфликты малой интенсивности, такие как внутренние напряженность и массовые беспорядки.

Ситуации, к которым применим Протокол II, – это вооруженные конфликты немеждународного характера, происходящие на территории государства между его вооруженными силами и вооруженными силами повстанцев, находящихся под организованным командованием и контролирующими часть национальной территории. Общая для всех Женевской конвенцией статья 3 содержит в себе ряд положений, учитывающих гуманитарные аспекты применительно к ситуации гражданской войны [3].

Предпринятая попытка найти ответ на фундаментальный для настоящего исследования вопрос о наличии в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах к ним непротиворечивых критериев, свидетельствующих об окончании вооруженного конфликта, не приносит плодотворных результатов. Даже в том случае, если тот или иной вооруженный конфликт более не является объектом международно-правовой повестки, безоговорочная констатация факта его окончательного завершения возможна лишь с

учетом широкого спектра сопутствующих факторов.

Необходимо признать, что отсутствие четко сформулированных законодательных норм, составляющих основу МГП, наглядно демонстрирует наличие пробелов в сфере международного права. Создатели Женевских конвенций 1949 г. оставили открытой возможность, исключив при этом необходимость субъективного и формального политического признания войны. Логика интенций законодателя была продиктована стремлением к тому, чтобы применение или неприменение МГП было объективным и фактическим, вследствие чего государствам было бы сложнее его избежать. Постановка подобной цели была понятным стратегическим шагом после окончания Второй мировой войны. Отметим, что в отношении последующих конфликтов достижение поставленной цели было реализовано. По крайней мере, частично.

Напряженная с точки зрения военной активности геополитическая обстановка на современном этапе развития международных правоотношений характеризуется следующим парадоксальным обстоятельством: распознать вооруженный конфликт оказывается тем сложнее, чем более очевидным для международного сообщества он является. Неосведомленность в том, когда был инициирован тот или иной вооруженный конфликт, значительно затрудняет поиск ответа на вопрос о сроках окончания вооруженного противостояния сторон. И даже если международное сообщество выступает свидетелем военного противоборства, объективная и основанная на фактах модель признания его таковым оказывается несовершенной в тех случаях, когда соответствующая политическая власть отказывается признавать существование конфликта.

Другим отличительным свойством современного международного правового ландшафта выступает тенденция к восприятию вооруженного конфликта как обыденного, тривиального феномена социальной практики. Среди бесчисленных «войн» (с терроризмом, наркотиками, преступностью и т. д.) традиционная нормативная правовая база в отношении

вооруженного конфликта утратила характеристику чего-то исключительного и чрезвычайного [5].

В актуальных нормах международного права отсутствуют четкие указания на то, по каким основаниям можно считать завершившимся военный конфликт с фактической (когда война закончилась?), нормативной (когда война должна была закончиться?) и правовой (когда международное правовое регулирование (целиком или частично) вооруженных конфликтов более не применимо в отношении войны?) точек зрения [6]. Ввиду многообразия правовых концепций вооруженного конфликта, недостаточности положений международного гуманитарного права в отношении их применения и прекращения, несоответствия данных правовых предписаний друг другу (иногда даже в рамках одного правового документа) единые критерии понимания того, когда война могла закончиться, должна была закончиться и когда она закончилась фактически, не выработаны до сих пор.

Процесс завершения вооруженного конфликта тесно переплетается с широким спектром интересов, преследуемых частными лицами и организациями: от политических лидеров до военных командиров, от гражданского населения до нейтральных государств, от ищущих убежища социальных категорий до военных судов, от торгующих оружием государств до правозащитных организаций. Каждая заинтересованная сторона может иметь собственную мотивационную основу окончания или продолжения войны, применения или окончания применения соответствующих норм международного права в отношении вооруженного конфликта.

В современных нормативных правовых актах или систематизированных законодательных предписаниях отсутствует универсальная, удовлетворяющая нормам МГП дефиниция понятия момента окончания вооруженного конфликта. Полагаем, что данное обстоятельство частично обусловлено следующими факторами:

- в ряде договоров МГП содержатся различные формулировки, касающиеся соответствующих обязанностей, прав, полномочий и средств защиты, которые

возникают до, во время или после вооруженного конфликта;

- не все государства являются участниками одних и тех же договоров МГП;

- не все положения договоров МГП о прекращении вооруженного конфликта применяются, по крайней мере, в рамках международного договорного права, ко всем международным и немеждународным вооруженным конфликтам.

Мы приходим к умозаключению о том, что обычное МГП в принципе могло бы внести значимую лепту в процесс выработки единого подхода к рассматриваемому вопросу. Однако на практике до этого еще далеко, поскольку современные правовые сценарии делают затруднительной констатацию факта окончания войны в рамках соответствующей международной правовой базы. Можно выделить такие затрудняющие определение окончания войны факторы, как отрицание факта существования вооруженного конфликта, отсутствие четких критериев классификации и определения противоборствующих сторон конфликта, несоблюдение конфликтующими сторонами принципа подлинной приверженности договорным обязательствам, затяжной характер протекания конфликтов, характеризуемый спорадическими вспышками актов насилия. Приведенный перечень негативных импакт-факторов включает также реакцию государственного аппарата на терроризм. Формами проявления ответного действия могут явиться как традиционные представления об использовании вооруженного насилия, так и правовые меры принуждения.

Невзирая на то что немеждународные вооруженные конфликты являются наиболее распространенным типом современного военного противоборства сторон, положений МГП, регулирующих их завершение, значительно меньше, нежели аналогичных положений в отношении международных конфликтов. Правовой инструментарий МГП нередко характеризуется семантической неопределенностью, следствием которой выступают интерпретационная вариативность и противоречия указанных выше правовых предписаний.

Обращает на себя внимание и то, что окончательное и всеобъемлющее

урегулирование современных немеждународных вооруженных конфликтов достигается крайне редко. Сделанный вывод с полным основанием может быть спроецирован и на конфликты международного характера.

В качестве исторической иллюстрации приведем ситуацию послевоенного урегулирования итогов Второй мировой войны между США и Германией. Общеизвестно, что мирный договор между этими государствами был подписан лишь в 1990 г.

На основании изложенного полагаем правомерным провести параллели между вооруженными конфликтами и актуальным вызовом терроризма. Так, согласно доктрине противодействия террористической угрозе, разработанной администрацией Обамы, предполагаемый вооруженный конфликт будет существовать до наступления «переломного момента», когда оперативный потенциал террористической организации снизится и поддерживающие ее сети будут ликвидированы. В результате этого данная организация будет не в состоянии реализовать или предпринять попытку реализации своих противоправных деяний, нацеленных на достижение каких-либо идеологических, религиозных, политических, социальных и иных целей. Однако в нынешних условиях возникает целый ряд неразрешенных вопросов. Ввиду характера многих современных вооруженных конфликтов определение момента их завершения представляется весьма проблематичным. Использование традиционных подходов к разграничению сферы применения положений МГП к вооруженному конфликту в его материальном, географическом и временном измерениях нередко затрудняется тем, что противник представляет собой разветвленную террористическую сеть, деятельность которой носит международный характер.

Не вызывает сомнений тот факт, что названная проблема применимости/неприменимости правовых стандартов МГП в отношении террористических организаций актуальна и для Российской Федерации. Российская Федерация как суверенное государство существенным образом проявляла заинтересованность в решении военных проблем и проблем

предотвращения террористических угроз, в том числе и вблизи своих границ. Для создания релевантной современным внешнеполитическим вызовам России и достижения целей военной безопасности государства системы была принята новая Военная доктрина Российской Федерации (далее – Военная доктрина, Доктрина). Важным правовым условием осуществления мер, обеспечивающих реализацию этих стратегических целей в соответствии с нормами Доктрины, является централизация государственного управления в военной области. Военная доктрина отражает приверженность руководства России использованию политических, дипломатических, правовых, экономических, экологических, информационных, военных и других инструментов защиты национальных интересов Российской Федерации и интересов ее союзников [2].

В связи с изложенным представляется уместным отметить, что в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, террористическая угроза входит в перечень основных вызовов обороноспособности и национальной безопасности России. К числу основных угроз российской государственности, среди прочих, относится деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения, в том числе путем завладения оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химическими и биологически опасными веществами, совершения актов ядерного терроризма, нарушения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры Российской Федерации [1].

Среди негативных явлений в современном мире заметное место занимают

экстремизм и терроризм, выступающие в облачениях ислама. По мнению О.В. Дамаскина, за последние десятилетия под исламистскими лозунгами совершенно множество поражающих своей жестокостью кровавых акций, направленных на запугивание населения и шантаж органов государственной власти и управления. Обзор современной ситуации в связи с деятельностью террористических групп позволяет констатировать их нарастающую готовность применять насилие к незащищенным мирным гражданам. Характерным при этом является отсутствие деклараций о мотивах и целях насильственных действий. Абсолютная готовность организаторов террористических актов к применению насилия, сочетание религиозного фундаментализма и политизированной антироссийской идеологии представляют очевидную угрозу российскому обществу [6].

О.В. Дамаскин подчеркивает, что в интересах разрешения потенциальных конфликтов национального и международного уровня необходим системный подход. Это вызывает необходимость интеграции политических, социальных, культурных, экономических усилий, направленных на повышение уровня защищенности граждан от криминальных и террористических угроз. При этом возрастают роль и значение сил безопасности как важнейшего инструмента правоохранительной политики высших органов государственной власти и управления в процессе реализации задач по совершенствованию комплексного подхода к организации противодействия преступности, экстремизму, терроризму и достижению в этой сфере эффективных результатов, адекватных целям антикриминальной и антитеррористической деятельности [6].

Возвращаясь к вопросу о насущной необходимости выработки международным правовым сообществом объективных критериев констатации факта окончания вооруженного конфликта, проанализируем четыре концепции, определяющие пределы юрисдикции международного права в отношении немеждународного вооруженного конфликта, предложенные в докладе «Бессрочная война. Неурегулированная область международного права

в части, касающейся выявления критериев окончания вооруженного конфликта».

Согласно концепции двустороннего храпового механизма, поворотный момент окончания немеждународного вооруженного конфликта наступает тогда, когда прекращает существование, по крайней мере, один из образующих конфликт структурных элементов. К числу последних следует отнести интенсивность военных действий или организационную структуру негосударственного вооруженного формирования.

Таким образом, момент завершения немеждународного вооруженного конфликта подразумевает прекращение распространения юрисдикции положений международного права. Так, судебная практика Международного трибунала по бывшей Югославии (далее – МТБЮ) и Международного уголовного суда показывает, что структурными элементами немеждународного вооруженного конфликта признаются: (1) значительная степень организации негосударственной вооруженной группы или групп (государственная по умолчанию считается достаточно организованной) и (2) значительная степень насилия. Следовательно, согласно концепции двустороннего храпового механизма немеждународный вооруженный конфликт будет считаться завершенным – и международно-правовая база вооруженного конфликта перестанет к нему применяться – как только уровень организации негосударственной вооруженной группы (равно как и вооруженных групп) или степень насилия опустятся ниже уровня, необходимого для существования самого конфликта. Несмотря на то что изложенная концепция связана с формулировками МТБЮ, согласно которым структурные элементы определяют существование конфликта, сам подход к определению окончания конфликта значительно отличается.

Концепция отсутствия боевых мер подразумевает, что немеждународный вооруженный конфликт признается завершенным после общего прекращения боевых действий. Под последним следует понимать прекращение вооруженными силами противоборствующих сторон действий, направленных на продолжение вооруженной борьбы.

В соответствии с предложенной концепцией, немеждународный вооруженный конфликт признается завершенным и к нему перестает применяться международно-правовая база вооруженного конфликта в тот момент, когда прекращаются военные действия, т. е. прекращаются операции вооруженных сил в целях борьбы. Вышеупомянутая концепция базируется на определении «общего окончания военных операций», которое применялось для международных военных конфликтов в ст. 6 (2) – (3) Женевских конвенций и 3 (b) Протокола I к Конвенциям. Данная концепция предполагает, что как только боевые действия прекращаются одной из сторон немеждународного вооруженного конфликта, вооруженный конфликт, по крайней мере для одной из сторон, завершается. При этом немеждународный вооруженный конфликт может продолжаться между другими сторонами конфликта (конечно, при условии, что в данном немеждународном вооруженном конфликте продолжают существовать две или более сторон) до тех пор, пока эти стороны не будут прекращать военные действия с целью вооруженного противостояния.

Как явствует из самой формулировки концепции отсутствия разумных рисков возобновления военных действий, немеждународный вооруженный конфликт признается завершенным в момент исчезновения разумных рисков возобновления боевых действий.

Согласно данной концепции немеждународный вооруженный конфликт заканчивается и к нему перестает применяться международно-правовая база вооруженного конфликта, когда отсутствуют разумные основания для возобновления военных действий. Вышеназванная концепция, как и МГП, предлагает оценивать «разумность» дальнейших военных действий, что по общему признанию делает ее такой же неоднозначной, как и все существующие стандарты.

Согласно выводам МККК данный подход к пониманию критериев окончания вооруженного конфликта характеризуется «полной оценкой всех имеющихся факторов» с учетом того, что «такие оценки никогда не могут быть проведены

с абсолютной уверенностью» и что это «далеко не совершенная наука».

И наконец, в рамках концепции прекращения состояния войны немеждународный вооруженный конфликт признается завершенным по достижении мирного урегулирования между ранее противоборствующими сторонами.

Немеждународный вооруженный конфликт завершается, и к нему перестает применяться международно-правовая база вооруженного конфликта по факту мирного урегулирования конфликта между противоборствующими сторонами. Данная концепция опирается, в частности, на элементы традиционной доктрины о состоянии войны. В юридическом смысле состояние войны продолжается вплоть до заключения соглашения о прекращении войны, которым является мирный договор. Концепция прекращения состояния войны предполагает, что стороны немеждународного вооруженного конфликта способны в принципе согласиться на прекращение конфликта и готовы на практике осуществлять достаточный контроль за собственными подразделениями в целях эффективного осуществления этого соглашения. Так как большинство негосударственных организованных вооруженных группировок не вправе заключать договоры, основной акцент данной концепции делается на достижении мирного урегулирования, примером которого послужит заключение долгосрочного соглашения между сторонами конфликта [11].

Подводя итоги проведенному исследованию, мы приходим к обоснованному выводу о том, что существующее международное законодательство не предлагает всеобщей нормативной теории для констатации момента достижения вооруженным конфликтом своих законных целей. Не вызывает сомнения тот факт, что составляющие ядро международного гуманитарного права Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним внесли неоценимый вклад в утверждение высоких принципов гуманизма в ходе вооруженных конфликтов. Однако необходимо констатировать и то, что указанные выше международно-правовые инструменты все же не являются панацеей. Актуальная проблема неурегулированности

окончания вооруженного конфликта выступает одним из частных проявлений несовершенства современной системы международных правоотношений. В соответствующих нормах международного права отсутствуют четкие указания на то, по каким основаниям можно считать завершившимся военный конфликт с фактической, нормативной и правовой точек зрения. Среди факторов, затрудняющих определение окончания войны, можно выделить отрицание факта существования вооруженного конфликта, отсутствие четких критериев классификации и определения противоборствующих сторон конфликта, несоблюдение конфликтующими сторонами принципа подлинной приверженности договорным обязательствам, затяжной характер протекания конфликтов с присущими ему спорадическими вспышками актов насилия. Обращает на себя внимание и то, что международная нормативно-правовая база не содержит универсальной, недвусмысленно вербализованной дефиниции понятия окончания вооруженного конфликта.

Полагаем, что конкретизация оснований, детерминирующих окончание войны, является комплексной задачей, требующей научно обоснованного подхода при активном участии как отечественных, так и зарубежных специалистов в области МГП.

В качестве вывода необходимо также подчеркнуть: многие из выявленных проблем, связанных с урегулированием кризисных ситуаций, носят стратегический и политический характер.

Представляется значимым отметить, что освещенный в настоящем исследовании круг вопросов представляет интерес для обеспечения национальной безопасности России. В связи с этим все устремления Российской Федерации к миру должны непременно сопровождаться продуманной системой мер по реализации военной политики государства, направленной на обеспечение надлежащего уровня обороноспособности страны, исключающего всякую возможность посягательства на суверенитет и территориальную целостность России. Внимание, уделяемое в последнее время руководством государства развитию

Вооруженных Сил Российской Федерации, созданию оптимальной системы и структуры военной организации государства, свидетельствует о понимании им сложившейся ситуации [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683. // Рос. газ. – 2015. – 31 дек.
2. Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом Рос. Федерации 25 дек. 2014 г. № Пр-2976. П. 4 // Рос. газ. – 2014. – 30 дек.
3. ICRC.org. Дополнительные протоколы I и II к Женевским конвенциям 1949 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/legal-fact-sheet/protocols-1977-factsheet-080607.htm>.
4. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 8 июня 1977 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf.
5. Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 8 июня 1977 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/6lkb3l.htm>.
6. Дамаскин О.В. Актуальные вопросы организации противодействия терроризму // Вестн. воен. права. – 2016. – № 1. – С. 67–76.
7. Землин А.И. О роли и неотложных задачах военно-правовой науки в современных условиях // Вестн. воен. права. – 2016. – № 1. – С. 41–47.
8. Старцун В.Н. Синергетический потенциал военного права в обеспечении международного мира и безопасности на современном этапе развития российской государственности // Вестн. воен. права, 2016. – № 1. – С. 35–40.
9. Blum G. Unsatisfying Wars: Degrees of Risk and the Jus ex Bello [Electronic resource] / G. Blum, D. Luban. – Mode of access: <http://scholarship.law.georgetown.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2382&context=facpub>.
10. Brooks R. There's No Such Thing as Peacetime // Foreign Policy

[Electronic resource]. – 2015. – Mar. 13. – Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2015/03/13/theres-no-such-thing-as-peace-time-forever-war-terror-civil-liberties/> <<https://perma.cc/3BFV-B9WU>>.

11. Lewis D.A. Indefinite War. Unsettled International Law on the End of Armed Conflict / D.A. Lewis, G. Blum, K. Modirzadeh. – Cambridge: Harvard Law School Program on International Law and Armed Conflict Legal Briefing. – 2017. – 116 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Старцун Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: kaf-gp@mail.ru

Балканов Илья Владимирович, адъюнкт кафедры английского языка (основного) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: i-balkanov@mail.ru

by such factors as negation of an armed conflict, the lack of unambiguous criteria for classification and armed defining belligerent sides, non-compliance by sides to an armed conflict with the principle of genuine commitment to contractual obligations, a long-standing character of armed conflicts characterizes by sporadic splashes of violence and other troublesome issues.

Keywords: international humanitarian law; international human rights law; international and non-international armed conflicts; armed conflict termination criteria

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Startsun Viktor Nikolaevich, Dr. Sc. (Law), Professor, Head of Department of Civil Law of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: kaf-gp@mail.ru

Balkanov Il'ya Vladimirovich, Adjunct of Department of English of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: i-balkanov@mail.ru

Military Aspects of International Law

INDEFINITE WAR. UNREGULATED FIELD OF INTERNATIONAL LAW PERTAINING TO AN ARMED CONFLICT TERMINATION CRITERIA

Viktor N. Startsun

Il'ya V. Balkanov

Abstract. This article focuses on topical challenges associated with the regulation of international and non-international armed conflicts within the context of the international humanitarian law standards, as well as substantiates relevance of working out universal and consistent criteria to establish the fact of an armed conflict termination. Authors conclude that current international-legal regulations in the field of armed conflicts settlement display tend to display a range of contradictions, caused

УДК 341.4

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

И.Ю. БЕЛЫЙ,

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права
Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: kaf-grp@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы взаимного влияния практики деятельности органов международного уголовного правосудия и национальной безопасности России в части, касающейся поддержания правового суверенитета государства.

Ключевые слова: международное уголовное правосудие; Римский статут Международного уголовного суда; правовой суверенитет России; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации

В настоящее время одним из признаков правового демократического государства является признание им не только традиционного принципа верховенства закона (rule of law), но и принципа верховенства международного права (rule of international law). Тем не менее, надлежащее обеспечение реализации на внутригосударственном уровне последнего принципа в части, касающейся практики международных судебных и арбитражных органов, следует признать проблематичным.

Необходимо, на наш взгляд, иметь в виду, что Российская Федерация является участником Нью-Йоркской конвенции 1958 г. о признании и исполнении иностранных арбитражных решений, а это означает, что в случае отказа Российской Федерации исполнить судебное решение ее активы (в том числе военные)

могут быть взысканы в счет имущества, находящегося на территории других стран – участниц указанной Конвенции. В этой связи тезис об угрозе национальной безопасности России не вызывает разночтений.

Анализ доктрины современного международного права позволяет заключить, что международное правосудие в настоящее время осуществляют:

- международные суды общей юрисдикции (разрешают международные споры);
- специализированные международные суды (разрешают международные споры по отдельным направлениям международного сотрудничества);
- специализированные международные суды ограниченной юрисдикции (разрешают споры между международными организациями и их работниками);
- органы международного уголовного правосудия (Международный уголовный суд, военные трибуналы, специализированные суды ad hoc);
- международные неправительственные организации (арбитражные, третейские и иные суды, разрешающие споры в области международного частного и иных отдельных отраслей международного права).

Среди вышеуказанных органов следует упомянуть: Международный Суд ООН, Международный уголовный суд (МУС), Международный трибунал по морскому

праву, Международный трибунал по Руанде (МТР), Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ), Специальный суд по Сьерра-Леоне (СССЛ), Чрезвычайные палаты в Судах Камбоджи для преследования за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии (ЧПСК), Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ), Европейский суд по вопросам иммунитета государств, Суд ЕС, Экономический суд СНГ, международные арбитражи, Вашингтонскую конвенцию по урегулированию инвестиционных споров, Орган по разрешению споров в системе ВТО.

По отношению к практике взаимосвязи деятельности органов международного уголовного правосудия и национальной безопасности России необходимо указать ниже следующее.

Во-первых, с учетом обновленного характера Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия), утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, следует признать, что для предотвращения угроз национальной безопасности Российская Федерация сосредоточивает усилия на укреплении внутреннего единства российского общества, повышении обороноспособности страны (п. 26 Стратегии). Вместе с тем, Российская Федерация продолжает выстраивать международные отношения на принципах международного права, обеспечения надежной и равной безопасности государств (п. 28 Стратегии).

Во-вторых, несмотря на то обстоятельство, что в соответствии с п. 43 Стратегии военные преступления, преступления против человечности, совершенные в ходе вооруженных конфликтов и подпадающие под юрисдикцию практически всех органов международной уголовной юстиции, не включены в перечень основных угроз государственной и общественной безопасности Российской Федерации, изучение практики деятельности органов международной уголовной юстиции следует признать необходимым для формирования научного задела на перспективу, реального повышения качества высшего образования, развития фундаментальных научных исследований (п. 67 Стратегии).

Как справедливо отмечается в Стратегии, «в Евро-Атлантическом, Евразийском и Азиатско-Тихоокеанском регионах не соблюдаются принципы равной и неделимой безопасности». Реализация принципа индивидуальной уголовной ответственности за военные преступления в органах международной уголовной юстиции также имеет ряд проблем в вопросах равноправия всех перед законом и судом, имеет определенные черты избирательного правосудия.

В-третьих, современную систему органов международного уголовного правосудия, способных эффективно осуществлять судебное производство по делам о военных преступлениях, составляют следующие институциональные модели ее элементов:

- судебные органы, учрежденные в качестве вспомогательных для Совета Безопасности ООН, – международные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде (судебные органы *ad hoc*);

- смешанные (гибридные) судебные органы, к которым относятся две категории судов (трибуналов):

- 1) специальные суды, созданные в соответствии и на основе международных договоров государств с ООН (Специальный суд по Сьерра-Леоне);

- 2) суды, формируемые временными администрациями ООН на территории государств, где проводятся миротворческие операции (Смешанные суды на территории Косово и Коллегии с исключительной юрисдикцией в отношении серьезных преступлений в Восточном Тиморе);

- интернационализированные суды – специализированные судебные составы в национальных уголовных судах, к юрисдикции которых отнесено осуществление правосудия по делам о военных преступлениях с участием международных судей или иных участников уголовного процесса (Отдел по военным преступлениям Суда Боснии и Герцеговины и Чрезвычайные палаты в Судах Камбоджи для преследования за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии);

- Международный уголовный суд, учрежденный под эгидой ООН.

В-четвертых, основным элементом системы органов международного уголовного правосудия является постоянно

действующий Международный уголовный суд.

16 ноября 2016 г. Российская Федерация отозвала свою подпись и не ратифицировала Римский статут МУС¹. В этой связи в целях сохранения правового суверенитета России необходимо учитывать проблемы:

- криминализации военных преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС (ст. 356 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, не является адекватным отражением военных преступлений, закрепленных в ст. 8 Устава МУС, однако закрепление в уголовном законодательстве Российской Федерации вышеуказанных норм вовсе не свидетельствует о признании юрисдикции МУС в отношении преступлений, совершенных на территории России или за ее пределами, но против ее интересов);

- отсутствия в уголовном законе норм, устанавливающих уголовную ответственность воинских командиров (начальников) за военные преступления, совершенные их подчиненными (как это закреплено в ст. 28 Римского статута);

- соответствия уголовно-исполнительной системы Российской Федерации широко признанным международным договорным стандартам обращения с заключенными (ст. 103 Римского статута);

- отсутствия в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации положений, регулирующих особенности взаимодействия с органами международного уголовного правосудия и т. д.;

- отсутствия в современном международном уголовном праве, нормы которого устанавливают преступность тех или иных деяний, а нередко и элементы составов военных преступлений, четких указаний относительно мер наказания за их совершение, порядка назначения и исполнения уголовных наказаний.

В-пятых, при исследовании судебной практики органов международного уголовного правосудия следует обратить внимание на имеющие место:

- проблемы правового характера (разнородная правовая природа учреждения и институциональные модели судов, в том числе законы о передаче юрисдикции);

- проблемы реализации юрисдикции (установление ответственности воинских начальников, институт соучастия и т. д.);

- различия в материальном и процессуальном праве, применимом в ходе уголовного судопроизводства (национальное, гибридное, международных судов);

- проблемы назначения наказаний (тюремное заключение на определенный срок по национальному законодательству, лишение свободы и возмещение вреда, пожизненное лишение свободы, конфискация доходов, имущества и активов, полученных прямо или косвенно в результате преступления, штраф);

- проблемы исполнения приговоров (с учетом уголовно-исполнительного законодательства государств, отказ от приема для отбытия наказания в виде пожизненного лишения свободы, различные условия содержания заключенных, не всегда соответствующие международным стандартам и обязательствам, отсутствие помилования и амнистии, ограниченное количество мест для отбывания наказания в Гааге, проблемы надзора за исполнением наказаний и т. д.);

- слабое взаимное корреляционное воздействие судов в правовой сфере (различные решения судов по сходным правовым ситуациям и т. д.);

- проблемы политического характера (отсутствие среди государств – участников Римского статута США (отозвали подпись), России (отозвала подпись), Китая, мусульманских стран; заключение государствами, не являющимися участниками Статута (США), с государствами – членами Римского договора двусторонних соглашений, устанавливающих иммунитет от возможного преследования со стороны МУС);

- проблемы участия в Римском статуте любых государств и квазигосударственных образований (так, например, государство Палестина присоединилось к Римскому статуту со 2 января 2015 г., распространив юрисдикцию МУС на своей

¹ Римский статут Международного уголовного суда, разработанный при участии России, был принят 17 июля 1998 г. в Риме на Дипломатической конференции полномочных представителей, прошедшей под эгидой ООН, и вступил в силу 01.07.2002 г. URL: <http://tass.ru/info/3789627>.

территории с 13 июня 2014 г.²): Римский статут не предусматривает ни членство его участников в Организации Объединенных Наций, ни каких-либо, кроме договорных, отношений между МУС и ООН.

Напомним, 15 ноября 2016 г. Международный уголовный суд в Гааге в лице прокурора приравнял «аннексию Крыма» к международному вооруженному конфликту. Как отмечается в отчете предварительного расследования прокурора МУС Фату Бенсуда, «установления факта изначальной интервенции, повлекшей за собой оккупацию, не требуется».

Таким образом, по мнению чиновников МУС, данный «международный конфликт» может быть расследован в соответствии с положениями Римского статута.

В заключение следует добавить, что обеспечить интересы национальной безопасности России и правового суверенитета при принятии решений органами международного уголовного правосудия возможно, лишь принимая активное деятельное участие в рамках его судопроизводства, что, в свою очередь, требовало от Российской Федерации ратифицировать Римский статут Международного уголовного суда. Однако вопрос о ратификации Российской Федерацией Римского статута выступал вопросом не права, но политики.

Как известно, Российская Федерация не является первой страной, которая подписала Римский статут, но затем отозвала свою подпись, так и не ратифицировав его³. Так, например, уже через два года после начала работы суда свою подпись под договором отзывали США. При этом учитывалась позиция делегации США, которая изначально заявляла, что Статут «ломает договорное международное право» и в целом не соответствует

сложившемуся международному праву. В этой связи Соединенные Штаты приняли отдельный закон, который позволяет спецслужбам проводить за рубежом силовые операции по освобождению граждан США, задержанных на основании ордера, выданного Международным уголовным судом, а также в целях защиты своих военнослужащих от уголовного преследования заключили межправительственные договоры с рядом других государств о невыдаче своих граждан Международному уголовному суду.

Кроме того, о выходе из юрисдикции суда в октябре 2016 г. объявили власти ЮАР, мотивировав свое решение тем, что «ее обязательства по мирному разрешению конфликтов порой несовместимы с интерпретациями Международного уголовного суда»⁴.

В ноябре 2016 г. о намерении выйти из состава Суда объявила Гамбия, обвинив Международный уголовный суд «в предвзятом отношении к африканским странам» (с призывами прекратить преследования действующих политических лидеров к МУС обратился и весь Африканский союз, объединяющий 54 государств в Африке, на которую приходилось большинство приговоров суда).

Положения п. «г» ст. 29 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, отмечающие необходимость продвижения в рамках деятельности международных организаций позиции Российской Федерации, предусматривающей обеспечение равноправного и взаимовыгодного сотрудничества всех заинтересованных сторон в информационной сфере, обуславливают, на наш взгляд, заинтересованность всего юридического сообщества России в вопросах исследования практики деятельности международных судебных органов и ее влияния

² Палестинские территории, несмотря на существование палестинского управления на них, все равно рассматриваются ООН как оккупированные Израилем. 29 ноября 2012 г. Генеральная Ассамблея ООН предоставила Палестине статус государства-наблюдателя при Организации Объединенных Наций, не являющегося ее членом, без ущерба для приобретенных прав, привилегий и роли Организации Освобождения Палестины в Организации Объединенных Наций как представителя палестинского народа согласно соответствующим резолюциям и практике.

³ Всего к Римскому статуту отказались присоединиться более 40 из 193 стран – членов ООН, еще около 30 государств подписали его, но не ратифицировали.

⁴ До этого ЮАР отказалась арестовывать на основании Ордера на арест Международного уголовного суда президента Судана Омара Башира, прибывшего в Южную Африку с визитом. Более того, Башир, обвиняемый МУС в совершении военных преступлений, был «тепло» встречен властями ЮАР.

на состояние правового суверенитета Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683. – Рос. газ. – 2015. – 31 дек.
2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 5 дек. 2016 г. № 646. – Рос. газ. – 2016. – 6 дек.
3. Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10164637/>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Белый Игорь Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: kaf-gp@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Belyi Igor' Yur'evich, Dr. Sc. (Law), Professor of Department of Civil Law of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow 3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: kaf-gp@mail.ru

Military Aspects of International Law

INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE AND PROBLEMS OF LEGAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA

Igor' Yu. BELYI

Abstract. The article discusses the problems of mutual influence of the practice of the bodies of international criminal justice and of Russian national security regarding the maintenance of the legal sovereignty of the state.

Keywords: international criminal justice; Rome Statute of the International Criminal Court; legal sovereignty of Russia; the National Security Strategy of the Russian Federation

I МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Основной целью рубрики «Мнение эксперта» является оперативное реагирование на актуальные вызовы и проблемы в области военного права, военных проблем международного права, правоприменительной практики органов военной юстиции.

Наши эксперты – ученые и признанные специалисты в своей области – дают экспертно-правовую оценку наиболее актуальных событий и материалов, публикуемых в отечественных и зарубежных СМИ, на основе действующего военного законодательства и военного права.

Загорский Геннадий Ильич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской академии естественных наук, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-процессуального права, криминалистики и судебной экспертизы им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры уголовного процесса Военного университета

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: 9976842@mail.ru

Zagorskii Gennadii Il'ich, Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the RSFSR, Honored Scientist of the Russian Federation, Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Scientific Advisory Board to the Supreme Court of the Russian Federation, Professor of Department after N. Radutnaya (Criminal Procedural Law, Criminalistics and Forensics) of the Russian Academy of Justice, Professor of Department of Criminal Proceeding of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: 9976842@mail.ru

- Право на справедливый суд в XXI веке

Караяни Александр Григорьевич, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой психологии Военного университета

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

Email: karayani@mail.ru

Karayani Aleksandr Grigor'evich, Dr. Sc. (Psychology), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Psychology of the Military University

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

Email: karayani@mail.ru

- О профессиональном психологическом отборе граждан при исполнении ими воинской обязанности

УДК 344.4

ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВЫЙ СУД В XXI ВЕКЕ

Г.И. ЗАГОРСКИЙ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса Военного университета

Аннотация. В данной статье изучаются аспекты правомерности рассмотрения дел гражданских лиц, обвиняемых в терроризме, военными судами. Анализируется международный опыт по данному вопросу, приводятся статистические данные. В широком контексте рассматривается законность и целесообразность существования военных судов в мирное и военное время.

Ключевые слова: военный суд; международный терроризм; гражданские лица; справедливое правосудие; права человека; Пакистан; США; ООН; Европейская комиссия по правам человека

Борьба с международным терроризмом и экстремизмом является одним из наиболее серьезных вызовов международному сообществу начала XXI века. В настоящее время все большее число государств прибегает к практике рассмотрения военными и военно-полевыми судами и трибуналами дел гражданских лиц, обвиняемых в терроризме и экстремизме.

Комитет по правам человека ООН отмечает, что рассмотрение дел

гражданских лиц военными или специальными судами вызывает обеспокоенность в части справедливого, беспристрастного и независимого отправления правосудия. По мнению Комитета, рассмотрение дел гражданских лиц военными или специальными судами не должно быть запрещено, но должно носить исключительный характер. Это означает, что передача таких уголовных дел для рассмотрения в военные или специальные органы судебной власти возможна лишь в тех случаях, когда государство может обосновать данную необходимость и подтвердить ее соответствующими объективными причинами, а также в тех случаях, когда ввиду особой категории рассматриваемого дела или лиц, участвующих в нем, обычные гражданские суды затрудняются профессионально рассмотреть такое дело ввиду специфики предмета доказывания по нему и необходимости применять при его разрешении специальные законы.

Представители Международной комиссии юристов высказываются более категорично. По их мнению, нормы международного права четко определяют юрисдикцию военных судов – она должна ограничиваться исключительно военными преступлениями, совершенными военнослужащими. Иными словами, военные суды не могут и не должны рассматривать дела в отношении гражданских лиц. Помимо этого, серьезную озабоченность вызывает тот факт, что при рассмотрении дел в отношении гражданских лиц военными судами могут быть нарушены национальные и международные принципы отправления правосудия, в частности, ввиду отсутствия возможности подавать

апелляцию в гражданские суды, затруднений гарантировать право на открытое слушание, информацию о месте и времени проведения судебного заседания, равно как и засекречивание содержания дела и т.д.

Однако на практике правительства различных государств все чаще полагаются именно на военные суды при рассмотрении дел, связанных с терроризмом и экстремизмом, обосновывая это тем, что гражданские суды не в состоянии разбирать подобные дела по ряду причин, в том числе и из-за боязни судей стать жертвами расправы со стороны террористов.

Одним из наиболее ярких примеров рассмотрения дел в отношении гражданских лиц военными судами следует считать Пакистан. Впервые тайные военные суды были учреждены парламентом Пакистана в начале 2015 года. За два года своего существования тайные военные суды Пакистана вынесли 274 обвинительных приговора. В марте 2017 года срок существования специальных военных судов был продлен еще на два года.

По словам пакистанских официальных лиц, военные суды призваны ускорить отправление правосудия. Правозащитники, в свою очередь, указывают на то, что военные суды не обнародуют информацию по рассматриваемым делам.

Пакистан – далеко не единственная страна, прибегающая к практике рассмотрения гражданских дел по обвинению в терроризме военными судами. В конце 2001 года президент США Джордж Буш-младший одобрил создание специальных военных трибуналов для проведения суда над подозреваемыми в терроризме. Обвиняемых было решено содержать на американской военной базе «Гуантанамо» (Куба).

Президент США Барак Обама неоднократно высказывал намерение закрыть лагерь заключенных на базе «Гуантанамо», однако на момент окончания его президентского срока в январе 2017 года лагерь был по-прежнему открыт, и в нем содержались около 40 заключенных.

На сегодняшний день в США ведется активная полемика на тему того, какие суды должны рассматривать дела подозреваемых в терроризме.

В ряде других стран, например, в Камеруне и Ливане, военные суды также рассматривают дела в отношении гражданских лиц, в случаях обвинения в терроризме. Правительства этих стран единогласно заявляют о сложностях рассмотрения подобных дел в гражданских судах и выступают за то, что именно военные суды в состоянии обеспечить отправление правосудия в случаях, связанных с терроризмом.

В соответствии со ст. 31 УПК РФ специальная подсудность таких дел предусмотрена для Московского, Северо-Кавказского и Приволжского окружного военного суда Российской Федерации, а в соответствии с ФЗ № 115 от 7 июня 2017 года также и Дальневосточному окружному военному суду.

Законом Турецкой Республики № 353 «Об уголовном судопроизводстве в военных судах» определен перечень преступлений и лиц, подпадающих под юрисдикцию военных судов¹.

В странах ближнего зарубежья, образовавшихся после распада СССР, созданы современные судебные структуры и в большинстве из них действуют военно-судебные органы².

В настоящее время существуют различные подходы к решению вопросов о необходимости существования и функционирования военно-судебных органов³.

В большинстве государств военные суды действуют как в мирное, так и в военное время (Австралия, Великобритания, Дания, Египет, Израиль, Испания, Италия, Канада, Китай, США, подавляющее большинство стран Латинской Америки и стран СНГ).

Некоторые государства вместо военных судов при общих судах создают на постоянной основе специализированные судебные структуры для рассмотрения уголовных дел в отношении военнослужащих (палаты, отделы, советы и т.п.). К ним следует отнести Францию, Нидерланды,

¹ См.: Военное судопроизводство в Турции, <http://infoturk.biz/voennoe-sudoproduzvodstvo-v-turcie.html> (дата обращения - 24 декабря 2014 г.); См.: информацию о судебной системе Турции, размещенную на Интернет-сайте «Все Суды», <http://turkey.allcourts.ru/index.htm> (дата обращения - 12 июня 2015 г.).

² См.: Кваша Г.Г., Уколов А.Т. Военно-судебные органы в странах СНГ, М., 2004.

³ См.: Военные суды в современном мире/под ред. А.Я. Петроченкова, М., Норма, 2006.

Норвегию, Финляндию, Венгрию, Болгарию и ряд других государств.

Третью группу составляют страны, законодательство которых предусматривает создание и функционирование военных судов только в военное время, а в мирное время лишь при войсках, дислоцированных за границей (Германия, Австрия, Португалия, Швеция, Япония и ряд других государств).

Правомерность существования военных судов со специальной подсудностью не противоречит никаким международным стандартам и нормам.

Так, из анализа международных правовых норм и конкретных решений Европейского Суда по правам человека по военно-правовым вопросам следует, что для получения статуса «суда» созданный государством военный суд должен отвечать ряду принципиальных требований. Он должен быть независимым от исполнительной власти и сторон процесса; иметь установленный только законодательством регламент назначения его членов и определенный срок нахождения их в должности; обеспечивать гарантии, предусмотренные правовыми процедурами; быть беспристрастным⁴.

Европейская комиссия по правам человека обсуждала проблему военных судов на предмет их соответствия требованиям, предъявляемым к надлежащему судебному органу, и пришла к выводу, что если судьи военных судов назначаются на должность и освобождаются от должности в том же порядке, как и гражданские судьи, и если они не обязаны отчитываться перед военным начальством об отправлении правосудия, то они достаточно независимы.

В частности, при рассмотрении в 1992 году вопроса о военных судах Европейская комиссия по правам человека в связи с судебным делом Саттера заявила, что члена военного суда можно считать в достаточной степени независимым, несмотря на его служебную зависимость как военнослужащего, поскольку ничто

не свидетельствовало о том, что он мог быть уволен со службы в связи с исполнением своих судебных полномочий. «Хотя военные судьи подчиняются своим начальникам, они не должны отчитываться перед кем бы то ни было о том, как они отправляют правосудие»⁵.

Таким образом, следует сделать общий вывод о том, что существование военных судов является социально обоснованным, целесообразным и законным.

Expert Opinion

THE RIGHT TO A FAIR TRIAL IN THE XXI CENTURY

Abstract. This article discusses aspects of the legality of hearing cases of civilians accused of terrorism in the military courts. The international experience on this matter is analyzed, statistical data is given. The legality and appropriateness of the existence of military courts in peacetime and wartime is examined in a broad context.

Keywords: military court; international terrorism; civilians; fair justice; human rights; Pakistan; USA; United Nations; European Commission of Human Rights

⁴ См.: Специально этим вопросам посвящено несколько решений Европейского Суда по правам человека в Страсбурге. Например: Финдли (Findli) против Соединенного Королевства. Судебное решение от 25 февраля 1997 г.; Макгинли (McGinli) и Иган (Egan) против Соединенного Королевства. Судебное решение от 9 июня 1998 г./Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т.Т. 2/Председатель редколлегии – В.А. Туманов. – М., 2000, С., 401-411, 534-549.

⁵ См.: Международные нормы и правоприменительная практика в области прав и свобод человека. Пособие для российских судей. М., 1993, С. 36 и др.

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ОТБОРЕ ГРАЖДАН ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ИМИ ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ

А. Г. КАРАЯНИ,

доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой психологии Военного университета

Аннотация. В статье кратко освещается актуальность проведения профессионального психологического отбора граждан при исполнении ими воинской обязанности. Рассматривается история внедрения такой практики в советский и постсоветский периоды, анализируется необходимость законодательного закрепления профессионального психологического отбора военнослужащих.

Ключевые слова: профессиональный психологический отбор; профессиональная пригодность; Вооруженные Силы Российской Федерации; воинская обязанность; военнослужащие

Инициатива членов Совета Федерации о внесении изменений в статьи закона «О воинской обязанности и военной службе» в части проведения профессионального психологического отбора граждан при исполнении ими воинской обязанности отражает реальные потребности Вооруженных Сил Российской Федерации

в качественном «человеческом измерении» их боеспособности.

Последние военные события в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и в других «горячих точках» планеты убедительно подтверждают тот факт, что современные войны – это не только ракетные и авиационные удары, маневры и боевые столкновения войск, но и ожесточенное столкновение интеллектов, мотивов, воли, способностей, профессионализма и дисциплины противоборствующих сторон. Превосходство над противником в «человеческом измерении» войны и боя достигается различными путями, среди которых одним из наиболее эффективных является профессиональный психологический отбор военнослужащих.

Первая попытка реализовать идею такого отбора имела место еще в годы Русско-японской войны (1904-1905 гг.). Позже ее воплотили в жизнь в армиях других стран. Уже в годы Первой мировой войны миллионы воюющих солдат по обе стороны от линии фронта прошли процедуры психологического отбора. В нашей армии полноценное становление системы профессионального психологического отбора началось с 1964 г. Первоначально она охватила летчиков, позже штурманов, ракетчиков и других специалистов. В 1986 г. был издан приказ Министра обороны СССР №162, определивший содержание, организацию и методику профессионального психологического отбора молодежи и распределения по специальностям при прохождении

действительной военной службы в Вооруженных Силах СССР. С 2000 г. действует приказ Министра обороны Российской Федерации №50, который ввел в действие «Руководство по профессиональному психологическому отбору в Вооруженных Силах Российской Федерации».

Сегодня мероприятия по профессиональному психологическому отбору проводятся штатными и нештатными подразделениями и специалистами профессионального психологического отбора. Такие подразделения создаются в соединениях и воинских частях, в военных комиссариатах районов, городов без районного деления или иных равных им муниципальных образований, в военных округах, объединениях видов Вооруженных Сил, в составе приемных комиссий по отбору кандидатов для поступления на учебу в военно-учебные заведения из числа офицеров. Они призваны осуществлять военно-профессиональную ориентацию граждан и военнослужащих, определять их профессиональную пригодности к подготовке (обучению) по военно-учетным специальностям, военной службе на воинских должностях, обучению в военно-учебных заведениях, поступлению на военную службу по контракту и т.д.

Действующим федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» вопросы профессионального психологического отбора не определялись. Это, на наш взгляд, сводило отбор до ведомственного уровня, ограничивая его отношениями в системе «гражданин – Вооруженные Силы». Включение положений о профессиональном психологическом отборе граждан при исполнении ими воинской обязанности в статьи

Федерального закона повышает статус этой деятельности до государственного уровня и переводит ее в систему отношений «гражданин – Российское государство». Это позволит изменить отношение к отбору не только граждан, поступающих или призываемых на военную службу, и специалистов, осуществляющих его, но и многих других должностных лиц.

Таким образом, законодательное закрепление профессионального психологического отбора граждан при исполнении ими воинской обязанности будет способствовать улучшению качества комплектования и, следовательно, повышению боеспособности Вооруженных Сил Российской Федерации.

Expert Opinion

ON APTITUDE SCREENING OF CITIZENS IN THE PERFORMANCE OF THEIR MILITARY DUTIES

Abstract. The article briefly highlights the importance of aptitude screening of citizens in the performance of their military duties. The history of the introduction of such practice in the Soviet and post-Soviet periods is considered, the necessity of legislative consolidation of aptitude screening of servicemen is analyzed.

Keywords: aptitude screening; professional aptitude; Armed Forces of the Russian Federation; military duty; military personnel

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЕННО-ПРАВОВОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Основной целью рубрики «Международное военно-правовое обозрение» является обзор научных публикаций иностранных авторов в области военного права, военных проблем международного права, правоприменительной практики органов военной юстиции зарубежных стран, а также иных вопросов, представляющих интерес для российских ученых – исследователей военного права.

Балканов Илья Владимирович, ведущий рубрики, военный переводчик, адъюнкт кафедры английского языка (основного) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: i-balkanov@mail.ru

Balkanov Il'ya Vladimirovich, review author, military interpreter, Adjunct of Department of English of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4, Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: i-balkanov@mail.ru

Старцун Виктор Николаевич, научный редактор рубрики, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

Email: kaf-gp@mail.ru

Startsun Viktor Nikolaevich, review editor, Dr. Sc. (Law), Professor, Head of Department of Civil Law of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4, Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

Email: kaf-gp@mail.ru

-
- Собрать и дисциплинировать армию: роль военно-юридической службы в реорганизации отношений с гражданским обществом в годы Первой Мировой войны
 - Угрозы создания роботов-убийц и необходимость превентивного запрета
 - Бессрочная война: проблемы правового регулирования

СОБРАТЬ И ДИСЦИПЛИНИРОВАТЬ АРМИЮ: РОЛЬ ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В РЕОРГАНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ С ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Д. КАСТЕНБЕРГ,

доктор права, профессор Юридической школы Университета Нью-Мексико,
военный прокурор и военный судья (в отставке), США

Аннотация. В монографии описывается развитие законов и обычаев ведения войны в период с 1914 по 1918 гг., реорганизация военно-юридической службы вооруженных сил США. Особое внимание уделяется изменениям в характере отношений с гражданским обществом в рассматриваемый период.

Ключевые слова: законы и обычаи войны, военное право; международное гуманитарное право; военно-юридическая служба; США

Профессор Юридической школы Университета Нью-Мексико Д. Кастенберг подготовил монографию о деятельности военно-юридической службы Министерства обороны США в годы Первой

Мировой войны – «Собрать и дисциплинировать армию: роль военно-юридической службы и личный вклад генерал-лейтенанта Эноха Краудера в реорганизацию военно-гражданских отношений в годы Первой Мировой войны». В работе описывается развитие законов и обычаев ведения войны в период с 1914 по 1918 гг., особое внимание уделяется изменениям в характере отношений с гражданским обществом в рассматриваемый период.

Генерал-лейтенант Энох Краудер занимал должность главного военного прокурора/начальник военно-юридической службы вооруженных сил США с 1911 по 1923 гг. В 1915 году Краудер убедил Конгресс в необходимости увеличения штата военно-юридической службы Министерства обороны США с тринадцати до четырехсот человек. Краудер привлек к работе в системе военно-юридической службы целый ряд выдающихся ученых-правоведов, бывших конгрессменов и судей Верховного суда, что помогло провести теоретико-правовую проработку и способствовало принятию военно-правовой политики президента Вудро Вильсона.

Когда США вступили в Первую Мировую войну в 1917 году, армия насчитывала

около 120 тысяч солдат. Под руководством Краудера был разработан закон о воинской повинности, в соответствии с которым тысячи мужчин были призваны на военную службу.

Краудер и другие специалисты военно-юридической службы внесли значимый вклад в обеспечение исполнения закона о борьбе со шпионской деятельностью.

В работе профессора Д. Кастенберга впервые в истории описывается деятельность военно-юридической службы США в условиях военного времени, оборонная политика США в 1914-1922 гг. Особый акцент делается на законодательных изменениях, затронувших законы войны. Профессор Д. Кастенберг является одним из крупнейших специалистов в области истории военного права, подготовил большое число научных публикаций о различных этапах становления и развития системы военной юстиции США.

Данный труд будет интересен широкому кругу читателей – от людей, интересующихся американской историей, до военных правоведов и историков.

Оригинал монографии: Kastenber J. To Raise and Discipline an Army: Major

General Enoch Crowder, the Judge Advocate General's Office, and the Realignment of Civil and Military Relations in World War. New Mexico: Northern Illinois University Press, 2017. 500 p.

International Military Law Review

**TO RAISE AND DISCIPLINE
AN ARMY: THE ROLE
OF THE MILITARY LEGAL SERVICE
IN THE REORGANIZATION
OF RELATIONS WITH THE CIVIL
SOCIETY DURING
THE FIRST WORLD WAR**

Abstract. The monograph describes the development of laws and customs of warfare between 1914 and 1918, the reorganization of the military legal service of the US armed forces. Particular attention is paid to the changes in the nature of relations with civil society during the period under review.

Keywords: laws and customs of war; military law; international humanitarian law; military legal service; USA

Вооружение Северо-Американских Соединенных Штатов. Одна из гигантских пушек, предназначенных для обороны берегов; длина орудия—15 метров.

УГРОЗЫ СОЗДАНИЯ РОБОТОВ-УБИЙЦ И НЕОБХОДИМОСТЬ ПРЕВЕНТИВНОГО ЗАПРЕТА

Международная неправительственная организация Human Rights Watch,
Международный центр по правам человека при Юридическом факультете Гарварда, США

Аннотация. В отчете рассматриваются угрозы использования полностью автономных систем вооружения, высказываются аргументы в пользу полного превентивного запрета их разработки, производства и применения. Проводится оценка возможных последствий отказа от развития полностью автономных систем вооружения, а также последствий их повсеместного внедрения. Анализируются возможности правового регулирования применения таких систем.

Ключевые слова: полностью автономные системы вооружения; правовые и неправовые угрозы; превентивный запрет

Отчет международной неправительственной организации Human Rights Watch выпущен в декабре 2016 года. В нем анализируются правовые и неправовые аспекты применения полностью автономных систем вооружения, формулируются основания для запрета их разработки и применения. Предлагаются критические

комментарии основных идей сторонников разработки и применения полностью автономных систем вооружения.

Использование полностью автономных систем вооружения создаст препятствия для соблюдения норм международного гуманитарного права в ходе вооруженного конфликта, особенно при организации контроля за применением таких систем. Кроме того, перспектива создания систем вооружения, которые будут самостоятельно принимать решения о жизни и смерти, затрагивает вопросы морали и создает неоправданные риски.

С научной точки зрения, наибольший интерес в данном отчете представляют правовые последствия применения полностью автономных систем вооружения.

Сторонники создания полностью таких систем заявляют, что данные системы в конечном счете смогут соответствовать принципам международного гуманитарного права, а технологический прогресс, особенно в области развития искусственного интеллекта, со временем сможет удовлетворить принципам избирательности и соразмерности.

Противники создания полностью автономных систем вооружения обращают внимание на сложность определения законных целей для совершения атаки. Трудность программирования таких характеристик искусственного интеллекта,

как разум и логика, означает, что полностью автономные системы вооружения, вероятно, не смогут гарантированно соответствовать нормам международного гуманитарного права.

Отдельно рассматривается вопрос привлечения к ответственности за атаки с применением полностью автономных систем вооружения. По мнению сторонников разработки таких систем, возникающие ситуации могут быть урегулированы в рамках уже действующего законодательства.

Данный отчет представляет интерес для отечественных ученых с точки зрения анализа существующих правовых норм, регулирующих использование автономных систем вооружения, изучения актуальных вопросов международного права и права вооруженного конфликта.

Оригинал отчета: Making the Case: The Dangers of Killer Robots and the Need for a Preemptive Ban / Human Rights Watch, International Human Rights Clinic // December 2016.

International Military Law Review

THE DANGERS OF KILLER ROBOTS AND THE NEED FOR A PREEMPTIVE BAN

Abstract. The report examines the dangers of use of fully autonomous weapons, presents arguments for an absolute preemptive prohibition on the development, production, and use of fully autonomous weapons. It assesses possible consequences of abandoning the development of fully autonomous weapons, as well as the consequences of their widespread use. The possibilities of legal regulation of the use of fully autonomous weapons are analyzed in the paper as well.

Keywords: fully autonomous weapons; legal and non-legal dangers; preemptive ban

УДК 341.3

БЕССРОЧНАЯ ВОЙНА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Г. БЛУМ,

доктор права, Юридическая школа, Гарвардский университет, США

Н. МОДИРЗАДЕХ,

доктор права, Юридическая школа, Гарвардский университет, США

Д. ЛЕВИС,

магистр права, Юридическая школа, Гарвардский университет, США

Аннотация. 27 февраля 2017 года Юридический факультет Гарвардского Университета опубликовал доклад «Бессрочная война. Неурегулированная область международного права относительно завершения вооруженного конфликта». Доклад, общим объемом 116 страниц, включает в себя 8 разделов, в которых подробно рассматривается, что представляет собой вооруженный конфликт в рамках международного права, его стороны и заинтересованные лица. Особое внимание в докладе уделяется положениям международного гуманитарного права (МГП) применительно к международным и немеждународным вооруженным конфликтам. В результате анализа существующих в настоящее время международных правовых норм авторы предлагают четыре собственные теории относительного того, когда можно считать вооруженный конфликт завершенным.

Ключевые слова: международное гуманитарное право; международный вооруженный конфликт; немеждународный вооруженный конфликт

Авторы доклада делают вывод о том, что в настоящее время международное право позволяет лишь при определенных обстоятельствах и определенных условиях говорить о завершенности вооруженного конфликта.

Авторы доклада отмечают, что парадокс наших дней заключается в том, что мы, в некотором смысле, склонны везде видеть вооруженный конфликт. Среди бесчисленных «войн» (с терроризмом, наркотиками, преступностью и т.д.), традиционная нормативная правовая база в отношении вооруженного конфликта утратила свою характеристику чего-то исключительного и чрезвычайного.

В настоящем докладе авторы анализируют правовую базу вооруженного конфликта, изучают многочисленные (и зачастую противоречивые) положения договорного и обычного права, которые применяются к окончанию войны, рассматривают судебную практику в данной области. Помимо этого, в докладе освещается меняющаяся концепция войны и того, что является ее концом, оцениваются преимущества, которые получают

стороны конфликта от его продолжения или завершения.

Авторы указывают на то, что в актуальных нормах международного права отсутствуют четкие указания на то, по каким основаниям можно считать военный конфликт завершившимся с фактической, нормативной и правовой точек зрения. Ввиду многообразия правовых концепций вооруженного конфликта, недостаточности положений международного гуманитарного права, а также несоответствия ряда положений друг другу до сих пор не выработаны единые положения для определения того, когда вооруженный конфликт следует считать завершенным. На основании действующих норм международного права авторы предлагают четыре теории относительно того, когда заканчивается применение международного правового законодательства в отношении немеждународного вооруженного конфликта.

Подводя итог, авторы делают выводы о том, что существующее международное законодательство не предлагает всеобщей нормативной теории для определения

момента достижения вооруженным конфликтом своих законных целей.

Конкретизация критериев окончания войны является непростой задачей. Очевидно, что многие из проблем, выявленные в настоящем докладе, прежде всего, носят стратегический и научный характер, требуют всестороннего анализа и оценки, что делает данный доклад интересным для представителей отечественной военно-правовой науки.

Оригинал доклада: Indefinite War: Unsettled international law of the end of armed conflict / D. Lewis, G. Blum, N. Modirzadeh // HLS PILAC, 2017. 105 p.

International Military Law Review

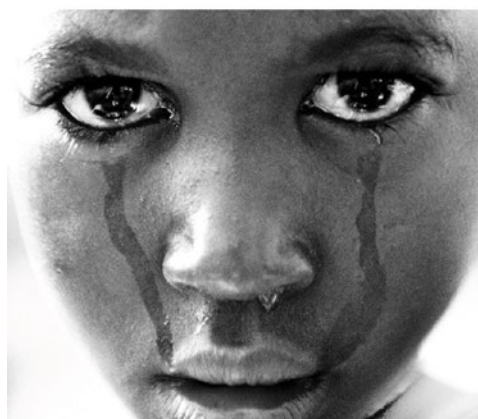
INDEFINITE WAR: UNSETTLED INTERNATIONAL LAW DISPUTES

Abstract. February 27, 2017 – Harvard University Law School publishes a report –Indefinite War. Unsettled international law of the end of armed conflict. The report, 116 pages, comprises 8 sections, detailing ‘an armed conflict’ definition within the framework of the international law. The report pays particular attention to the provisions of the international humanitarian law (IHL) in relation to international and non-international armed conflicts. As a result of the analysis of the current international legislation, the authors propose four theories to find out when the armed conflict shall be considered as finished.

Keywords: international humanitarian law; international armed conflict; non-international armed conflict

**EVEN WARS
HAVE LIMITS**

**INTERNATIONAL
HUMANITARIAN LAW**

УДК 344.3

МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВОЕННО-СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1867 ГОДА: УРОКИ ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотация. 15 мая 2017 года в Военном университете Министерства обороны Российской Федерации состоялась межвузовская научно-практическая конференция «Военно-судебная реформа 1867 года: уроки истории в контексте современных требований обеспечения законности в Вооруженных Силах Российской Федерации». Целью встречи стало обсуждение с научной общественностью организационно-правовых и уголовно-процессуальных вопросов деятельности органов военной юстиции в контексте идей военно-судебной реформы 1867 года.

В обсуждении приняли участие ведущие специалисты – представители органов военного управления и военной юстиции и военно-судебной системы; ученые и преподаватели кафедр военно-юридического направления Военного университета, Военной академии РВСН имени Петра Великого, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Военно-воздушной академии им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина; молодые ученые – докторанты, адъюнкты и аспиранты; курсанты военно-научного общества прокурорско-следственного факультета, студенты Российского государственного университета правосудия, Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и других вузов.

В ходе заседания были рассмотрены актуальные сегодня вопросы, касающиеся заявленной темы.

Ключевые слова: военный суд; правосудие; судебная реформа; военно-судебная реформа

Чсть открытия конференции и приветственное слово были предоставлены генерал-майору **И.В. Мишуткину**, заместителю начальника Военного университета Минобороны России, кандидату юридических наук, доценту.

Приветствуя участников конференции, он подчеркнул роль и значение военно-судебной реформы 1867 года в формировании современного патриотического

правосознания военнослужащих. Содержание реформы, ее характерные черты, успехи и недостатки представляют требуют глубокого осмысления и изучения на современном этапе развития военной организации государства.

В дальнейшем участники конференции перешли к научным докладам, в которых говорили о сложном пути становления и развития военно-судебных органов современной России, об их 300-летней истории, где знаменательной вехой стала военно-судебная реформа 1867 года.

О том, как исторический опыт помог и продолжает оказывать помощь в укреплении современной судебной системы России, рассказал в своем выступлении **Г.И. Загорский**, профессор кафедры уголовного процесса Военного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской академии естественных наук. Говоря о реализации идей военно-судебной реформы 1867 года в деятельности органов военной юстиции, он акцентировал внимание присутствующих на том, что «становление системы военно-судебных органов, непосредственно связано с проведением судебной реформы 1864 года». По мнению автора, «она способствовала созданию армии современного типа, повышению ее боеготовности и качества подготовки офицерских кадров». «Вскоре после судебной реформы, – отмечает автор, – началось реформирование системы органов военной юстиции, завершившееся в 1867 году принятием военно-судебного и военно-морского судебного уставов». О военно-судебном уставе ученый говорит как об уникальном законодательном акте: «была создана трехзвенная система, которая сохранена до сих пор: главный военный суд, военные окружные суды и полковые суды».

Н.А. Петухову, заведующему научным отделом проблем организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия, доктору юридических наук, профессору, в своем выступлении о становлении судебной власти в вооруженных силах Российской Федерации удалось доказать, что в условиях современных преобразований судебной системы государство должно опираться

на исторический опыт. Долгая работа Николая Александровича в военных судебных органах – как судьи высшего квалификационного класса – позволили ему обозначить и аргументировать правовые проблемы становления и развития отечественных военных судов на современном этапе. **Н.А. Петухов** считает, что военный судья должен выступать «надежным гарантом соблюдения основных прав и свобод военнослужащих и членов их семей». Обращаясь к курсантам прокурорско-следственного факультета, будущим военным следователям и прокурорам, **Николай Александрович** отметил, что «перед собой нужно всегда ставить цели великие, а чтобы их достичь – необходимо работать, работать и работать».

Оживленную дискуссию участников конференции вызвало выступление вице-президента РАЕН, доктора исторических наук, доктора юридических наук, профессора **В.А. Золотарева**. Автор подчеркнул, что «на протяжении двух веков исторический опыт доказывает, что судьи и суды общей юрисдикции не могут полноценно и объективно рассматривать вопросы военной сферы». Ученый отметил, что подготовка военных судей – «это очень сложный процесс, ведь судья должен всегда оставаться объективным и беспристрастным, не только наказывать, но и защищать». Военная история рассматривается **В.А. Золотаревым** как один из важнейших элементов возрождения массового читательского, образовательного и просветительского интереса к героическому прошлому России. Как не только глубокий и разносторонний исследователь, но и прекрасный популяризатор русской исторической науки,

Владимир Антонович подчеркнул важность достоверности результатов исследования: «Очень важно современному исследователю проводить экспертизу. Всеми возможными доступными инструментальными средствами, исторических и смежных наук, сравнивать, проверять, доказывать, анализировать <...> Поэтому во главу угла мы ставим тщательную экспертизу документа. И только при таком подходе возможно объяснить читателю, особенно молодому, как это было, или как, скорей всего, это могло быть».

Полковник юстиции **П.В. Кочетов**, заместитель начальника организационного управления Главной военной прокуратуры, кандидат юридических наук, выступил с докладом о роли военной прокуратуры в обеспечении законности и правопорядка в Вооруженных Силах, в котором отметил тесную историческую связь военных судей и военных прокуроров. Павел Викторович проанализировал задачи и полномочия военных прокуроров в разные исторические периоды, отметил, что «становление системы органов военной прокуратуры началось в результате судебной реформа 1864 года, одной из целей которой было совершенствование военно-юридического управления в войсках и на флоте». Военная прокуратура сегодня – неотъемлемая часть единой централизованной системы органов прокуратуры Российской Федерации. Военные прокуроры с честью выполняют свой воинский долг в Сирийской Арабской Республике, обеспечивая надзорное сопровождение решаемых российскими воинскими формированиями задач по противодействию международному терроризму и обеспечению мирного

урегулирования обстановки на территории этого государства.

В докладе **В.А. Шагаева**, преподавателя кафедры военной акмеологии и кибернетики Военной академии РВСН имени Петра Великого, кандидата юридических наук, доцента, рассматривался вопрос о соотношении статуса судов военного и гражданского ведомств. Автор, выполнив сравнительный анализ статуса судебных органов в военном и гражданском ведомствах, созданных в России на основании Судебных уставов от 20 ноября 1864 г. и Военно-судебного устава от 15 мая 1867 г., пришел к обоснованному выводу о том, что в результате проведенной реформы появился профессиональный военный суд, который мог рассматривать дела на высоком уровне.

А.А. Катанский, командира взвода в/ч 11659, кандидат экономических наук, в своем докладе рассмотрел изменения структуры военных судов Российской Империи, подробно остановившись на компетенции военно-морских судов конца XIX в. По мнению докладчика, «несмотря на существование трех судебных ведомств, каждое из которых имело свои особенности, судебная система военно-морского флота сохранила свою независимость».

Интерес участников конференции вызвало выступление помощника судьи Верховного Суда Российской Федерации, соискателя ученой степени кандидата юридических наук **А.С. Демьяненко**, который подробно осветил некоторые проблемные вопросы организации деятельности военных судов Российской Федерации с учетом уроков военно-судебной реформы 1867 года. По мнению автора, «вопрос комплектования военных

судов в период военного времени на сегодняшний день не является достаточно урегулированным действующим законодательством», а «отсутствие специального федерального конституционного закона, регулирующего вопросы деятельности военных судов в военное время и в период мобилизации, ставит под угрозу выполнение военными судами в данные периоды поставленных перед ними задач по осуществлению правосудия и поддержанию правопорядка в войсках».

Генерал-майор внутренней службы **Б.Ю. Дерешко**, заместитель начальника ФГКУ «ВНИИ МВД России» по научной работе, кандидат юридических наук, доцент, решил в своем выступлении подробно остановиться на морально-психологических и политико-правовых аспектах военно-судебной реформы 1867 года. Богдан Юльевич выделил, с одной стороны, объективный общественный смысл тех или иных морально-психологических и политико-правовых аспектов реформы, а с другой – оценку, которая давалась и дается самими участниками этих преобразований, аналитиками, военными специалистами в разное время.

Полковник юстиции **О.А. Жуков**, начальник отдела управления надзора за исполнением законов органами военного управления, воинскими частями и учреждениями Главной военной прокуратуры, подготовил доклад о практических аспектах развития идей военно-судебной реформы 1867 года в деятельности военных прокуроров. В своем выступлении Олег Алексеевич обратился к истокам военно-юридической науки, отметив, что «история военной прокуратуры – это неотъемлемая часть истории государства». По мнению докладчика,

в настоящее время в Российской Федерации неустанно совершенствуются основы правового государства, происходят поступательные преобразования системы органов военной юстиции.

Вопросам кадровой политики государства по реализации идей военно-судебной реформы 1867 года был посвящен доклад главного научного сотрудника ФГКУ «ВНИИ МВД России», доктора юридических наук, профессора **С.А. Невского**, в котором он рассказал об изменениях, произошедших в военно-судебной системе России в ходе реформы 1867 года, а также сформулировал предложения, направленные на реализацию ряда идей военно-судебной реформы 1867 года в практике работы органов военной юстиции на современном этапе.

В ходе выступления кандидата юридических наук, доцента **О.Л. Зорина** были затронуты концептуальные вопросы усиления роли офицерской общественности в интересах укрепления законности в Вооруженных Силах Российской Федерации, осуществлен исторический анализ деятельности офицерских судов чести как продуктивного инструмента регулирования военно-служебных, общественных и межличностных отношений, подняты вопросы защиты чести и деловой репутации военнослужащих, дисциплинированности офицеров на современном этапе развития Вооруженных Сил Российской Федерации.

Т.Н. Назаренко, судья Верховного Суда Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, представила основной доклад «Судебная практика как важнейший регулятор военных общественных отношений», где назвала последовательную реализацию в деятельности военных судов конституционного принципа правовой определенности одним из критериев эффективности реализации поставленных перед военными судами задач.

Доклад заведующего кафедрой гражданского права Военного университета, доктора юридических наук, профессора **В.Н. Старцуна** был посвящен урокам военно-судебной реформы 1867 года в контексте становления современной системы военного права и военно-юридического образования России.

Вопрос подсудности уголовных дел при исполнении решений военного суда

поднял в своем докладе **В.И. Качалов**, профессор кафедры уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

Т.А. Терешонок, студентка Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, привела результаты авторского социологического исследования на тему «Отношение студенческой молодежи к военно-судебной реформе 1867 года», приуроченного к 150-летию со дня ее проведения. Докладчиком сделан вывод о том, что «в целом студенты и курсанты считают, что военно-судебная реформа 1867 года – прогрессивная реформа, которая стала толчком в развитии всей военно-судебной системы России, способствовала модернизации армии и флота Российской Империи». Татьяна Андреевна сформулировала рекомендации по использованию материала данного исследования в образовательном процессе.

Исторический взгляд на процесс становления и развития российской судебно-правовой системы в период буржуазных реформ второй половины XIX века был представлен в выступлениях **Е.И. Мещангиной**, кандидата исторических наук, доцента, научного сотрудника научно-исследовательского центра (военно-научной информации, военно-правовых проблем) и **Ю.В. Лагашкиной**, младшего научного сотрудника научно-исследовательского центра (военно-научной информации, военно-правовых проблем). По мнению докладчиков, «изучение этапов развития судебного производства в XIX веке позволит определить объективные задачи по совершенствованию законодательства на современном этапе развития России в XXI веке».

И.А. Слободанюк, заведующий кафедрой уголовного процесса Военного университета, кандидат юридических наук, участвовал в конференции с докладом «Особенности производства дознания в русской армии XIX века». Автор обратил внимание на необходимость «четкого размежевания компетенции и полномочий предварительного следствия и дознания». Введение в русской армии XIX века дознания как самостоятельной, особой формы предварительного расследования обусловлено историческими условиями, в которых зарождались новая армия и флот.

Старший преподаватель кафедры уголовного процесса Военного университета, председатель военно-научного общества юридического направления **В.Е. Корбашов** поднял проблему нравственного содержания судебных решений, а профессор кафедры уголовного права Военного университета **Ю.А. Зюбанов**, кандидат юридических наук, доцент, посвятил свое выступление вопросам осуществления правосудия в военное время.

Н.А. Заневская, преподаватель кафедры гражданского права Военного университета, посвятила свой доклад порядку рассмотрения семейных споров по военно-судебному уставу 1867 года.

Темой выступления **Ф.В. Старикова**, магистранта Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, стала военно-судебная система периода правления временного правительства (февраль-октябрь 1917 года), который автор справедливо называет «особым периодом в истории развития российской судебной системы».

Почетное право завершить научную часть досталось курсанту прокурорско-следственного факультета Военного университета Минобороны России **М.В. Бирюзову**. Его доклад был посвящен военному суду присяжных, довольно редкому явлению в мировой практике. Максим Владимирович подчеркнул, что «военные суды присяжных в районах ведения военных действий, часто включают в свою юрисдикцию не только военные дела, но и дела, подследственные гражданским судам». Докладчик отметил необходимость глубокой научной проработки возможности введения военного суда присяжных в Российской Федерации.

По итогам межвузовской научно-практической конференция «Военно-судебная реформа 1867 года: уроки истории в контексте современных требований обеспечения законности в Вооруженных Силах Российской Федерации» была подготовлена и принята резолюция, в которой участники отметили значение преобразований системы органов военной юстиции, проведенных в ходе военно-судебной реформы 1867 года, для дальнейшего их становления и развития, а также рекомендовали шире использовать военно-судебные уставы, как важнейший источник военного права, и практику их применения в научно-исследовательской, учебной и воспитательной деятельности.

the inter-university research-to-practice conference “Military-Judicial Reform of 1867: Lessons of History in the context of Modern Requirements for Ensuring Legality in the Armed Forces of the Russian Federation”. The purpose of the meeting was to discuss with the scientific community the organizational, legal and criminal procedural issues of the military justice authorities’ activities in the context of the ideas of the military-judicial reform of 1867.

The discussion was attended by leading experts – representatives of the military command and military justice and military-judicial system; scientists and professors of the Military-legal Department of the Military University, Military Academy of Strategic Missile Forces named after Peter the Great, Lomonosov Moscow State University, Air Force Academy named after Professor Zhukovsky and Gagarin; young scientists – doctoral students, adjuncts and graduate students; cadets of the military-scientific society of the Prosecutors and Investigative Division, students of the Russian State University of Justice, Finance University under the Government of the Russian Federation and other universities.

During the meeting topical issues related to the declared conference topic were considered.

Keywords: military court; justice; military-judicial reform

Academic Life: Discussions

Inter-University Research-to-Practice Conference

MILITARY-JUDICIAL REFORM OF 1867: LESSONS OF HISTORY IN THE CONTEXT OF MODERN REQUIREMENTS FOR ENSURING LEGALITY IN THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. On May 15, 2017, the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation hosted

КРУГЛЫЙ СТОЛ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотация. 27 апреля 2017 года в рамках постоянно-действующего научно-практического семинара «Актуальные проблемы правового регулирования финансово-экономической деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации» в Военном университете Министерства обороны Российской Федерации состоялся межкафедральный круглый стол, организованный по инициативе руководителя научной школы «Актуальные проблемы правового регулирования финансовой деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации» заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора **А.И. Землина.**

В работе круглого стола приняли участие ведущие специалисты – ученые кафедр гражданского права и военной администрации Военного университета, молодые ученые – докторанты, слушатели факультета переподготовки и повышения квалификации, а также курсанты военно-научного общества прокурорско-следственного факультета Военного университета.

В ходе заседания были рассмотрены актуальные вопросы правового обеспечения финансового контроля в Вооруженных Силах, выработаны практические рекомендации органам военного управления, направленные на устранение обозначенных проблем правового обеспечения финансово-экономической деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Ключевые слова: внешний государственный финансовый контроль; внутренний государственный финансовый контроль; ведомственный контроль; внутренний финансовый контроль; внутренний финансовый аудит; налогообложение; противодействие коррупции

На обсуждение участников межкафедрального круглого стола был вынесен широкий спектр проблем правового обеспечения финансового контроля в Вооруженных Силах Российской Федерации: законодательное обеспечение и нормативное регулирование финансовой деятельности в Вооруженных Силах; правовое положение участников экономической деятельности; деятельность органов военного управления по обеспечению эффективного расходования бюджетных средств на оборону.

Открывая круглый стол, заслуженный деятель науки Российской Федерации,

доктор юридических наук, профессор **А. И. Землин** обратил внимание присутствующих на актуальность темы мероприятия, указав, что финансовый контроль – необходимое условие обеспечения законности и эффективности финансовой деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации. В качестве основных проблем в работе системы государственного финансового контроля были названы несовершенство законодательной базы, бессистемность и правовую неопределенность финансового контроля, что «предопределяет необходимость теоретико-правового осмысления сущности, принципов и порядка осуществления финансового контроля с целью выработки практических рекомендаций по совершенствованию его правовой базы».

С приветственным словом к участникам круглого стола обратился один из его организаторов – заведующий кафедрой гражданского права, доктор юридических наук, профессор **В.Н. Старцун**. Отметив значимость подобных научно-практических мероприятий, он подчеркнул, что проблемы правового обеспечения расходов бюджетных средств на оборону приобретают особую актуальность в контексте существенных изменений системы государственного финансового контроля. Виктор Николаевич подчеркнул, что представители военно-правовой науки должны принимать активное участие в подготовке конкретных решений органов военного управления, которые, в свою очередь, будут направлены на совершенствование финансово-экономической деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Большой интерес участников конференции вызвало выступление **Е.В. Ивановой**, кандидата юридических наук, председателя Фондового арбитража Федерального арбитражного суда, доцента кафедры гражданского права. В своем выступлении она обратилась к правовому анализу тендерных контрактов, привела примеры рисков, возникающих при заключении таких контрактов, и предложила практические рекомендации по их минимизации.

Значимости финансового контроля было посвящено выступление **И.А. Назарчук**, кандидата юридических наук, докторанта кафедры военной администрации, административного и финансового права. Докладчик отметил, что «отсутствие научной теории контроля, учитывающей закономерности своевременного развития Российской Федерации и международный опыт, является одной из главных причин, тормозящих не только формирование действенной правовой базы контроля, но и практическое создание тесно взаимодействующих элементов единой государственной контрольной системы».

Проблемных вопросов субъектов и объектов общественного контроля в своих выступлениях коснулись преподаватель кафедры военной администрации, административного и финансового права **Н.В. Сынков** и его ученик, член военно-научного общества прокурорско-следственного факультета курсант **С.С. Круглик**. По мнению докладчиков, для эффективного осуществления общественного контроля необходимы два условия: наличие развитого гражданского общества и четкое организационно-правовое взаимодействие государства и гражданского общества. Изучив Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», авторы пришли к выводу о необходимости его дальнейшего совершенствования, а также предложили рассмотреть возможность внесения изменений в отдельные статьи Уголовного кодекса и Кодекса об Административных Правонарушениях.

Продолжением темы финансового контроля в Вооруженных Силах Российской Федерации стало выступление кандидата юридических наук, доцента кафедры военной администрации,

административного и финансового права **О.М. Землиной**, которое автор посвятила организационно-правовым основам осуществления контроля и аудита в сфере государственных закупок на нужды обороны. Докладчик раскрыла причины, мешающие эффективному осуществлению контроля над проведением данных закупок, обосновала пути решения имеющихся проблем.

Кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры гражданского права **Л.В. Зарапина** подробно рассказала о порядке и сроках заключения государственного контракта на поставку товаров для государственных нужд.

Особенностям правового положения участников экономической деятельности было посвящено выступление **А.Н. Подшибякина**, кандидата юридических наук, доцента, заведующего кафедрой военной администрации, административного и финансового права. В своем выступлении он подробно остановился на практике деятельности органов военного управления в контексте обеспечения эффективности расходования бюджетных средств, выделенных на оборону.

Актуальные вопросы единого и безопасного транспортного пространства России озвучил **В.В. Свечников** – начальник кафедры боевого применения авиации ВУНЦ СВ «ОБА ВС РФ им. М.В. Фрунзе». Докладчик обосновал пути качественного улучшения состояния транспортной безопасности Российской Федерации с учетом современных требований и стандартов.

Г.Е. Слепко, кандидат филологических наук, доцент кафедры гражданского права отметила как позитивные, так и негативные направления правового

регулирования в системе управления жизненным циклом вооружения, военной и специальной техники. По ее мнению, «нормативно-правовая база по данному вопросу в настоящее время не может быть названа системнообусловленной и эффективно действующей <...>», что тормозит реализацию соответствующих национальных программ».

В работе круглого стола принял участие руководитель военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации по Воркутинскому гарнизону подполковник юстиции **В. И. Пьянов**, который определил понятие и виды мер государственного принуждения, дал их правовую характеристику, а также обосновал необходимость самостоятельной классификации мер административного принуждения.

По мнению участников круглого стола – слушателей факультета переподготовки и повышения квалификации Военного университета, которые в своей профессиональной деятельности постоянно сталкиваются с проблемами правового регулирования финансово-экономической деятельности, полковника **В.В. Свечникова** и подполковника **А.А. Воробьева**, проведение подобных научно-практических мероприятий способствует развитию военно-правовой науки, позволяет вести научно-обоснованный диалог с участием представителей органов военного управления и военной юстиции, выявляет перспективные направления научных исследований.

Нельзя обойти вниманием и активное участие в работе круглого стола курсантов военно-научного общества прокурорско-следственного факультета.

В настоящее время высшее военно-юридическое образование является одним из ключевых факторов укрепления законности и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации. Проведение постоянно-действующего научно-практического семинара «Актуальные проблемы правового регулирования финансово-экономической деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации» и других научно-практических мероприятий военно-правовой направленности не только способствует теоретико-правовой проработке решений органов военного управления, но и является важным условием патриотического воспитания и формирования правосознания будущих офицеров органов военной юстиции.

Academic Life: Discussions

Panel Discussion TOPICAL ISSUES OF LEGAL REGULATION OF FINANCIAL AND ECONOMIC ACTIVITIES IN THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. On April 27, 2017, within the framework of permanent research-to-practice seminar “Topical issues of

legal regulation of financial and economic activities in the Armed Forces of the Russian Federation”, the interdepartmental panel discussion was held at the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. It was organized at the initiative of **A.I. Zemlin**, Head of the scientific school “Topical issues of the legal Regulation of financial activities in the Armed Forces of the Russian Federation”, Dr.Sc. (Law), Professor, Honored Scientist of Russia.

Leading specialists – scientists of the Civil Law and Military Administration Departments of the Military University, young scientists – doctoral students, students of the faculty for retraining and advanced training, as well as cadets of the military-scientific society of the Prosecutors and Investigative Department of the Military University participated in the panel discussion.

During the meeting topical issues of legal support for financial control in the Armed Forces were considered, and practical recommendations were given to military authorities aimed at eliminating the identified problems of legal support for financial and economic activities in the Armed Forces of the Russian Federation.

Keywords: external state financial control; internal state financial control; departmental control; internal financial control; internal financial audit; taxation; anti-corruption

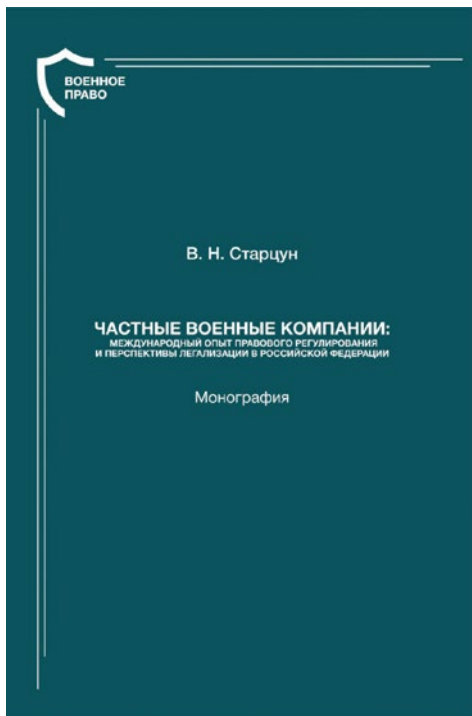
УДК 336

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:

Старцун В.Н.

**Частные военные компании:
международный опыт
правового регулирования и перспективы
легализации в Российской Федерации**
М.: Военный университет, 2016. – 192 с.

Р.А. КАЛАМКАРЯН,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: kafgp@mail.ru

Представленная монография В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации» представляет собой законченное научное исследование, выполненное на уровне современной науки юриспруденции.

По всем объективным критериям должного, монография В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации» всецело соответствует минимуму содержания профессиональной образовательной программы. В рамках преемственности тематической разработки современного права монография В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации» существенно образом положительно отличается от уже имеющейся научной литературы в параметрах новизны и глубины исследования.

Монография В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации» – это практически новое, адаптированное к современным реалиям, научное издание. Монография В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации» прошла качественную проработку, вобрав в себя весь наработанный

позитив науки и практики современного права.

Научный уровень содержательной части монографии В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации» определяет себя высокой теоретичностью, насыщенностью документального материала, академичностью.

Степень освещения в монографии В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации» практических вопросов современного права проявляет себя в режиме актуальности.

Методический уровень материала по монографии В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации» делает возможным использование ее в конкретных научных технологиях по линии изыскания оптимальных методов восприятия предмета.

Представленная монография В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации» написана качественно, познавательно интересно, научно насыщено, целостно по форме и содержанию.

Комплексное исследование тематики современного права, представленное в монографии В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации», востребовано в практическом плане и целиком вписывается в рамки учебной и научной программы современной юриспруденции. Личностный вклад ученого определяется значимостью и весомостью проделанного исследования.

Доктринальной основой монографии В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы

правового регулирования в Российской Федерации» послужили труды известных авторитетов отечественной и зарубежной науки современного права. В качестве фактологического базиса книги были привлечены международные договоры, законодательные акты Российской Федерации и ряда других государств, юридические акты международных организаций.

В целом монография В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации» носит законченный характер: доктринальная картина предметной области современного права как особой правовой системы юриспруденции выглядит завершенной в смысле тематической раскрытости предмета исследования. Как явствует из монографии В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации», автором проведена скрупулезная работа по созданию целостного восприятия предмета исследования, как он понимается на сегодняшний день.

Тематический подбор материала подчинен строгой юридической логике и каждая глава тесно переплетается с другими.

Структурно монография В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации» строится таким образом, чтобы создать по возможности целостное восприятие о проделанной работе. В этом плане рассмотрение проблем в параметрах общетеоретического исследования представляется наиболее удачным решением вопроса сущностного построения монографии В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации».

Представленная монография В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового

регулирования в Российской Федерации» написана на высоком научно-теоретическом уровне. Перед нами – серьезный научный труд, восполняющий пробел в отечественной литературе по современному праву.

Монография В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации» может быть использована непосредственно в преподавательском процессе в Высших учебных заведениях Российской Федерации. Вместе с тем монография В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации» несет в себе непосредственное научно-практическое значение для правоохранительных и внешнеполитических ведомств Российской Федерации.

По всем критериям объективного анализа представляется, что монография В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации» соответствует требованиям Государственного образовательного стандарта по курсу современного права для юридических ВУЗов и факультетов. Монография В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации» рекомендуется к опубликованию в качестве отдельного научного труда.

В заключении можно сказать, что монография В.Н. Старцуна «Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации» представляет собой капитальное исследование одной из важнейших проблем современности и имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:

Красинский В.В.

Защита государственного суверенитета

М.: Норма, 2017. – 608 с.

О.В. ДАМАСКИН,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

E-mail: dov39@mail.ru

В современных условиях глобализации, нарастания угроз международной безопасности, актуализируется проблема суверенитета и национальной безопасности России. Поэтому исследование потребностей и возможностей защиты государственного суверенитета является важной теоретической проблемой, а ее обеспечение становится

необходимой практической задачей сил обороны и безопасности¹.

По мнению автора рецензируемой монографии – доктора юридических наук, профессора Голицынского пограничного института ФСБ России полковника В.В. Красинского, современная теория конституционного права, государственное строительство и международные отношения остро нуждаются в концептуальном и политико-правовом обосновании защиты государственного суверенитета. В монографии рассматриваются современные концептуальные подходы к защите государственного суверенитета, раскрываются теоретико-правовые и конституционные аспекты защиты государственного суверенитета Российской Федерации и ряда зарубежных стран, исследуется российская национальная система конституционно-правовой защиты государственного суверенитета, обосновываются предложения по ее развитию и совершенствованию.

Содержание исследования основывается на анализе обширной нормативной правовой базы, использовании научных трудов известных специалистов, а также изучении практики деятельности органов государственной власти и управления. Автор убедительно доказывает, что государственный суверенитет, олицетворяя

¹ Дамаскин О.В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности. М.: Погранич. акад. ФСБ России, 2016. 432 с.

собой основу независимости государства и полноты его власти на своей территории, занимает, в силу своей значимости, центральное место в системе деструктивных антигосударственных посягательств.

Гибкое и оперативное использование конституционно-правовых механизмов защиты государственного суверенитета, по мнению автора монографии, позволяет юридически оценить деструктивный потенциал антигосударственных сил и задействовать самый широкий спектр законных средств для реагирования на любые механизмы ослабления и подрыва государственного суверенитета, начиная от тайной подрывной деятельности иностранных государств и инспирирования «цветных революций» и заканчивая другими проявлениями скрытой и прямой агрессии.

Владение автором информацией о практической работе органов государственной власти и управления, правоохранительных органов и служб безопасности, ее корректное использование в изложении доказательной базы исследования является основой результативности, научной и практической значимости выводов и предложений.

Заслуживает признания и положительной оценки структура исследования и логика изложения автором сложных и дискуссионных положений теоретической и практической направленности.

В первой главе монографии обобщены теоретические представления о государственном суверенитете, раскрыты сущность и содержание понятия «государственный суверенитет», изучены политико-правовые и конституционно-правовые идеи государственного суверенитета в России и зарубежных странах, выработаны концептуальные подходы к защите государственного суверенитета в современных условиях.

Во второй главе В.В. Красинский исследует теории и пределы ограничения государственного суверенитета: рассматривает доктрину «мирового правительств», влияние глобализации, форм государственного устройства и концепции прав человека на государственный суверенитет, анализирует правовые позиции

российских и зарубежных органов конституционной юстиции о пределах ограничения государственного суверенитета.

Третья глава посвящена конституционно-правовым механизмам защиты государственного суверенитета Российской Федерации. Автор дает характеристику российской национальной системе конституционно-правовой защиты государственного суверенитета, исследует особенности конституционно-правового регулирования и практику конституционного судопроизводства по защите государственного суверенитета в социально-экономической, политической и идеологической сферах общественной жизни, иницирует ряд предложений по совершенствованию конституционно-правовых и иных механизмов защиты государственного суверенитета Российской Федерации.

На указанной основе автор акцентирует внимание на новых, теоретически и практически значимых положениях, связанных с реализацией государством своих внутренних и внешних функций, наполнением реального содержания государственного суверенитета:

- становлении и развитии политико-правовой концепции государственного суверенитета;
- потребностях и возможностях содержания наполнения суверенитета государства и его защиты;
- раскрытии механизма деструктивной деятельности внутригосударственных и зарубежных субъектов, которая формирует реальные угрозы государственному суверенитету;
- представлении системы внешних индикаторов – признаков, свидетельствующих об ослаблении и подрыве государственного суверенитета, задачах компетентных государственных структур по своевременному обнаружению, фиксации этих признаков и противодействию им;
- рассмотрении государственного суверенитета в контексте глобализации, показе положительных и отрицательных последствий этого процесса для функционирования и развития суверенных государств;
- раскрытии тенденции ослабления роли национальных государств

и критического пересмотра содержания государственного суверенитета;

- показе связи суверенитета с правами человека и попытками ограничить полномочия государства;

- оценке влияния основополагающих прав и свобод человека на адаптацию международной и конституционно-правовой доктрины государственного суверенитета к современным реалиям;

- выделении и раскрытии основных направлений защиты государственного суверенитета.

С учетом вышеприведенных положений в современных условиях глобализации автором обосновывается потребность обновленной концепции государственного суверенитета, предусматривающей вопросы национальной юрисдикции государств, юрисдикции наднациональных органов и международных организаций, а также перечень исчерпывающих оснований для международного вмешательства. Таким образом, системная работа федеральных и региональных органов власти, ориентированная на выработку и отстаивание общегосударственных интересов, использование потенциала негосударственных, в том числе муниципальных, структур в публично значимых целях, гибкое и адаптивное использование уполномоченными субъектами адекватных правовых механизмов защиты государственного суверенитета при наличии финансовой и ресурсной поддержки позволит повысить эффективность не только отдельных звеньев государственного механизма, но и функциональность государства в целом.

Наиболее ценным результатом выполненной работы является доведение новых подходов до практических рекомендаций в законотворческой и правоприменительной деятельности. Это делает монографию интересной и полезной не только для ученых, но и для практиков.

Глубокая по своему научному содержанию книга написана доступным для восприятия широким кругом читателей языком.

В содержании и результатах выполненной работы находят отражение компетентность, целеустремленность,

жизненная позиция исследователя, тесно связанного с практикой правового обеспечения государственного строительства и противодействия преступности.

Представляется уместным отметить, что рецензентами, положительно оценившими выполненную монографию, являются А.Д. Керимов, профессор, доктор юридических наук, профессор Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, М.И. Клеандров, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке.

Книга может быть использована государственными служащими, работниками органов прокуратуры, сотрудниками правоохранительных органов и специальных служб, преподавателями, научными сотрудниками, аспирантами и студентами юридических вузов и факультетов образовательных учреждений по подготовке и повышению квалификации государственных служащих, специализирующихся в области государственного управления и национальной безопасности.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА»

1. Общие требования к авторским материалам и условия публикации в журнале

1.1. Направляемые в журнал статьи должны содержать результаты самостоятельных научных исследований авторов, соответствовать научному уровню и тематическому профилю журнала (военное право, военные проблемы международного права), обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов.

1.2. Представление в редакцию материалов, ранее опубликованных, размещенных в Интернете или направленных на публикацию в другие издания, не допускается.

1.3. Рекомендуемый объем рукописи: не менее 8 и не более 22 машинописных страниц формата А4.

1.4. В одном номере журнала может быть опубликовано не более двух материалов одного автора.

1.5. К статье прилагаются сведения об авторе (авторская справка).

1.6. При подаче статьи по усмотрению автора может быть представлена внешняя рецензия.

1.7. Авторы, в статьях которых содержатся сведения, не находящиеся в компетенции Военного университета, вместе с рукописью представляют экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати (разрешение на опубликование статьи в открытой печати), заверенное подписью руководителя и скрепленное печатью организации.

1.8. Рукописи слушателей, курсантов, студентов принимаются к рассмотрению только при наличии краткого отзыва научного руководителя / преподавателя с рекомендацией к публикации статьи.

1.9. Принятые к рассмотрению статьи подвергаются рецензированию и в случае положительного отзыва рецензента – научному и литературному редактированию.

1.10. Все материалы публикуются в журнале на безвозмездной основе: плата с авторов не взимается, гонорар им не выплачивается.

2. В сведениях об авторе (авторской справке) указываются (на русском и английском языках):

- фамилия, имя, отчество полностью;
- ученая степень, ученое звание, почетное звание, членство в академиях, звание лауреата (при наличии);
- статус соискателя, адъюнкта, аспиранта (с указанием кафедры) (при наличии);
- занимаемая должность;
- воинское/специальное звание (при наличии);
- место работы / службы / учебы (полное наименование организации с указанием ее почтового адреса);
- название подразделения организации;
- контактная информация (адрес, телефон, e-mail).

Примечание. Если статья написана в соавторстве, то сведения представляются на каждого автора в отдельности в одном текстовом документе.

3. Порядок направления в редакцию рукописей статей и сопроводительных документов к ним

3.1. Рукопись статьи, сведения об авторе (авторская справка), краткий отзыв научного руководителя / преподавателя с рекомендацией к публикации статьи слушателя, курсанта, студента (скан) направляются по электронной почте либо на электронном носителе.

Рецензия (внешняя и внутренняя) и экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати (разрешение на опубликование статьи в открытой печати), заверенное подписью руководителя и скрепленное печатью организации, направляются только на бумажном носителе.

3.2. Материалы в электронном виде отправляются по адресу электронной почты: vestnik-vp@mail.ru;

Материалы на электронном носителе (CD, DVD, флеш-карта) и текстовые оригиналы материалов отправляются по почте либо доставляются лично автором / доверенным лицом автора по адресу: 111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4, корп. 5, каб. 803, шеф-редактору (выпускающему редактору, ответственному секретарю) журнала «Вестник военного права».

5. Оформление рукописи

5.1. Технические параметры статьи

Формат страницы: А4 (210х297 мм).

Текстовый редактор: Microsoft Word 97 и выше.

Шрифт: Times New Roman.

Поля: левое – 3 см; правое – 1,5 см; верхнее и нижнее – 2 см.

Кегль (размер шрифта): 14 пунктов.

Межстрочный интервал: полуторный.

Нумерация сносок: сквозная по всему тексту статьи.

Выравнивание основного текста и ссылок: по ширине.

Абзацный отступ: 1,25 см.

5.2. Обязательные составные элементы статьи:

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация);
- заголовок;
- аннотация;
- ключевые слова;
- основной текст;
- библиографический список;
- сведения об авторе.

Заголовок, аннотация, ключевые слова и сведения об авторе/соавторах представляются на русском и английском языках

5.3. Графические элементы и иллюстрации

5.3.1. Таблицы, схемы, графики, рисунки должны быть пронумерованы и озаглавлены (сопровождены подписями).

5.3.2. Исходные таблицы, схемы, графики предоставляются в отдельных файлах в формате программы, в которой они были созданы.

5.3.3. Исходные рисунки и фотоиллюстрации также предоставляются в отдельных файлах. Разрешение растровых иллюстраций должно быть не менее 300 dpi.

5.4. Список литературы

5.4.1. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

5.4.2. При оформлении библиографического списка в журнале применяется комбинированный алфавитно-систематический принцип, согласно которому литература располагается в следующем порядке:

1. Официальные документы:

- нормативные правовые акты Российской Федерации;
- международные акты, ратифицированные Российской Федерацией (в первую очередь идут документы ООН) (располагаются после Конституции Российской Федерации);
- утратившие юридическую силу нормативные правовые акты Российской Федерации с обязательным указанием в скобках – «утратил силу»;
- нормативные правовые акты России и СССР, относящиеся к историческим материалам: документы, принятые до 25 октября (7 ноября) 1917 г.; документы советского периода;
- нормативные правовые акты иностранных государств, в которых Российская Федерация не участвует;

Действующие и утратившие силу нормативные правовые акты размещаются по степени значимости. Документы с равной юридической силой, за исключением кодексов, группируются в обратном хронологическом порядке согласно датам их принятия (подписания Президентом Российской Федерации). Кодексы располагаются в алфавитном порядке.

2. Научная и учебная литература: монографии, диссертации, учебники, учебные пособия, энциклопедии, научные статьи, электронные ресурсы локального и удаленного доступа. Размещение указанных источников, включая электронные ресурсы, осуществляется в алфавитном порядке по фамилиям авторов и названиям источников.

3. Литература на иностранных языках. Размещается в алфавитном порядке на языке оригинала. При наличии в библиографическом списке литературы на разных языках – вначале в порядке кириллического алфавита записи на языках, использующих шрифты на кириллической основе, затем в порядке латинского шрифта на языках с латинским шрифтом.

5.4.3. Все библиографические записи в списке литературы нумеруются. Отсылки заключаются в квадратные скобки [3; 12 и т. п.]; если идет ссылка на конкретные страницы: [3, с. 417].